

ISSN 2309-1584

НАВИРОВСКИЙ
АРХИВ

№3 (5), 2014

ISSN 2309-1584

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

Научный журнал

Основан в 2013 г.

Выходит 4 раза в год

№3 (5), 2014

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

Главный редактор:

Б. В. Орехов, кандидат филологических наук (Москва)

Зам. главного редактора:

С. С. Шаулов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

Редакционная коллегия:

В. В. Борисова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Е. А. Выналек, кандидат филологических наук (Вроцлав)

А. А. Галлямов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

П. Н. Толстогузов, доктор филологических наук, профессор (Биробиджан)

С. М. Шаулов, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Редактор — Е. Подгорная, редактор английских текстов — И. Иваненко,
компьютерное макетирование — Д. Муслимов, технический редактор — А. Юсупова,
дизайн — Д. Муслимов

Назировский архив — электронный журнал

Адрес в Интернете:

<http://nevmenandr.net/nazirov/journal.php>

Адрес редакции:

450000 г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. к. 420

e-mail: nevmenandr@gmail.com

Ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 30.12.2013. Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,31.

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

© ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2013

© Редакция журнала, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

О наукометрических и гуманитарных основаниях инициативы создания мемориального кабинета Р. Г. Назирова 4

Публикации

Р. Г. Назиров Историческое мышление и философия истории. Предисловие и публикация С. С. Шаулова 11

Р. Г. Назиров Польша против монголов. Эпоха феодальной раздробленности. Публикация Е. А. Выналек, С. С. Шаулова, предисловие С. С. Шаулова 88

Р. Г. Назиров Исторические корни эвгемеризма. Предисловие и публикация С. С. Шаулова 119

Р. Г. Назиров <Несколько слов о знаменитом Набокове. > Публикация, предисловие, примечания Л. А. Каракуц-Бородина. 133

Биографический отдел

С. В. Белов об Р. Г. Назирове 149

Автограф Р. Г. Назирова 153

Исследования

С. С. Шаулов Черты утопии и дистопии в рассказе Р. Г. Назирова «Утро в городе Солнца». 156

Рецензии

О. И. Уляшев Самообманы цивилизации или самоосмысление культур? 171

Библиография

Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова 188

Правила для авторов 190

О наукометрических и гуманитарных основаниях инициативы создания мемориального кабинета Р. Г. Назирова

С 30 октября по 1 ноября 2014 года в Башкирском государственном университете состоялась конференция «От века — к веку: Книга. Литература. Коммуникация. Журналистика». В ходе подготовки к конференции в рамках обсуждения способов сохранения памяти о преподавателях и ученых факультета была озвучена идея придать комнате 408 (бывшее помещение кафедры русской литературы и фольклора) статус мемориального кабинета Р. Г. Назирова, профессора филологического факультета, проработавшего в БГУ 40 лет и заведовавшего этой самой кафедрой в последние годы жизни. К сожалению, у этой идеи нашлись противники, которые аргументировали свой отказ поддержать инициативу тем, что Назирову, якобы, никогда не сравниться по значимости с другими достойными преподавателями, обогатившими историю факультета, фольклористом Л. Г. Барагом и литературоведом В. С. Синенко.

Нам показалось, что за такими словами и мнениями стоит недопонимание ситуации, которое мы попробуем здесь разъяснить.

Прежде всего скажем, что и, Л. Г. Бараг, и В. С. Синенко безусловно, очень достойные и значительные ученые. Их работы вызывают заслуженное внимание и в научном мире, и у нас лично. И хотя у нас в силу возраста не было возможности для персонального общения с ними, нет сомнений в том, что оно обогащало окружающих, много давало ученикам и коллегам. Мы глубоко уважаем Льва Григорьевича и Веру Сергеевну, чтим их память и внимательно относимся к оставленным ими трудам.

Так что дело идет не об уважении, а о научном масштабе, к которому апеллировали наши коллеги-оппоненты.

Конечно, говорить о таких вещах, избавившись от субъективных оценок трудно. У каждого своя шкала значимости, особенно когда мы пытаемся оценить наследие ученого-гуманитария. Попробуем для начала сузить поле вопроса и сформулируем его так: остаются ли все они сейчас, после своего ухода, действующими учеными? Насколько их наследие востребовано не в давно прошедшем прошлом и не в абстрактном будущем, а прямо сейчас? Ответ на этот вопрос призван дать Российский индекс научного цитирования, сканирующий все ссылки на литературу в доступных научных изданиях последних лет. Языком бездушных цифр ответ на заданный нами вопрос выглядит следующим образом.

Ссылки на труды Л. Г. Барага содержатся в 170 научных трудах, начиная с 1994 года и по настоящее время. На Р. Г. Назирова ссылаются авторы 124 публикаций, на В. С. Синенко — 10 (sic!) При этом следует учитывать, что в одной работе могут присутствовать ссылки на несколько работ, поэтому количество ссылок несколько

отличается: Л. Г. Бараг — 261 ссылка, Р. Г. Назиров — 135 ссылок (если считать только с 2004 года — 127), В. С. Синенко — 11¹.

Действительно, авторитетный фольклорист Л. Г. Бараг (его литературоведческие работы о русском XVIII веке сейчас, увы, почти забыты) участвовал вместе с соавторами в составлении важного академического труда — указателя сюжетов восточнославянской сказки, который по-прежнему служит одним из фундаментальных источников для современных специалистов по традиционному фольклору. Естественно, что на него охотно ссылаются, но это все же не ссылка на аналитическую работу, отражающую построенную автором концепцию и, к тому же, труд этот опубликован в соавторстве с И. П. Березовским, К. П. Кабашниковым и Н. В. Новиковым². Этот указатель с огромным (в разы) отрывом лидирует среди ссылок на труды Барага. Менее часто (но все же относительно регулярно) встречаются ссылки на другой справочный труд ученого, посвященный уже не всему массиву восточнославянской сказочной прозы, а только белорусским сказкам³. Один из учеников Л. Г. Барага, ныне известный башкирский фольклорист Б. Г. Ахметшин в своей статье «Вклад Л. Г. Барага в развитие и становление башкирской науки о фольклоре и литературе (к 100-летию со дня рождения)»⁴ подчеркивает научное значение немецкого издания собрания белорусских сказок, подготовленного Л. Г. Барагом⁵. Мы не имеем возможности проверить наше следующее утверждение, но, без сомнения, немецкие специалисты по восточнославянскому фольклору должны знать этот труд и регулярно пользоваться им в своей работе.

Однако поисковый механизм Российского индекса научного цитирования по специальному запросу указывает только на один случай упоминания этого издания в отечественной научной периодике. Гораздо активнее российские ученые используют подготовленное Л. Г. Барагом совместно с Н. В. Новиковым трехтомное издание знаменитого афанасьевского собрания сказок⁶. Точно так же для исследователей башкирского фольклора актуальны издания фольклорных текстов, собранные и подготовленные Барагом⁷. Собственно, эти книги (указатель восточнославянских сказок,

¹Поскольку ни один из этих ученых не зарегистрирован в РИНЦ как действующий научный автор, поиск проводился следующим образом: поисковый запрос ограничивался тематически (темами «Культура. Культурология», «Философия», «Языкознание», «Литература. Литературоведение. Фольклористика», «Религия. Атеизм») и по области поиска (поиск в списках цитированной литературы). Полученные результаты «просеивались» вручную. Были отсеяны однофамильцы (у Барага таковых, правда, не нашлось), оставшиеся ссылки распределены по тем трудам, к которым они адресуют читателя, и по годам. В дальнейшем сопоставление мы уже не включили наукометрические данные В. С. Синенко.

²См.: Бараг Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979.

³Бараг Л. Г. Сюжеты и мотивы белорусских волшебных сказок: систематический указатель//Славянский и балканский фольклор. М., 1971. С. 182—235; Бараг Л. Г. Сюжэты і матывы беларускіх народных казак: Сістэматычны паказальнік. Мінск, 1978.

⁴Проблемы востоковедения. 2011. № 1(51). С. 50—53.

⁵См.: Belorussische Volksmarchen. Berlin, 1966.

⁶Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3 тт. Подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М., 1985.

⁷См., например, одно из наиболее известных : Башкирские богатырские сказки. / Сост., авторы вступ. ст., подгот. текста, коммент. Л. Г. Бараг, Н. Т. Зарипов. Уфа, 1981.

указатель белорусских сказок и научное издание сказок А. Н. Афанасьева; для башкирской фольклористики — соответствующие издания регионального фольклора) и являются наиболее востребованной частью бараговского наследия в современной науке. Количественно это выглядит так: на них приходится 208 ссылок, все остальные труды Л. Г. Барага упоминаются в 53 ссылках.

У Назирова нет трудов справочно-энциклопедического характера (во всяком случае таких, которые требовали бы *обязательной* ссылки при обращении к соответствующей теме), ссылки на него суть ссылки на аналитико-исследовательские труды. Приведём несколько интересных наблюдений.

Среди трудов Назирова наиболее часто исследователи обращаются к единственной вышедшей при жизни монографии «Творческие принципы Достоевского» (36 ссылок), на втором месте по цитируемости — статья «Реминисценция и парафраза в “Преступлении и наказании”» (13). Остальные прижизненные труды Назирова цитируются в анализируемом массиве относительно равномерно (в пределах 10). Причём в последние годы ссылки на статьи Назирова, часто даются с указанием на их переиздание в 2005 году⁸ (33 ссылки на это издание). Заметно также постепенное усиление научной востребованности наследия Р. Г. Назирова: 51 ссылка в 2004—2009 годах против 76 в 2010—2014.

Интересно также, что посмертные публикации входят в научный оборот не сразу, а спустя три—четыре года. Так, ссылки на сборник статей «Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход», подготовленный сотрудниками кафедры русской литературы и фольклора БашГУ под руководством Р. Х. Якубовой, в 2005—2009 годах фактически единичны, основная их масса относится уже ко второму десятилетию нашего века. Аналогичным образом, только начинается цитирование сборника «Мифология и литература, или Преодоление смерти», изданного в 2010 году⁹, наконец, «Назирковский сборник», вышедший в 2011 году¹⁰, получил на текущий момент одну ссылку (показательно, при этом, что была востребована не издававшаяся при жизни учёного «История формализма в литературоведении»).

Добавим, что из наших подсчетов были исключены ссылки на Назирова, содержащиеся в трех специально посвященных ему статьях¹¹, учтенных индексом. Кроме того, основная масса ссылок на Назирова, естественно, находится в трудах отечественных исследователей Достоевского, а между тем, РИНЦ не индексирует ни одно из специальных

8 Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. Уфа, 2005. Безусловно, свою роль в усилении читаемости этого сборника сыграло и его размещение в интернете (<http://nevmenandr.net/nazirov/>).

9 О мифологии и литературе, или Преодоление смерти: статьи и исследования разных лет. Уфа, 2010.

10 Назирковский сборник. Исследования и материалы. Уфа, 2011.

11 Жукова Ю. А. Р. Г. Назиров и его ученики — исследователи творчества Ф. М. Достоевского (обзор изданий, выпущенных достоевковедами г. Уфы за 2011 и 2012 годы) // Вестник ВЭГУ. 2013 №1. С. 204—210; Борисова В. В. Научная школа Р. Г. Назирова // Назирковский архив. 2014. № 1. С. 124—132; Борисова В. В. Р. Г. Назиров и его научная школа: итоги и перспективы развития // European Social Science Journal. 2014. № 4—1. С. 300—305.

изданий: в индексе учтены только по пять статей из альманаха «Достоевский и мировая культура» и академического сборника «Достоевский: материалы и исследования», ежегодник «Достоевский и современность» не присутствует в РИНЦ даже названием. Равным образом не входит в РИНЦ и наше издание. Иными словами, количество «ринцевских» ссылок на труды Назирова не обусловлено никакими внеаучными воздействиями.

Многое можно списать на несовершенство РИНЦ как инструмента таких подсчетов, а также на порочность самого принципа высчитывания ученого признания по количеству ссылок.

Мы заранее согласны со всеми возражениями. Тогда обратимся к другим фактам, которые в той или иной мере позволяют оценить память об ученом и, как следствие, его научную величину.

Лев Григорьевич Бараг ушел из жизни в 1994 году. За почти 20 лет с момента его смерти ученое сообщество Башкирии почтило его память двумя конференциями (к 90-летию и 100-летию со дня рождения) и сборниками их материалов. В. С. Синенко первый и пока единственный раз вспоминали на названной в начале статьи конференции. К сожалению, этим исчерпывается то, что сделано для их памяти.

В то же время. Первая конференция памяти Р. Г. Назирова состоялась в апреле 2014 года. И это далеко не самый значительный пункт нашего перечня. С 2004 года (года смерти Назирова) по 2014 год опубликовано 6 книг ученого, содержащих переиздание ранее выходивших работ и новонайденные архивные материалы¹². В 2011 году издан «Назирровский сборник», книга, специально посвященная наследию Ромэна Гафановича. Подчеркнем, что это именно книга о нем и о его работах, а не сборник статей на отвлеченные темы, не соотношенные с личностью ученого, как это часто бывает. В столичных периодических изданиях вышло 7 публикаций не выходивших при жизни текстов¹³. В разного рода провинциальной периодике появилось еще около десятка публикаций ранее не печатавшихся работ.

¹² Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 208 с.; Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. 408 с.; Назиров Р. Г. Избранные газетные рецензии. Уфа: Вагант, 2011. 80 с. Назиров Р. Г. Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 206 с.; Назиров Р. Г. Творчество Ф. М. Достоевского. Проблематика и поэтика: учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 168 с.; Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа: Полиграфкомбинат, 2014. 292 с.
¹³ Назиров Р. Г. Сущность и специфика искусства // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2009. № 2 (42). С. 133—146; Назиров Р. Г. Сюжет как компромисс // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. № 1—2 (43—44). С. 61—69; Назиров Р. Г. Легенды о художниках: к постановке проблемы // Нева. 2012. № 2. С. 190—201; Назиров Р. Г. Фабула о колдуне-предателе // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 49—87; Назиров Р. Ленинградская тетрадь. Фрагменты дневника. Ленинград, лето—осень 1952 года. Публикация, вступление, комментарии Ирины Розиной и Марии Рыбиной // Нева. 2014. № 6. 168—188. Назиров Р. Г. Гоголь, Достоевский и английская готика // Достоевский и мировая культура: альманах. № 30 (часть 2). СПб., 2013. С. 241—280; Назиров Р. Г. «Скверный анекдот» и гоголевская традиция // Достоевский и мировая культура: альманах. № 32. СПб., 2014.

В этом году второй раз подряд вручается Назировская стипендия, денежное поощрение за лучшую студенческую научную работу о наследии Назирова (в 2013 году стипендии удостоилась магистрантка БГПУ Ю. Короткова, в 2014 — аспирантка БГУ Г. Узбекиова). Наконец, в отношении Р. Г. Назирова сделано нечто беспрецедентное: только ему одному посвященный ежеквартальный научный моножурнал («Назировский архив», ISSN 2309-1584). Такое для ученых вообще редкость, из гуманитариев доселе этой чести удостоивался только Бахтин. А уж для уфимского ученого такое вообще сложно было себе представить. И тем не менее это произошло. Уже можно сказать, что журнал состоялся, он выходит больше года и прочно встал на ноги. Остается сожалеть, что отдельные коллеги предпочитают этого не замечать. Журнал публикует не издававшиеся ранее тексты Р. Г. Назирова, рецензии на выходящие посмертно книги ученого, аналитические работы о его научной и художественной прозе. Биографические интервью о Назирове журналу дают ведущие столичные литературоведы (А. Л. Осповат, С. В. Белов).

Память о Назирове жива, труды его востребованы и, по сути дела, большей частью не напечатаны. Нас ждут еще увлекательнейшие открытия интеллектуального мира его неопубликованного наследия, хотя уже сейчас ясно, что масштаб этого наследия по всем возможным шкалам определяется как масштаб мирового уровня.

Наконец, свою роль в том, какая память остается об ученом, играет и «человеческий фактор», ученики. Должен быть кто-то, кто встанет и скажет в полный голос о необходимости создания мемориального кабинета. О назировской научной школе есть три подробные статьи В. В. Борисовой и Ю. А. Жуковой¹⁴. Не будем повторять их, скажем только, что в случае Назирова такие люди есть.

Так сложилось, что Синенко и Бараг не оставили учеников, которые пропагандировали бы их наследие, издавали их труды, организовывали бы стипендии их имени. Едва ли следует ставить это в вину уважаемым литературоведам. Но это факт, и факт показательный.

Если быть честными, то нам кажется, что весь этот разговор — результат недоразумения. Потому что, конечно же, не журналами, публикациями и стипендиями определяется реальный научный вес ученого. Так сказать, вес нетто, если пользоваться совсем приземлёнными метафорами. Главное — это концептуальная глубина, широта обобщений, продуктивность научных гипотез, их приложимость к вариативному материалу. И нам представляется, что наши оппоненты просто остались в плену устаревших представлений о Назирове как об авторе нескольких интересных работ о творчестве Достоевского. Как показали последние 10 лет, считать так — непростительное заблуждение. Назиров прежде всего был историком культуры, глубоким, своеобразным, умевшим небанально обобщать гигантские пласты фактов, создавая изящные научные концепции и формулируя оригинальные методы. Недоразумение, как нам кажется,

¹⁴См. сноску 11.

появилось из-за того, что противники идеи создания мемориального кабинета не читали посмертно опубликованных трудов Назирова, прежде всего пронизанной сложно устроенной концепцией и методологией монографии «Становление мифов и их историческая жизнь». Благодаря этому тексту можно ощутить тот уровень всеохватности, который демонстрировал интеллект Назирова, и на котором, к сожалению, может работать далеко не каждый гуманитарий.

Подчеркнём, что этот текст написан не ради преуменьшения масштаба заслуг В. С. Синенко или Л. Г. Барага. Достижения Льва Григорьевича как систематизатора и публикатора фольклорных трудов трудно переоценить. Тем более, что и они тоже известны научному сообществу далеко не в полной мере: накопленный фольклорными экспедициями БашГУ, которыми Барак руководил несколько десятилетий (!), архив до сих пор ещё не издан полностью, интереснейшие, часто уникальные записи русского и башкирского фольклора Южного Урала хранятся на филологическом факультете Башкирского университета. Сейчас этот архив фактически требует нового описания, освоения, изучения и, разумеется, публикации тех материалов, которые не вышли в свет при жизни учёного. Нам представляется справедливым следующий вопрос: почему ученики и коллеги Льва Григорьевича за 20 лет не нашли сил и времени исполнить этот долг?

Если же говорить о научном наследии В. С. Синенко, то её последние (на наш взгляд, наиболее интересные) книги¹⁵ выходили, насколько нам известно (нас поправят, если мы ошиблись), при технической и издательской помощи Ю. М. Камильяновой, в ту пору сотрудника уфимского Восточного университета. Примечательно, что вопрос об адекватном сравнении «научного масштаба» В. С. Синенко, Л. Г. Барага и Р. Г. Назирова в обсуждении на филологическом факультете, подняли совсем другие люди...

Ю. М. Лотман говорил, что труды учёного живут не более 20 лет. Судьба трудов самого Лотмана, к счастью, уже опровергла этот тезис. Но даже если согласиться с этим утверждением, ясно, что для работ Назирова этот отсчет ещё даже не начался, и прошедшие со смерти учёного 10 лет — это только приготовление к угадыванию их реальной значимости. Но и в этот, предначальный, по сути, период не следует совершать очевидных ошибок недооценки и преуменьшения масштаба.

Борис Орехов,
НИУ Высшая школа экономики
Сергей С. Шаулов,
Башкирский государственный университет

¹⁵Синенко В. С. Поэтический космос русской прозы середины XX века. Уфа, 1999; Синенко В. С. Этика стоицизма Александра Солженицына. Уфа, 2000; Синенко В. С. Идея «Домостроя» в духовной судьбе В. В. Розанова. Уфа, 2005. О научной концепции, объединяющей эти книги см.: Камильянова Ю. М. В. С. Синенко. Идея «Домостроя» в духовной судьбе В. В. Розанова (Уфа, Восточный университет, 2005) [Рец.] // Вестник ВЭГУ. 2005. № 29/30. С. 236—238.

Публикации

Р. Г. Назиров

Историческое мышление и философия истории

Предисловие к публикации

Свод материалов, озаглавленный «Историческое мышление и философия истории», хранился в архиве Р. Г. Назирова в особой пачке с тетрадами¹. Настоящая публикация включает в себя две из них, помеченные «№ 4» и «№5» и снабженные развернутыми заголовками. Пачка включает в себя также тетрадные обложки, помеченные (перечисляем в порядке их положения в пачке): «Закат историзма в XX веке. Тетрадь № 7», «Тетрадь № 2. Библейский историзм и христианство. Средние века», «Историческое мышление и философия истории. XIX век. Тетрадь № 3». Однако сами тетради расточены, внутри обложек хранятся различные разрозненные выписки и наброски, частично даже не относящиеся к теме публикуемого текста. Полный текст соответствующих разделов, очевидно, утрачен.

«Историческое мышление и философия истории» совершенно ясно относится к жанру учебных пособий или исторических очерков, сделанных «для себя», о наличии которых в архиве ученого уже говорилось². Это видно по специфически лапидарной подаче материала, по особенностям его графического оформления (в основном, это разнообразные одинарные и двойные, черные и цветные подчеркивания), по характерному «лёгкому» стилю, свойственному Назирову-преподавателю, и, вероятно, облегчавшему мнемонические задачи Назирову-учёному.

Отдельные идеи, факты и интерпретации, зафиксированных в этом своде, публикатор слышал от Назирова в рамках курсов «Культура и религия» (последние лекции доходили обычно до революции 1917 года, затрагивая, естественно, и русскую философию Серебряного века) и «История эстетических учений», однако в целом этот материал не перешел в лекционную практику Ромэна Гафановича.

По всей видимости, цель создания такой философской «летописи» лежала в плоскости творческих и исследовательских нужд самого автора. Без сомнения, этот текст входит в «орбиту»³ последней книги Назирова — «Становление мифов и их историческая жизнь», — включающей в себя целостную концепцию философского осмысления истории сквозь призму мифа.

1АРГН, оп. 1, д. 17.

2См., например: Орехов Б. В. Орехов, Б. В. Работа Р. Г. Назирова «Сюжет как компромисс» в архиве ученого (предисловие к публикации) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. № 1—2 (43—44). С. 58—60. Также: Орехов Б. В., Шаулов С. С. О Ромэне Назирове // Вопросы литературы. 2012. № 4.

3Мы считаем удачным сравнение, запущенное в докладе «Назировский архив как система», сравнение сопутствующих главным трудам материалов с планетной системой, вращающейся вокруг центрального светила (см.: Орехов Б. В., Шаулов С. С. Архив Назирова как система // Назировский архив. 2013. № 2. С. 121).

«Историческое мышление и философия истории» — это, во-первых, «личный справочник» автора, необходимый ему для верификации своих обобщений и идей. Во-вторых, это своего рода «фильтр», отсеивающий ненужные Назирову персоналии и концепции (но учитывающий, тем не менее, их присутствие в интеллектуальном поле культуры). Наконец, здесь же Назиров апробировал формулировки некоторых идей, которые потом могли попасть уже в окончательный текст «Становления мифов».

Последний аспект особенно интересен потому, что позволяет проникнуть в интеллектуальную «кухню» Назирова-историка и философа культуры. Отнюдь не все интересные наблюдения и смелые параллели, которые он проводит в «Историческом мышлении», попали в итоге в «Становление мифов». Многие звучат интересно, неожиданно (даже и для современного читателя), отчасти спорно, но неизменно интересно.

Так, Назиров с уважением пишет о «деловой программе культуры» А. де Сен-Симона, усматривая в ней тенденцию, не угасшую (но и неосуществившуюся до конца) и по сей день. Для современной культуры раннесоциалистические утопии в значительной мере утратили актуальность (по сравнению с советским временем), однако Назиров последовательно выделяет в сен-симонизме именно те черты, которые подводят читателя к мысли о том, что современная цивилизация до некоторой степени представляет собой осуществление идей Сен-Симона.

Неожиданным и интересным выглядит соображение о том, что граф Ж. де Местр, критикуя Петра I в своей переписке с графом Разумовским, предсказал русский нигилизм XIX века.

Особого внимания заслуживает сопоставление философско-исторических взглядов Пушкина и Гоголя, которое, безусловно и неизбежно, должно быть соотнесено с концепцией борьбы и синтеза пушкинской и гоголевской традиции в русской литературе, которую Назиров реализовал в своей докторской диссертации «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул».

Подобных примеров чрезвычайно много. Фактически каждая глава «Исторического мышления», скупая и порой поверхностно (надо называть вещи своими именами) рассказывающая о том или ином персонаже истории философии, является вместе с тем своеобразной рамкой для какой-либо собственной назировской идеи, наблюдения или сопоставления.

Отдельные главы (например, несколько «гегелевских») важны для понимания эволюции самого Назирова. В «Историческом мышлении» Гегель в целом трактуется спокойнее и отстраненнее, чем в «Становлении мифов», где он показан как один из главных *ложных* мифотворцев Нового времени, несущий едва ли не личную ответственность за многие исторические катастрофы XIX — XX веков.

К сожалению, датировка публикуемого текста не ясна. Однако по большей части он явно относится к этапу творческой биографии автора, предшествующему итоговой книге.

Нужно, впрочем, учитывать, что Назиров, без сомнения, периодически возвращался к своему историко-философскому своду. Это видно, например, по различию в подчеркиваниях: отдельные слова (прежде всего имена и даты) явно были подчеркнуты на стадии создания текста тем же цветом, которым написан основной текст. Более поздние обращения к тексту и размышления над ним отражаются красными подчеркиваниями. В отдельных случаях по этим признакам, вероятно, можно отследить и эволюцию назировской мысли.

Кроме того, в тетради, которые составляют бóльшую часть корпуса, периодически вложены отдельные листы с явно более поздними вставками. Иногда это обширные вклейки, включающие в себя развёрнутый тематический экскурс на несколько листов. Одна из таких вставок — глава «Изворотливость Гегеля и его легкомыслие». Она текстуально близка последней монографии и, видимо, представляет собой предварительный вариант соответствующей ее части. Однако в «Историческом мышлении» она получает дополнительное развитие; Гегелю здесь в целом уделяется большее внимание, чем в «Становлении мифов». Близость к тексту «Становления мифов» обнаруживает также помещённая рядом глава «Религиозность системы Гегеля». В рукописи она включена в общий свод в соответствующей тетради, но также дополнена вклейками и позднейшими записями.

Прямое цитатное сходство этого, дополнительного текста с соответствующим местом «Становления мифов» заставляет предположить генетическую связь между последней монографией и публикуемым сейчас текстом Назирова.

В «Историческом мышлении...» читаем: «Вскоре после смерти Гегеля было показано сущностное тождество его Системы с религией. По Марксу, это пантеистический мистицизм; другие отмечали близость Гегеля с Спинозизму Гёте, только у Гегеля это спинозизм гностический и спекулятивный, без чувственного поэтического обаяния Гёте. Гегелевская философия истории — продолжение иудео-христианской традиции. Вся гегелевская история — это теофания Мирового Духа» и т. д.

В «Становлении мифов»: «Уже вскоре после его смерти было раскрыто сущностное тождество его Системы с религией. По Марксу, это пантеистический мистицизм; другие отмечали близость Гегеля к Спинозизму Гёте, только у Гегеля это спинозизм гностический и спекулятивный, без чувственного обаяния и полноты великого Веймарца. Гегелевская философия истории — продолжение иудео-христианской традиции; вся история у Гегеля — теофания Мирового Духа...»⁴

Дальше тексты, сохраняя некоторое содержательное сходство, уже не дублируют друг друга. Однако важнейшим следствием приведённого выше наблюдения (и нескольких подобных ему) для нас является возможность уточнить датировку последней редакции «Становления мифов». В «Историческом мышлении» текст главы «Религиозность системы Гегеля» заканчивается цитатой из эссе Алексея Цветкова «Futurum imperfectum»,

⁴ Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. С. 197.

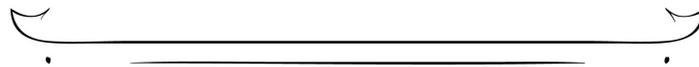
опубликованного в 1997 году⁵. В предисловии к «Становлению мифов» крайней датой, ранее которой не могла быть закончена работа над книгой, мы вместе с Б. В. Ореховым посчитали 1996 год. Видимо, эта дата должна быть сдвинута на год вперед⁶.

Все подчёркивания и изменения шрифта в тексте принадлежат автору. Мы только сочли необходимым раскрыть сокращения, обширно употребляемые Назировым, а также в отдельных случаях снабдить отрывки заголовками и заменить употребляемые автором графические знаки их словесными аналогами. Примечания публикатора даются под знаком «*».

Сергей С. Шаулов
Башкирский государственный университет

⁵ Иностранная литература. 1997. № 1.

⁶ Конечно, возможно, обратное предположение: перенос части текста из «Становления мифов» в публикуемый свод. Но ему противоречит явно подготовительный, «рабочий» характер публикуемого текста и его более архаический, более «советский» в сравнении с последней книгой характер.

Эпоха романтизма.

Гегель.

Шопенгауэр, Карлейль, Токвиль, Гервинус

Тетрадь № 4.

Философия истории

Хотя этот термин введён только Вольтером, фактически ф<илософия> и<стории> начала формироваться с блаженного Августина. Ф<илософия> и<стории> — это синтез философского и исторического знания, ставящий целью не описание историч<еских> событий, а раскрытие их внутреннего смысла, интерпретацию «общего плана» истории, выявление направленности исторического развития.

В XVIII — XIX вв. ф<илософия> и<стории> стала ведущим разделом всего философского знания (Гердер, Гегель, Маркс). Центральной идеей русской ф<илософии> и<стории> (Чаадаев, Хомяков, Вл. Соловьёв, Н. Бердяев, Л. Карсавин и др.) явились поиски и обоснование особого места и роли России в общей жизни и судьбе человечества.

Граф Анри Клод де Сен-Симон де Рувруа (1760 — 1825)

Знатный аристократ, в числе его предков — великий герцог де С<ен>-С<имон>. Воспитателем Анри Клода был сам Даламбер. В юности Анри Клод приучил слугу будить его по утрам словами: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!»

Молодой граф вместе с Лафайетом переплыл океан и сражался за независимость Соед<иненных> Штатов Америки. Вернулся во Францию, а через неск<оль>ко лет там началась Великая Революция. Она была горнилом идей: старые сгорали, новые рождались. Напр<имер>, уравнительный коммунизм Гракха Бабёфа («Заговор равных»).

С<ен>-С<имон> не покидал Франции. Он принял на сохранение капитал одного эмигранта и удачно пустил в оборот. Во время Революции титула не писал и, будучи с детства материалистом, выступил с проектом сноса Собора Парижского Богоматери. При Терроре его хотели арестовать. Спускаясь по лестнице, он встретил наряд полиции; его спросили, где живёт гражданин Сен-Симон. Он дал точные указания, а сам спокойно ушёл и скрылся... Когда вернулся из эмиграции тот богач, С<ен>-С<имон> вернул ему сбережённое и даже увеличенное состояние.

⌢
—————
⌣

С<ен>-С<имон> был ч<елове>к весёлой и высокой души. Тогда жизнь была очень опасной, а он превращал её в игру, кипел замыслами и проектами; нек<ото>рые из них оказались очень практичными, хотя в целом С<ен>-С<имон> явился родоначальником современного утопического социализма. В этой области у него был ряд предшественников, но в основном это были беллетристы-просветители.

Великий утопист начал свою философскую карьеру с идеи социального физицизма, построенного на примитивном распространении закона всемирного тяготения на жизнь общества. Уже в «Письмах женевого обывателя к своим современникам» (1802) С<ен>-С<имон> предложил новую религию, характерная черта к<ото>рой — ньютонизм; Исааку Ньютону поручено Богом «руководство светом и управление жителями всех планет». В будущем гармонич<ном> общ<ест>ве место храмов займут мавзолеи Ньютона. С<ен>-С<имон> заявил: «Золотой век, к<ото>рый слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас».*

Никакой революции он не хотел, он проповедовал индустриальную реформу. В счастливом индустриальном общ<ест>ве будущего он предусматривал сохранение и частной собств<енно>сти, и предпринимательской прибыли, и деление на классы. Но он далеко ушёл от утопизма Века Разума.

До С<ен>-С<имона> мечта о счастливой и свободной жизни в гармонии с природой была общей у больш<инст>ва утопистов с сентиментальными писателями типа Руссо и Голдсмита, врагами промышленного переворота, хулителями больших городов. Утопия ответвилась от пасторального мифа. Ранний утопизм восторженно любил природу и был сентиментален, как молодой Робеспьер.

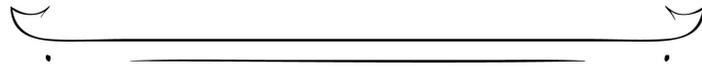
Утопизм лишился невинности с тенью Френсиса Бэкона: отдался культу науки. В 1802 С<ен>-С<имон> провозгласил: «Прочь, Александры, уступите место ученикам Архимеда!» Ещё только восходила звезда Наполеона, а С<ен>-С<имон> уже предчувствовал технократию.

С<ен>-С<имон> решит<ель>но защищал детерминизм, распространял его на развитие ч<еловече>ского общества и особое внимание уделял обоснованию идеи исторической закономерности. Он считал, что история должна стать такой же позитивной наукой, как и естествознание. По мнению С<ен>-С<имона>, каждая общественная система является шагом вперёд в истории. Движущими силами общественного развития он считал прогресс научных знаний, морали и религии.

Соответственно этому, история проходит 3 фазы развития: теологическую (господство религии, это древний мир и Ср<едние> века), метафизическую (крушения феодализма и теологии) и позитивную (будущий общественный строй, основанный на науке). Эта схема охватывает прошлое, настоящее и будущее.

У С<ен>-С<имона> важна идея объективности общественного прогресса, выступающего как благой фатум (оптимистич<еский> фатализм, ср. К. Маркс).

* На поле слева красными чернилами восклицательный знак.

Социологическая концепция С<ен>-С<имона> служила обоснованием исторической необходимости установления нового обществ<енно>го строя как закономерного результата предшествующей истории. Общество будущего будет основано на научно и планомерно организованной крупной пром<ышленно>сти. Господствующую роль в нём должны играть наука и пром<ышленно>сть. С<ен>-С<имон> функционально сближает учёных и промышленников. Он употреблял термин «индустриалы», под которым понимал рабочих, фабрикантов, банкиров и купцов. Планирование пром<ышленно>сти должно осущ<еств>ляться в интересах большинства членов общ<ест>ва, особенно беднейшей его части. Пролетариата он специально не выделял.

Всем должно быть обеспечено право на труд; каждый работает по способностям. В грядущей «индустриальной системе» управление людьми будет заменено руководством производством и распоряжением вещами. С<ен>-С<имон> надеялся, что пропагандой позитивной философии можно добиться разумной реорганизации жизни.

Его труды: «Очерк науки о ч<елове>ке» (1813 — 1816), «Труд о всемирном тяготении» (1821 — 1822), «Об индустриальной системе» (1821), «Катехизис промышленников» (1823 — 1824) и «Новое христианство» (1825). Лозунг его нового христианства: «Все люди — братья!».

Его ученики приступили к организации собственной церкви, в к<ото>рой они провозгласили Богом всё человечество (гуманитарный пантеизм). Школа сенсимонистов, к<ото>рую возглавляли Родригес, Анфантен и Базар, выродилась в своеобразную религиозную секту, склонную смешивать любовь к ч<еловече>ству с сексуальной свободой. Их судили при Луи-Филиппе. Секта распалась.

Неожиданным продолжением учения Сен-Симона стал позитивизм, созданный Огюстом Контом, секретарём и даже соавтором стареющего Учителя. См. <вперед>*

Нек<ото>рые идеи и лозунги Сен-Симона заимствовал К. Маркс. Однако пророк индустриальной системы, теоретик плановой экономики, С<ен>-С<имон> был предтечей не К. Маркса, а Р. Гильфердинга, Ф. Д. Рузвельта и Дж. М. Кейнса.

Его программа — это научно организованный капитализм, власть учёных, фабрикантов и банкиров, всемирная ассоциация народов: всё это осущ<еств>вилось в XX веке (ООН!). Не осущ<еств>вилась великая мечта Сен-Симона: всеобщий мир при стирании национальных границ. И никогда не была реализована заветная идея С<ен>-С<имона>: уничтожить эксплуатацию человека человеком.

Зато нек<ото>рые идеи Сен-Симона начали осущ<еств>ляться уже в середине XIX века. Смелые финансисты братья Перейр, вышедшие из его школы, создали

* После «см» стоит стрелка, указывающая вперед по направлению текста. В дальнейшем мы передаём такие авторские знаки словесно в треугольных скобках.

специальные банки для кредитования развития пром<ышленно>сти. Именно у сенсимонизма украл Фердинанд де Лессепс проект сооружения Суэцкого канала.

Сенсимонистский миф скрывал в себе вполне деловую программу культуры; эта программа продолжала идеи Просвещения и опиралась на веру в прогресс.

Кассандра контрреволюции: Жозеф-Мари де Местр (1753 — 1821)

Граф Жозеф-Мари де Местр — французский публицист, католический философ и политич<еский> деятель Сардинского королевства. Анализируя Французскую революцию («Размышления о Франции», 1796), Ж<озеф> де М<естр> предсказал реставрацию Бурбонов.

Его главные произв<еде>ния: «Опыт о порождающем принципе ч<еловече>ских учреждений», «О папе», «Петербургские вечера» — написаны в России, где он прожил более 15 лет в качестве посланника сардинского короля. Излюбленная идея Ж<озефа> де М<естра> — необходимость религиозного упорядочения мира, а идеал госуд<арственной> власти — теократия.

В 1810 вышло его «Essay sur le principe générateur des constitutionis politiques», где Ж<озеф> де М<естр> отчасти полемизирует с Руссо и развивает идею о Божественной воле как истинном порождающем начале политической институций и законов. Сторонник абсолютизма, враг Просвещения и Революции, Ж<озеф> де М<естр> утверждает, что Французская революция имела «сатанический характер».

Он заявил, что общество не может сущ<ество>вать без религии. Он считал, что постоянная борьба и грубое насилие составляют естественную основу международных отношений: «Война божественна по своей природе, потому что это закон Вселенной» (ср. Гегеля и Ницше!).

Общество создал Бог; в эпохи жестоких социальных кризисов особенно сильно проявляется воля Провидения. Французская революция есть кара небес; поэтому Ж<озеф> де М<естр> прославляет палача как белого ангела. В книге «О папе» (1819) он предложил объединить все христ<ианские> церкви под главенством Рима и установить неограниченную светскую власть Папы.

Человек большого и мрачного ума, Ж<озеф> де М<естр> порою делал удивит<ель>ные предсказания. В 1810 он писал: «Если не вернуться к заветам древних, если не передать образование в руки священников, если не поставить науку всюду на второе место, то беды, к<ото>рые нас ожидают, окажутся неисчислимыми. Мы будем одурманены наукой, а это — последняя степень умственного падения». Он предвидел беды от культа науки.

В письмах к графу Разумовскому Ж<озеф> де М<естр> говорил о роли просвещения в России. Касался он и Петра I, утверждая, что петровское просветительство было преждевременным и вредоносным: оно должно привести к

появлению обширного слоя презирающих свою страну полузнаек, критиканов и разрушителей (предсказание русского нигилизма!).

Иоганн Готлиб Фихте (1762 — 1814)

Немецкий философ, второй (после Канта) деятель классического идеализма. Был профессором Йенского университета, но летом 1799 был вынужден покинуть Йену вследствие обвинения в атеизме: он отвергал личного Бога и понимал Бога как моральный порядок мира. В дальнейшем профессор Берлинского университета.

В 1800 вышла книга Фихте «Замкнутое торговое государство»; в ней он защищал и идеализировал сословные отношения. Одновременно его политический идеал, отмеченный немецким провинциализмом и национальной исключительностью, обладал чертами социальной утопии: согласно Фихте, все граждане имеют право не только на формальную свободу и защиту от насилия, но также на собственность, на труд и на участие в доходах от государственного хозяйства.

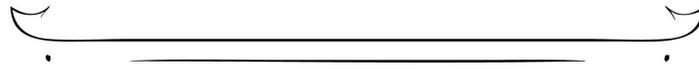
Центральным вопросом этики стал для Фихте вопрос о свободе. Подобно Спинозе, Фихте видит в свободе не беспричинный акт, но действие, основанное на познании непреложной необходимости. В отличие от Спинозы, Фихте ставит степень свободы, доступную людям, в зависимость не от индивидуальной мудрости, а от исторической эпохи, к которой принадлежит индивид.

Началась наполеоновская эпопея. Прусская кампания 1806 года ошеломила мир: «Наполеон дунул на Пруссию, и Пруссии не стало» (Генрих Гейне). Берлин раболепно встретил завоевателя. И вот в обстановке французской оккупации Фихте в 1807 — 1808 читает в Берлине «Речи к немецкой нации» (изд. 1808), в которых провозглашает лозунг защиты национального суверенитета.

В «Речах» многое замечательно. Как сильно он говорит о пагубности пассивного ожидания помощи извне! Никто не поможет тем, кто молчит и терпит. Все помогут тем, которые сами себе помогают. Он звал слушателей к борьбе за освобождение не только Пруссии, но всей Германии. Эти речи — манифест прогрессивного национализма: они учили видеть в войне против французов борьбу за новое социальное устройство Германии. «Речи к немецкой нации» имели огромное значение. Впервые национальным героем стал философ.

Уже в 1808 образовался «Tugendbund» — союз для пробуждения прусского духа. В разных концах Германии начались выступления против тирании Наполеона. Когда с приходом Кутузова немцы начали Освободительную войну (1813), Фихте был вознесён в ранг одного из её вождей. Философ-герой доказал миру, что мысль может и должна быть делом: истинная философия есть поступок.

Кант создал этику долга: «Ты должен, значит ты можешь». Развивая эту идею, Фихте объявил, что весь мир — «материал исполнения долга». Интересен у него анализ тиранического сознания: переход аффекта свободы в аффект

самостоятельности и далее в аффект своеволия. Соблазн власти состоит в наслаждении неограниченными возможностями, в чувстве «я всё могу».

«Я всё могу» — слова, вырвавшиеся однажды у Наполеона. Промежуточное состояние между природой и нравственностью Фихте определил как «отрицательную свободу» — свободу от природы, но не свободу для нравственности. Опасность этого состояния в том, что индивид, освободившийся от природных страстей, становится сильнее всех, кто ещё остаётся у них в рабстве.

Фихтеанская философия действия сопрягается с верой в прогресс. Страстно трудясь над освобождением родины, Фихте надорвал свои силы, тяжело заболел и умер в 1814 году.

Активизм, моральное требование всегда переходить от наблюдения к делу, от теории к практике роднит Фихте с одной стороны с Кантом, с другой — с Ницше. Пламенным фихтеанцем был и юный Маркс. Согласно Фихте, общечеловеческой истории отходит от своего первоначального состояния, с тем чтобы в конце концов к нему вернуться (см. аналогичную концепцию Шиллера).

Первоначальным состоянием всех людей был первобытно-общинный строй. По-немецки это одно слово: Urkommunismus.

Туда-то и решит вернуться Карл Маркс.

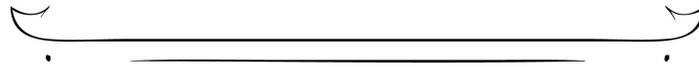
Проблема истории у Фихте

С 1800 г. Фихте постепенно переходит от абсолютизации принципа деятельности к углублённому религиозно-мистическому созерцанию; смещаются акценты в его понимании свободы. Создаётся «философско-историческая концепция весьма пессимистически оценивающая современное состояние человечества» (П. П. Гайденко).

Вместе с тем, живо откликаясь на события эпохи, он осознаёт, что проблема свободы приобретает конкретно-исторический вид, превращаясь в проблему «социального и политического освобождения народов и стран Европы, Германии про преимуществу» (Н. В. Мотрошилова).

Поскольку действительность им воспринимается в чисто духовном измерении, то и решение проблемы построения справедливого общества не выходит за рамки идеалистической критики современности. Эта задача, как верно подчёркивает Куно Фишер, значителен ближе учению Фихте, чем натурфилософская.

Фихте говорит о развитии сознательного духа, о его влечении к свободе, составляющем неизменный фактор и движущую силу мировой истории. В этой истории Фихте пытается обнаружить неуклонный прогресс духа и прогресс в осуществлении свободы. Однако, поскольку он выводит начало истории культуры из противоречащей закону развития гипотезы первоначального или нормального народа, который сразу находится в обладании всем тем, что есть плод постепенного

развития, то история тем самым превращается в загадку. Она основывается не на познании исторических закономерностей, а на Божественном откровении.

Куно Фишер сделал вывод, что проблема истории у Фихте осталась нерешённой. Это так, но это не всё.

История начинается у Фихте с борьбы противоположностей — «нормального народа» и «естественных» народов. Начало истории — неравенство. «В философии истории Фихте неожиданно оказались соединёнными два противостоящих друг другу учения о первоначальном естественном состоянии ч<еловече>ства — Руссо и Гоббса» (П. П. Гайденко).

«Нормальный» народ ещё не может являться носителем свободы. В своей сущности он бездуховен, т. к. не осознал себя свободным, не понял своей самости, своей идеи или духа. Понимание свободы как нравственного закона не удовлетворяет Фихте, ибо он стремится исходить из чисто духовного основания, для к<ото>рого характерна прежде всего воля. Для обретения свободы, считает Фихте, необходим акт своеволия, акт самоутверждения.

В этом отношении немецкий народ является народом исключительным, ибо его духовное Я древне, как мир. Причина в том, что «только он [немец] способен к истинной и разумной любви к своей нации». (Фихте, «Речи к немецкой нации»). Эта любовь не имеет ничего общего с той религиозной покорностью, к<ото>рую проповедают тираны, жаждущие отослать на небо всех остальных людей, чтобы самим остаться на земле.

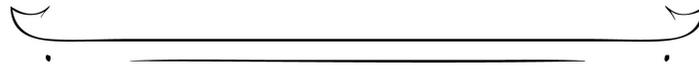
Социальная утопия Фихте — тоталитаризм, с ликвидацией пауперизма, с обеспечением масс работой, с устранением паразитизма правящих классов, с централизованным планированием экономики. Главный путь решения социальных проблем — перестройка всей системы национального воспитания (Bildung).

Романтический историзм

Романтизм — художественная и философская критика противоречий цивилизации. Пафос романтизма — разоблачение дисгармонии соврем<енно>го мира, стремление к идеальному ч<еловече>скому развитию и гармоническому обществу.^{*} Романтики считали, что историч<еский> прогресс разрушителен; у многих развивается идеализация исторического прошлого и сентиментальная критика капитализма.

После Франц<узской> революции и наполеоновских войн с их кровавыми греко-римскими добродетелями Европа искала в прошлом новых пунктов соотнесения, пунктов иных, нежели эта однообразно героическая античность. Она обратилась к Средним векам, и это была настоящая культурная революция. Как Возрождение и

* На поле слева красными чернилами восклицательный знак.

классицизм обращались к античности, так романтизм — к Средневековью. Незадолго до Ватерлоо Вальтер Скотт создал исторический роман.

Но классиком романтизма был хромой дэнди Байрон (1788 — 1824), создавший по своему образу и подобию загадочных скитальцев, действующих преимущественно на Востоке. «Байронический герой» — разочарованный титан, бунтарь-одиночка с таинственным (нередко преступным) прошлым. В литературе этот тип восходит к герою-злодею (the hero villain) готического романа. Байронический герой одержим любовью к прекрасной женщине, но любовь его трагична. Удешевлённым переизданием байронического героя позже стал граф Монте-Кристо из романа А. Дюма-отца.

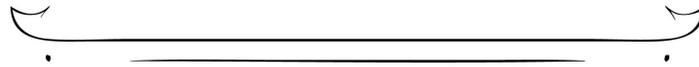
Князь П. П. Вяземский сказал о Байроне, что краски его романтизма сливаются с красками политическими. Подтекстом байронического героя был революционизм, который позже перестал ощущаться.

Новоевропейская мифология была мифологией без Бога. И не обязательно было отрицать бытие Бога; достаточно было не принимать Его в расчёт. Людвиг Витгенштейн: «“Фауст” Ленау примечателен тем, что человек в нём вынужден иметь дело только с дьяволом. Бог же не шелохнётся». Романтик Клейст констатировал: «Даже величайшие атеисты не утверждают, что дьявола не существует». Часть романтической мифологии — уже мифология дьявола: Байрон, Шелли и прочие прометиды открыто восстали против Бога и выразили сочувствие Его оппоненту. В России к этому направлению близок «Демон» Лермонтова. Миф титанической личности сливается с романтическим (революционным) «сатанизмом».

В прямом родстве с гуманистическим богоборством состояли романтический революционизм (героика заговоров и кинжалов), утопический социализм и марксизм. В 1834 в Париже немецкий демократ Якоб Венсдей, неразлучный с кинжалом, основал тайное общество эмигрантов — «Союз справедливых». Идеологом этого союза стал уравнитель Вильгельм Вейтлинг, который первым коммунистом считал Иисуса Христа. Ученик Вейтлинга Маркс превратит это общество в «Союз коммунистов».

Отношение романтизма к истории

Романтизм отверг механистический рационализм Просвещения, показывая антагонистический характер прогресса; отверг веру в гармоническое развитие мира, провозгласив, что прогресс достигается мучениями и самопожертвованиями Духа. Романтизм создал метафизическую концепцию исторического развития, мотором которого является Дух; он совершенствуется и творит всё новые формы, но остаётся неизменным в своей сущности. В этом процессе реализуются важнейшие

ценности: свобода, всеобщая любовь, единение с Богом. Эти концепции опирались на Шеллинга и Гегеля, но часто вели к спиритуализму и мистицизму.

В романтическом мировоззрении важнее всего — оппозиция универсалистской трактовки действительности (подчёркивание единонаправленности и монолитности главных начал мирового развития) и партикуляристских тенденций, акцентирующих отдельность ситуаций и исторических миссий народов, что выразилось, между прочим, в мессианизме и разнородных концепциях нации (романно-германское духовное господство у Гегеля, славянофильство, польский мессианизм, арийская теория и мн<ого> др<угое>).

Противоположность Пушкина и Гоголя

Пушкин отдал дань пессимизму романтиков («На свете счастья нет, Но есть покой и воля»). Однако основной пафос его творчества — вера в ч<елове>ка и его неисчерпаемые возможности.

Самостоянье человека —
Залог величия его.

Но дурная среда искажает всё ценное в ч<елове>ке; только исторический прогресс может привести к обновлению отечества, а затем и души русского человека. Пушкин — продолжатель Просвещения.*

* Между страницами вложены два листа со вписками (второй — машинописный):

1. Пушкин, статья «Джон Теннер». «Шатобриан и Купер <...> закрашили истину красками своего воображения».

«“Записки” Теннера об американских индейцах разливают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным состоянием ч<елове>ка».

Пушкин читал Вико (во франц<узском> переводе Мишле).

2. В своих ранних произведениях о Петре Пушкин слишком его идеализировал. За личностью царя не видел страданий и мук народа. Петр предстает лишь как просвещенный монарх. Но с 1830 года он начинает по-новому оценивать деятельность Петра. Это было следствием перемен в общественной жизни России, его отношений с Николаем I.

В 1833 году Пушкину становится ясным, что Пётр I создал политическую систему, которая была не чем иным, как тиранией, деспотизмом. Пушкин видел жестокость самодержавного произвола. «Достойна удивления, — писал Пушкин, — разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или по крайней мере для будущего, — вторые вырывались у нетерпеливого самовластного помещика» /Пушкин А. С., Полное собрание сочинений в 10-ти т. т. Т. IX, С. 287./

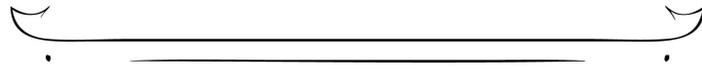
Итак, в 30-е годы, Пушкин ищет в истории материала для широких социально-исторических обобщений современных политических вопросов и тем. В последние годы жизни «он намеревался написать “Историю Петра” и усиленно собирал для нее материал» /Купреянова Е., «Медный всадник» А. С. Пушкина, Л., Издание пушкинского общества, 1947 г., С. 3./

В 1833 году в Болдино А. С. Пушкин написал одно из величайших своей произведений — поэму «Медный всадник».

Пушкин обращается в «векам старинной нашей славы». Его особенно привлекала эпоха Петра.

Чернышевский писал о Пушкине: «Он хотел быть русским, историческим поэтом, — Борис Годунов, Полтава, Медный всадник, отчасти «Капитанская дочка» были созданы не только художнической потребностью, но и желанием выразить свое определенное созерцание явлений русской истории» /Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 5-ти т. т. М., 1948 — т. 4 — С. 630./

К теме Петра Пушкин обращается в «Полтаве». К 1828 году относятся первые наброски поэмы. В ней изменинику России поэт противопоставляет подлинного строителя новой государственности — Петра.

Гоголь не был столь оптимистичен, как Пушкин. По Гоголю, чтобы изменить ч<елове>ка, не нужно изменять суц<ест>вующий порядок вещей, а нужно разбудить в каждом индивиде ныне спящее активное начало. Нравственное пробуждение личности Гоголь противопоставлял общественному прогрессу: тут у них с Пушкиным полное расхождение. Гоголь — романтик. Искусство он понимает как сильнейшее средство нравственного воспитания людей. Искусство способно отвратить их от зла, пошлости и мелочного практицизма и возбудить в них порыв к самосовершенствованию, красоте, идеалу.

Пушкин любит европейскую цивилизацию и за неё многое прощает и Петру I, и даже Николаю I. Гоголь (особенно к концу жизни) — в ужасе от цивилизации.

Пушкин содал в русской лит<ерату>ре исторический роман вальтерскоттовского типа («Арап Петра Великого», «Капитанская дочка»). — У Гоголя в «Тарасе Бульбе» историзм условен, приметы времени размыты, и картина вольной казацкой республики служит формой национальной утопии.

В трагедии «Борис Годунов» Пушкин показал определяющую роль народного мнения в историч<еских> событиях. В то же время авантюриста Гришку Отрепьева Пушкин рисует не без сочувствия, любуется им, как любовался и Пугачёвым. По мысли Пушкина, России не достаёт личностей. Гоголевская трактовка истории исключает и осуждает личное начало (история любви и предательства Андрия в «Тарасе Бульбе»).

NB «Пушкин поставил русский вопрос о нравственном смысле истории» («Полтава», «Борис Годунов», «Медный всадник»).

<О романтизме>

В искусстве романтизма «средневековая» живописность победила псевдо-классическую статуарность. Готические здания, дотоле считавшиеся верхом безобразия, сделались воплощениями красоты и духовности. В 1831 вышел роман Виктора Гюго «Notre Dame de Paris», в к<ото>ром главным героем стал готический собор, т. е. старая Франция.

Культ античности при классицизме был международным, безнациональным. Романтики обожали свою национальную старину; романтич<еский> историзм есть форма национализма. Руссо и романтизм открыли противоречивость прогресса: он сопровождался падением нравов.

Это соответствовало легенде, которая была популярна у передовой части молодежи. По ней Петр являлся великим реформатором, революционером на троне, русским «Робеспьером и Наполеоном» одновременно. Именно как революционный акт расценивал Пушкин уничтожение Петром боярских прав и привилегий, юридически закрепленное «Табелью о рангах». Табель открывала доступ к дворянству лицам безродным, по выслуге чинов. Тем самым кастовая замкнутость привилегированного сословия разрушалась. В декабристских кругах перед великим реформатором преклонялись. «Мы прославляем патриотизм Брута, — писал Н. Тургенев, — но молчим о патриотизме Петра, также принесшего своего сына в жертву отечеству». /Гроссман Л. П. Пушкин. Там же. — С. 431/

Романтич<еский> бунт против деградации ч<еловече>ской личности при капитализме не свободен от иллюзий прошлого: он поэтизирует и защищает их.

Одновременно идёт атака на разум — критика просветительского оптимизма и культа науки. Весной 1819 Джон Китс заявил в одном из писем: «Сердце — вот Библия ума». И далее: «Я не верю ни во что, кроме святости привязанностей сердца и истинности воображения».

Космизм романтиков. Конфликтам своей эпохи романтики часто придавали космический характер, проецировали их на вселенскую, пользуясь для этого библейскими, античными мифами и фольклором: «Пророческие книги» Вильяма Блейка, «Небо и земля», «Каин», «Еврейские мелодии» Байрона, «Освобождённый Прометей» Шелли, «Дяды» Мицкевича.

В «Королеве Маб» Шелли, развёртывается вся европейская история, начиная с античных времён и кончая будущим золотым веком. Поэзия Шелли оптимистична, никакой мировой скорби. Шелли гордо заявляет: «Поэты — тайные законодатели ч<еловече>ства».

Пьер Симон Балланш (Ballanche, 4 авг<уста> 1776 — 12 июня 1847)

Писатель и поэт, род. в Лионе. Болезненный, умный и тихий созерцатель жизни. Отец Б<алланша> владел типографией и книжным магазином, и Б<алланш> сам долгое время возглавлял эту фирму. Во время Революции жил в эмиграции, в Англии. Начало его известности связано с поэмой «Antigone» (1814). Собственно, это символично-эпическая проза, написанная прекрасным языком. Она может служить введением к историко-философским сочинениям Балланша, т. к. содержит в зародыше учение об Искуплении — базу его философии.

Реставрация Бурбонов побудила Б<алланша> поселиться в Париже. Здесь в 1818 был опубликован его «Essai sur les institutions sociales», где он стремился примирить воззрения крайних- со взглядами либералов.

Важнейший труд Б<алланша> — незаконченная философия истории «Essai de palingénésie sociale»: мистическая трактовка истории. Б<алланш> долго оставался незамеченным. В 1834 в Париже вышло Полное собр<ание> соч<инений> (4 т<ома>), и он стал пользоваться нек<ото>рым влиянием. С 1842 академик.

Историзм Гегеля

Георг Фридрих Вильгельм Гегель (1770 — 1831) — создатель системы абсолютного идеализма, представитель «протестантского неогуманизма», испытавший сильное влияние Гердера и Гёте.

⌒
—————
⌒

Г<егель> полно и стройно сформулировал принцип историзма (рассмотрение всех явлений в их становлении и развитии). «История дела — само дело». Надо описывать не изолированный предмет или явление, не готовый результат, а результат вместе с его становлением. Всякий предмет должно оценивать в его исторических условиях, с учётом диалектики развития.

История вселенной и ч<еловече>ства есть процесс развития Мирового Духа (Weltgeist), процесс внешнего обнаружения силы мысли. Историч<еский> процесс есть отражение логического процесса («панлогизм Гегеля»). Великие индивиды, действуя в своих партикулярных целях, оказываются осуц<еств>лением субстанциональности, выражающей волю Мирового Духа.

Напр<имер>, для Гегеля Наполеон — это Мировой Дух верхом на коне, величественный и прекрасный герой: субъективно он творил произвол, но объективно осуц<еств>лял высшую историческую необходимость. Он «великий учитель государственного права». Франц<узская> революция была неизбежным логическим следствием Просвещения (Гегель всю жизнь приватно отмечал день взятия Бастилии), веры в естественное равенство людей. Однако, сохранив политическую власть, Революция породила противоречие, к<ото>рое столь же неизбежно привело её к краху.

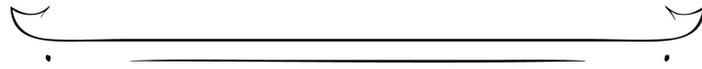
Из ужаса и крови родилась новая, столь же закономерная форма власти — Империя; в ней сохранены все достижения Революции без её пороков. В лице Наполеона абсолютная власть реализовала себя. Так гласит «Феноменология духа», к<ото>рую Гегель закончил перед вступлением французов в Йену (1806).

«Феноменология духа»

В этой книге Г<егель> проанализировал развитие ч<еловече>ского сознания от низшей ступени — непосредственного чувственного восприятия — до высшей — полного знания.

Сознание в своём развитии проходит три главные ступени: 1) предметное сознание (или чувственная достоверность), 2) самосознание, где предмет и сознание (= понятие) целиком совпадают, это тождество субъекта и объекта; 3) абсолютное знание, где разум рассматривается как источник всякой достоверности и истины.

Все ступени сознания взаимообусловлены, переход от низшей ступени к высшей осуц<еств>ляется в поступательном диалектическом развитии, через отрицание отрицания. Но прежде чем сознание возвысилось до разума, ему пришлось начать с рабского сознания, характерного главн<ым> обр<азом> для античности. В ходе развития рабское созн<ание> выкристаллизовывалось в три феноменологических образа: стоицизм, скептицизм и несчастное сознание. Последнее — непосредственная ступень к высшему образу общественного сознания, к разуму.

Гегель рассматривает и другие феноменологические образы, возникшие в ходе исторического развития: благородное сознание — сознание дворян; низкое сознание — сознание тех, кто ненавидит господ; разорванное сознание — сознание, отвергающее все моральные устои феодального общества; честное сознание — сознание, рассматривающее моральные принципы как нечто устойчивое, раз навсегда данное; просвещение, или сознание, породившее социальный и духовный кризис во Франции XVIII века.

Правительство, которое провозглашает, что оно есть осуществление всеобщей воли или всеобщей свободы, в действительности «не может проявить себя иначе, как в виде некоей партии (Faction)», при этом оно устанавливает такой порядок, с которым индивидуальное сознание мирится только под страхом смерти. В то же время Гегель рассматривал Французскую революцию, включая и якобинскую диктатуру, как нечто вполне закономерное, исторически неизбежное.

В «Феноменологии духа» доказывается благотворность войны. «Война предохраняет народы от гниения». Люди склонны забывать, что они лишь частицы великого целого. Их помыслы направлены на достижение сугубо личных целей — приобретение имущества и наслаждения. Чтобы не дать людям закоснеть в изолированности, чтобы не исчез дух общности, правительства обязаны время от времени потрясать войнами их бытие. Индивидам, которые отказываются от целого, стремятся лишь к жизни для себя, полезно показать их абсолютного господина — Смерть.

По Гегелю получается, что война есть педагогический приём Мирового Духа (ср. выше — Жозеф де Местр).

Из Гегеля

Первоначальное состояние человеческого общества — это борьба не только за жизненные ресурсы, но и за то, чтобы сородичи были уважаемы противником. Борьба идёт упорная — побеждённые либо убиты, либо сдались. В этом случае он становится рабом. Диалектика, однако, такова, что мир изменяет не господин, а невольник — своим трудом, работая до тех пор, пока господин зависит от него. Этим он добивается признания. Великая Французская революция и есть тот момент, когда это происходит. Лишь она делает возможным возникновение универсального, гомогенного, правового государства, гарантирующего каждому гражданину, что любой гражданин найдёт такое же признание, как и он сам. Достигнута эмансипация, все свободы. С Наполеоном Бонапартом история цивилизации заканчивается, равенство обеспечено.

Гегель подошёл к понятию признания с формальной точки зрения, пытаясь сформулировать его объективно. На практике фальшивые свобода и равенство

современной цивилизации перестали удовлетворять людей. Страх и ненависть охватывают всё новые массы людей, делая их поведение абсолютно асоциальным.

Презрение к человеку, презрение к народам

По Гегелю, люди — материал для самоосуществления Мирового Духа. Он использует игру людских страстей и интересов как средство к достижению этой цели. «Частные интересы вступают в борьбу между собой, и нек<ото>рые из них оказываются совершенно несостоятельными... Можно назвать хитростью Разума то, что он заставляет действовать для себя страсти... Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель» (Гегель, «Лекции по философии истории»). Но при этом → «Разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирноисторический процесс совершается разумно» (там же).

Гегель многократно подчёркивал несущественность частного. Стоит напомнить, что «частное» — это любой из нас.

«Право Мирового Духа выше всех частных прав». В числе последних — и наше право на жизнь. Мировой Дух столь богат ресурсами, что может действовать размахисто, не считаясь с миллионами жизней. В сущности, чудовищная логизация мировой истории у Гегеля с его оптимистической телеологией глубоко безнравственна. Все злодеяния и геноциды логичны. Гегель не то, чтобы прославлял их, но убедительно показывал, что бороться против них глупо.

Историзм Гегеля упраздняет кантовский дуализм явления и сущности (феномена и ноумена). По Канту, сущность непознаваема. Для Гегеля нет ничего непознаваемого, хотя есть пока ещё не познанное. Философия Гегеля оптимистична.

Для Г<егеля> характерно различение ведущих и ведомых народов. Народ, несущий идею, в к<ото>рой воплощается Мировой Дух, движет ч<еловече>ство вперёд и ведёт за собой другие народы, к<ото>рые остаются всего лишь материалом для истории.

Изворотливость Гегеля и его легкомыслие

«Народы и правительства никогда ничему не научились из истории и никогда не действовали согласно максима́м, из неё извлечённым. Каждая эпоха обретается в условиях столь своеобразных, создаёт ситуацию столь индивидуальную, что в этой ситуации должно и возможно принимать решения только через неё саму».

Вот тут он совершенно прав. Многое он понимал верно. Но понимание уникальности исторической ситуации не мешает ему провозглашать общие принципы, порою весьма глупые. Например:

⌒
_____⌒

«Война предохраняет народы от гниения» (любимый лозунг германского национал-социализма в XX веке). Гегель пояснял, что удачные войны не дают развиваться «внутренним смутам» и «укрепляют государство». Этой идее профилактирования революции войнами верно следовал последний русский царь. Результат плачевен. Ибо Гегель умолчал, что неудачная война вызывает революцию. Может ли быть более легкомысленный политич<еский> советник, чем доктор Гегель?

Скрытый миф системы Гегеля — это культ государства. Идеалом государства у него предстаёт прусский военно-полицейский режим, с к<ото>рым Гегель после падения Наполеона отлично поладил. И он ещё имел наглость заявить: «Государство — это шествие Бога в мире» А народ?

Ответ Гегеля: «Народ не знает, чего он хочет».

Или изящнее: «Масса лежит вне понятия».

Гегель назвал историков пророками, предсказывающими вспять.

Правят ли мнения миром?

Гегель отвечает: да, конечно, разум правит историей, но в том же смысле, в каком он правит ходом небесных светил, т. е. в смысле законосообразности. Люди не сознают законов исторического развития. Сова Минервы вылетает только ночью. Когда философия начинает выводить свои серые узоры на сером фоне, когда люди начинают вдумываться в свой общественный строй, значит этот строй отжил своё время и готовится уступить место новому, истинный характер к<ото>рого опять станет ясен людям лишь после того, как он сыграет свою историческую роль: сова Минервы опять вылетит только ночью. Философия есть умственное выражение своего времени, каждая система верна для одного времени и ошибочна для другого.

Причины историч<еских> событий

Вся история какого-л<ибо> народа есть реализация Идеи. Каждый народ осущ<еств>ляет свою особую Идею, она же — ступень в развитии Абсолютной Идеи.

Отчего пала Греция? Гегель отвечает: оттого, что Идея Прекрасного, к<ото>рая составляла принцип греческой жизни, центр греческого духа, могла быть лишь очень непродолжительной фазой в развитии Всемирного Духа. Гегель чувствует напыщенную пустоту этого ответа и спешит дополнить его ссылкой на экономическую действит<ель>ность древней Греции: «Лакедемон пал главным образом вследствие неравенства имуществ». Так он часто в своей философии истории туманные ссылки на свойства Абсолютной Идеи дополняет убедительными материальными объяснениями. И при этом он ещё смеет заявлять: «Идеализм оказывается истиной материализма».

Оборотная сторона его историзма

Гегелевское прославление непрерывного поступательного движения истории есть своего рода утешение в пассивности, иллюзорная замена активной общественной борьбы. От Спинозы пошло истолкование свободы как «осознанной необходимости»: это была реставрация стоического идеала внутренней свободы. Но у Гегеля и его школы это стало философским алиби конформизма.

Ещё Вильям Питт сказал: «Необходимость — отговорка тиранов и религия рабов». Положение «свобода есть осознанная необходимость» означает, что в жертву истории приносится мораль. История выводится из-под моральной оценки (см. выше пример с Наполеоном). В Гегеле просвечивает дух давно покойного Маккиавелли.

В основе гегелевской теории чередования национальных цивилизаций лежит представление о том, что мировая история есть постепенное развитие и обнаружение Мирового Духа. Завершающей стадией этого развития является романо-германское духовное владычество. Славяне, по Гегелю, не создали исторических и культурных ценностей, т. к. поздно выступили на арену всемирной истории.

Историзм Гегеля на деле означает подчинение философского мышления истории: в итоге рациональная трактовка наличной действительности отодвигается на второй план. Если действительность плоха, то это объясняется целым рядом исторических причин, превышающих такие «субъективные факторы», как совесть и воля индивидов. «Понять — значит простить». Гегель успокаивает: всё закономерно, «история движется вперёд через наихудшие свои проявления».

Гегелевская система создана, чтобы примирить ещё довольно отсталую Германию с европейской цивилизацией; она имела своим движущим принципом снятие и преодоление противоречий. Эта система может быть понята как совпадение логики мысли и логики желания, Логоса и Эроса, сознания и подсознания. Германия была уже преобразована после наполеоновских войн, и цель Гегеля состояла в том, чтобы заставить нацию примириться с этой новой реальностью, пожелать её, «увидеть во сне».

Гегель об искусстве

Историзм Гегеля распространяется и на иск<усст>во. Источник развития и смены «формы иск<усст>ва» лежит вне этих форм: «формы искусства как развёрнутое осущ<еств>ление прекрасного находят своё происхождение в самой идее таким образом, что последняя осуществляет и изображает себя через них» (Гегель: Эстетика в 4-х тт. Т. 2. М., 1969. С. 7).

Сама же идея прекрасного, определяющая развития иск<усст>ва, несёт в себе свой собственный источник развития: «идея есть поистине идея лишь как развивающаяся для самой себя посредством собственной деят<ель>ности» (там же).

«Безразлично, будем ли мы рассматривать поступательное движение в ходе этого развития как внутр<еннее> поступат<ель>ное движение идеи, взятой в себе, или как поступат<ель>ное движение формы, в к<ото>рой идея даёт себе существование» (там же, с. 8).

Какой высокопарный бред!

Религиозность системы Гегеля

Система Гегеля — это псевдо-религия. Его философия истории теологична, это Historia Sacra в наукообразной форме. Любое будущее заканчивается самоосуществлением Абсолютной Идеи. Поскольку эта самореализация мнится Гегелем в его эпохе, в его же системе, постольку это самоосуществление представляется уже близким. Возникает вопрос: что будет потом, по завершении истории?

Гегель избегал этого вопроса, проблематика будущего у него осталась неразработанной. Он боялся тех выводов, к<ото>рые сделали из его философии истории Генрих Гейне и Карл Маркс.

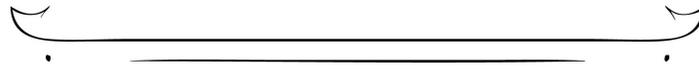
Сам Г<егель> считал себя новым Аристотелем, но его система обнаруживает глубокую связь с объективным идеализмом Платона. Правда, вслух он пытался утилитарно оправдать религию:

«Сокровеннейшее в ч<елове>ке, его совесть, только в религии получает своё абсолютное обоснование и надёжность. Поэтому государство должно опираться на религию...»

Отбиваясь от доносов духовенства и обвинений в безбожии, Г<егель> заявил: «Я лютеранин и хочу остаться им». На деле он пантеист, последователь Спинозы и Гёте.

По Гег<елю>, три основных типа религии — естественная, художественная и религия Откровения — представляют собой последовательные этапы развития. Христианство он объявлял «истинной» религией, но видел в нём одну из исторических форм развития.

Гегелевская философия истории удерживает христианское представление о единстве, направленности и осмысленности историч<еского> процесса. «Философия... должна... способствовать пониманию того, что действит<ельный> мир таков, каким он должен быть, что истинное добро, всеобщий божественный разум, является и силою, способной осущ<еств>лять себя. Это добро, этот разум в его конкретнейшем проявлении есть Бог. Бог правит миром; содержание его правления, осущ<еств>ление его плана, есть всемирная история. Философия хочет понять этот план, потому что только то, что из него осущ<еств>ленно, действительно; то, что не соответствует ему, представляет собою лишь гнилое существование» (Лекции по философии истории. СПб, 1993. С. 87).

Мыслящее рассмотрение предметов возможно потому, что «разум господствует в мире, так что, следоват<ель>но, и всемирноисторический процесс совершался разумно» (там же, с. 64).

Только поверхностному взгляду история представляется совокупностью произвольных действий людей, стремящихся удовлетворить свои индивидуальные страсти. Философский взгляд прозревает за игрой ч<еловече>ских страстей и интересов действие Разума, осущ<еств>ляющего свою цель, использующего деят<ельно>сть людей лишь как средство для достижения этой цели. «Частные интересы вступают в борьбу между собой, и нек<ото>рые из них оказываются совершенно несостоятельными... Можно назвать хитростью разума то, что он заставляет для себя страсти... Частное в больш<инст>ве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель» (там же, с. 84).

Несущественность частного Гегель подчёркивает неоднократно. «Право мирового духа выше всех частных прав»; «разумное осуществляется в ч<еловече>ском знании и хотении как в материале» (там же, с. 88, 89). Через хаос сталкивающихся индивидуальных действий ч<еловече>ство, направляемое Божественным Разумом, необходимо шествует к определ<енной> цели. Всемирная история есть «выражение Божественного, абсолютного процесса духа в его высших образах, она есть выражение того ряда ступеней, б<лагода>ря к<ото>рому он осуществляет свою истину, доходит до самосознания... Всемирная история только показывает, как в духе постепенно пробуждается самосознание и стремление к истине; в нём появляются проблески сознания, ему выясняются главные пункты, наконец он становится вполне сознательным» (там же, с. 102).

«Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, — прогресс, к<ото>рый мы должны понять в его необходимости» (там же, с. 72).*

Эрнст Трёльч:

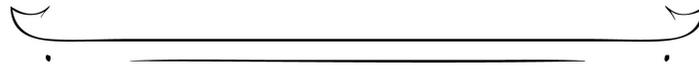
«Затем оба направления, формальное своеобразие истории и создание содержания духовных ценностей из истории, дал в первую очередь Гегель. Цель составляют у него европейские гуманность и воплощающее её государство. Тем самым достигнута решающая противоположность математически-естественнонаучному мировоззрению, к<ото>рое введено как рефлексивное поверхностное учение в почерпнутое из истории глубинное учение».

(«Историзм и его проблемы», М., 1994, с. 23).

Религиозность системы Гегеля <продолжение>

Вскоре после смерти Гегеля было показано сущностное тождество его Системы с религией. По Марксу, это пантеистический мистицизм; другие отмечали близость

* На поле слева вертикальная скобка ко всему абзацу и восклицательный знак.

Гегеля с спинозизму Гёте, только у Гегеля это спинозизм гностический и спекулятивный, без чувственного поэтического обаяния Гёте.

Гегелевская философия истории — продолжение иудео-христианской традиции. Вся гегелевская история — это теофания Мирового Духа. Всякое историческое событие должно было произойти только так, как произошло, ибо так пожелал Мировой Дух, он же Всеобщий Разум. Через все ужасы и кровопролития мир неуклонно движется к благой цели — окончательному самопознанию Мирового Духа. Это, по выражению Мартина Бубера, — «секуляризованный самомессианизм».

В наше время Жак Лакан (творец структурного психоанализа) защищает Гегеля. По Лакану, диалектика самосознания, идя от Сократа к Гегелю, от ироничного предположения реальности всего рационального устремляется к научному суждению, гласящему, что всё реальное рационально.

Структурные моменты гегелевской феноменологии — это, в первую очередь, диалектика господина и раба, диалектика «прекрасной души» и «закона сердца». Гегель пророчески требовал глубинной идентичности частного и универсального. Так говорит Лакан.

Алексей Цветков в эссе «Futurum imperfectum» пишет: «Теоретиком исторического террора стал Гегель, к<ото>рого университет аттестовал как начисто лишённого способностей к философии (Герострат, впрочем, тоже не имел архитектурного диплома).

<...> Здесь важно отметить одну характерную черту гегелевского наследия, его бронированный иммунитет к любой критике. Даже гусь в конечном счёте, потопляем, но имя, если не дело, Гегеля наверняка переживёт скромную известность Карла Поппера, к<ото>рый не оставил от него камня на камне» («Иностранная» лит<ература>ра». 1997, № 1. С. 228—229).

Экономический романтизм Сисмонди

Женевский гуманист и радикал Жан — Шарль-Леонар Сисмонди (Симонд де Сисмонди, 1773 — 1842) входил в кружок м<ада>м де Сталь, подолгу жил и работал у неё в Коппэ. Главным его занятием была история. Она написал «Историю итальянских республик».

Именно Сисмонди ввёл в науку термин «пролетариат»: точнее, возродил и переосмыслил древнеримский термин.

Первым, до Маркса, Сисм<онди> поставил под сомнение естественность и вечность капитализма. Его сочинения полны искреннего сочувствия к тяжёлой судьбе трудящихся, отличаются живостью и ярким стилем. В противовес школе Смита-Рикардо, Сисм<онди> в политической экономии выдвинул на первый план не накопление, а противоречие между производством и потреблением, а в связи с этим — проблему рынка и реализации.

⌢
—————
⌣

Сисм<онди> фиксировал внимание на кризисах перепроизводства и видел спасение от них в процветании мелких товаропроизводителей и в наличии обширного внешнего рынка (он не представлял, что кризис может стать мировым). Сисм<онди> выступал против свободной конкуренции и требовал ограничивающих и регламентирующих её социальных реформ. Враг крупного предпринимательства, он ратовал за то, чтобы не допускать концентрации богатства в руках немногих лиц.

Экономический романтизм Сисмонди имел утопич<еский> характер: он черпал вдохновение в прошлом и предлагал демонтаж новейшей индустрии. Но эта реакционность («мелкобуржуазный социализм») сочеталась с духом гневно-социального протеста.

Из последователей Сисмонди крупнейшим был, конечно, Карлейль. <см. ниже>.

Barthold Georg Niebuhr (1776 — 1831)

Датчанин по происхождению, немецкий историк античности, с 1806 либеральный госуд<арственный> деятель на прусской службе; с 1811 читал в Берлине, а с 1823 в Бонне лекции по древней истории. В промежутке между Берлином и Бонном — Рим, где Нибур с 1816 был прусским посланником. На базе его лекций написана трёхтомная «Römische Geschichte» (1811 — 1832); труд его остался незавершённым. В центре его изображения — римская крестьянская община ранней эпохи. Методически Нибур явился основателем научно-критической историографии («филологически-критический метод»).

Georg Büchner (1813 — 1837)

Немецкий революционер Георг Бюхнер, рано умерший брат философа и автор трагедии «Смерть Дантона», в 1833 писал своей невесте: «Уже в течение неск<оль>ких дней я каждую минуту берусь за перо, но я не могу написать ни слова. Я изучал историю революции. Я чувствовал себя как бы раздавленным ужасным фатализмом истории. Я вижу в ч<еловече>ской природе отвратительную заурядность, в ч<еловече>ских же отношениях непреодолимую силу. принадлежащую всем вообще и никому в частности. Отдельная личность есть лишь пена на поверхности волны, величие — лишь случай, власть гения — лишь кукольная комедия, смешное стремление бороться против железного закона, к<ото>рый в лучшем случае можно лишь узнать, но к<ото>рый невозможно подчинить своей воле».

Драма Бюхнера «Смерть Дантона» отличалась исторической точностью и интуицией; в ней сентябрьские убийства 1792 года — кошмар Дантона до последних дней его жизни, но своё решение в сент<ябре> 1792 (он был тогда министром

юстиции) Дантон объясняет угрозой иностранной интервенции. Бюхнер гениально понимал историю.

Французские историки-либералы эпохи Реставрации

Работы Тьерри, Гизо, Минье и др<уги>х последовательно защищают интересы среднего класса от абсолютизма и феодальной реакции. Наиболее выдающимся в этой либеральной плеяде был Огюстен Тьерри (1795 — 1856), на мировоззрение к<ото>рого определяющее влияние оказал Сен-Симон.

Автор книг «История завоевания Англии норманнами», «Рассказы о временах Меровингов», «История происхождения и успехов третьего сословия», один из основателей романтического направления в историч<еской> науке. Карл Маркс назвал его: «отец “классовой борьбы” во французской историографии». Теория вечной борьбы классов имела романтическое происхождение.

Тьерри, рассматривая борьбу религиозных сект и политических партий с точки зрения интересов различных классов, объяснял происхождение этих классов французским завоеванием Галлии (развитие идеи графа де Булэнвилье, 1727 год). «Tout cela date d'une conquête; il y a une conquête là-dessous». Завоеватели-франки стали феодалами, а покорённые галлы — крепостными крестьянами, из к<ото>рых позже выделилось третье сословие (буржуазия). Тьерри гордо называл себя сыном третьего сословия и посвятил всю жизнь разработке его истории. Он описал и воспел борьбу буржуазии против дворянства.

Видным историком был Франсуа-Пьер Гизо (Guisot, 1787 — 1884). Он заявил: «Мы сыны третьего сословия, вышедшего из городских коммун». Для него история цивилизации во Франции и Европе — это прежде всего история возвышения буржуазии и её борьбы за власть. В своих «Опытах по истории Франции» Гизо бичует феодализм.

Согласно Гизо, историч<еский> процесс определяется социальными отношениями, а эти последние — имущественными: этим он предвосхитил экономический детерминизм К. Маркса. Гизо был идеологом крупной буржуазии, враждебно относился к народным массам. Став главою правит<ельст>ва при Луи-Филиппе, он сопротивлялся избирательной реформе (снижению ценза). На улицах Парижа кричали: «Долой Гизо! Да здравствует Реформа!» На эти требования Гизо цинично отвечал: «Обогащайтесь, и вы станете избирателями». Знаменитый лозунг: «Enrichissez-vous!»

Карл Маркс вполне заслуженно лягнул Гизо в самом начале «Манифеста коммунистической партии». Политика Гизо привела к падению Июльской монархии. Тем не менее, его понимание истории — предмарксистское.

В поздней своей эмиграции Гизо написал книгу, в к<ото>рой сравнивал две великих революции — Английскую и Французскую. Почему удалась первая и не

удалась вторая? Потому что Английская революция не порывала с религией. Она имела религиозный характер. Тут он предвосхитил Макса Вебера (см. ниже).

Либеральный историк Огюст Минье (1796 — 1884) — один из создателей буржуазной теории классовой борьбы. Борьба классов — главный двигатель исторических событий; её завершением должна быть победа буржуазии. В своём главном труде Минье обосновал историческую необходимость и плодотворность Великой Французской революции.

Либеральные историки эпохи Реставрации игнорировали пролетариат, и всё же ими навеяно известное положение «Коммунистического манифеста»: вся история общества есть история борьбы классов.

Постепенно утрачивает авторитет объяснение истории деяниями великих личностей. Историю определяют интересы и совокупные действия больших масс людей (классов и наций).

Иеремия Бентам (1748 — 1832)

Родился и умер в Лондоне, учился в Оксфордском университете; моралист и правовед, основоположник утилитаризма.

В своей этической теории Бентам сводил мотивы поведения к удовольствию и страданию, а моральность — к полезности поступка (utilitas). Согласно Бентаму, моральность может быть математически исчислена как баланс удовольствий и страданий, полученных в результате конкретного поступка. Эта «моральная арифметика» дополняется фактической апологией капитализма, поскольку Бентам объявлял удовлетворение частного интереса («принцип эгоизма») средством обеспечения «наибольшего счастья для наибольшего числа людей» (most happiness for most men). Разумный эгоизм. Формулу most happiness for most men Бентам объявил «принципом альтруизма».

Учение Бентама о «разумном человеке» направлено против теории естественного права. Фактически он свёл сущность человека к сущности буржуа. Его «принцип полезности» — фетишистское превращение экономического принципа.

Бентам выступал против теории общественного договора Руссо, ибо эта теория «возбуждает дух восстания» (верно). Бентам отстаивал право государства на решительное подавление народных волнений.

Отрицая «естественную религию», конструирующую Бога по аналогии с земными правителями, Бентам защищал «религию Откровения». Так называемая «реформа Бентама (союз религии с рационалистической философией)» отвечала духу промышленной революции в Англии и подготовила идеологию викторианской эры.

В 1834 вышел его главный труд — «Деонтология, или Наука о морали»: это система буржуазной этики, содержащая проповедь тождественности интересов

индивидов и общества в целом, сводимого к сумме интересов индивидов. Стремление каждого заботиться только о себе приводит к «наибольшему счастью наибольшего числа людей».

Б<ентам> был идеологом либерализма, выступал за свободную торговлю и за расширение избирательного права. В теории познания Б<ентам> — номиналист. На основе его рукописей Буль сформулировал теорию квантификации предиката.

Этьен Кабе (1788 — 1856)

Франц<узский> утопический социалист; был членом тайного общества карбонариев, участвовал в июльской революции 1830 года. В своём фантастическом романе «Путешествие в Икарию» (1840) доказывал превосходство социалистического общества над капиталистическим.

Икария — блаженная страна, изолированная от всего мира; для жителей её время как бы остановилось, ибо они достигли идеала всеобщего благоденствия и равенства. Национальное собрание икарийцев утверждает общий для всех покррой одежды, одинаковые дома, определённый порядок приёма пищи. Строгое законодательство о браке и семье устраняет ревность и адюльтер; упорядочена сама природа — на Икарии живут только полезные животные (вредных истребили).

Кабетизм — социальное учение Кабе. Он выступал против революционной борьбы, за мирную пропаганду социализма и постепенные реформы. В будущем общ<ест>ве оставлял место для религии. В философских вопросах, особенно во взглядах на историю, Кабе придерживался идеализма, сочетая рационализм XVII века с платонизмом и неоплатонизмом. Маркс видел в Кабе «самого популярного, хотя и самого поверхностного представителя коммунизма».

<Фридрих Кристоф Шлоссер (1776 — 1861)>

Фридрих Кристоф Шлоссер (1776 — 1861) — немецкий либеральный историк, автор «Всемирной истории» в 19 томах, учитель Гервинуса.

William H. Prescott (1796 — 1859)

Первый из историков в США, к<ото>рый приобрёл международную известность. Снискал себе первую славу историей Испании новых времён, затем нашёл свою американскую тему в испанском завоевании и колонизации стран Центральной и Южной Америки; дал блестящее описание великолепия туземных цивилизаций Мексики и Перу до Колумба.

Его «History of the Mexico» и «History of the Conquest of Peru» — литературные шедевры, но данная в них картина доколумбовых цивилизаций нуждается в модификации в свете последующих археологических открытий. Обе книги

Прескотта, особенно первая, имели международный резонанс, были переведены на многие языки, включая и русский.

«Историей завоевания Мексики» Прескотта зачитывался Лев Толстой.

Heinrich Heine (1796 — 1856)

Блестящий немецкий поэт, поздний романтик, мыслитель переменчивый и увлекающийся; к тому же в своей парижской эмиграции нуждаясь в деньгах, стал получать тайную субсидию от русского посольства. Маркс, друг Гейне, позже назвал его: «в политическом отношении прохвост».

Смолоду Гейне называл Наполеона «мирским спасителем человечества». Когда Россия вела войну против Турции за освобождение Греции, Гейне назвал царя Николая I «гонфалоньером свободы». К тому же периоду относится дружба Гейне с русским поэтом и дипломатом Фёдором Ивановичем Тютчевым, служившим в Мюнхене.

Слушая лекции Гегеля, Гейне обратил внимание на знаменитую формулу: «Всё разумное действительно». И студент подошёл к профессору с вопросом: в таком случае, всё неразумное в жизни и политике не имеет права на существование. Гегель ласково улыбнулся и подтвердил, что всё это будет убрано. И Гейне сделал (ещё прежде Маркса) революционные выводы из философии Гегеля.

Гейне обладал великолепной исторической интуицией.

Будучи эмигрантом в Париже, он в 1842 писал в «Лютеции»: «У нас в данную минуту царствует полное спокойствие, усталое, сонное, зевающее спокойствие. Всё так тихо, как снегом занесено. Зимняя ночь. Слышно только тихое, монотонное падение капель: это проценты, к^{ото}рые безостановочно падают в капитал и заставляют его выступать из берегов. Можно отчётливо слышать, как растёт богатство наших богачей. Слышны, между прочим, и тихие рыдания нищеты; иногда также кажется, что нож точат».

Это ночь Июльской монархии, когда царили банкиры, но за этим спокойствием Гейне предчувствует революцию 1848 года. — Поэтическая интуиция может пророчествовать точнее, чем научный прогноз.

Смолоду Гейне был другом русского дипломата в Мюнхене — Ф. И. Тютчева, а в парижской эмиграции — другом К. Маркса. Гейне чувствовал приближение пролетарской революции и допускал, что пролетариат одержит победу, вследствие чего он предвидел гибель культуры.

Гейне суммировал опыт европейских революций: «Только дурные и пошлые натуры выигрывают от революции. Но удалась революция или потерпела поражение, люди с большим сердцем всегда будут её жертвами».

Ламартин как историк

⤿

Виконт Альфонс Мари Луи де Ламартин (1790 — 1869) — знаменитый французский лирик, творец сентиментально-религиозного и мелодичного романтизма, осмеянного ещё при жизни поэта. С 1833 — член Палаты депутатов, велеречивый оратор, перешедший от верноподданнического легитимизма своей молодости к либеральному конституционному монархизму. Выразитель наиболее благонамеренной оппозиции Луи-Филиппу, Л<амартин> в 40-е годы написал толстый исторический труд — «Historie des girondins» (1847). Ввиду нарастающего кризиса Июльской монархии, Л<амартин> прославил жирондистов, как своих политических предшественников, одновременно живописуя зверства революционной черни и жестокость якобинцев. Книга имела большой успех благодаря своей яркой картинности и цветистому стилю, но научная ценность её очень мала, т. к. Ламартин не стеснялся в средствах для очернения революционеров, подтасовывал факты, доходя до прямой клеветы. Использовал слухи и легенды, мешая факты с вымыслом.

После Февральской революции 1848 года Л<амартин> фактически возглавил Временное правительств<ельст>во. Своим бездействием он способствовал удушению демократичес<еской> оппозиции, а там и самой республики. Потерпев поражение на президентских выборах в декабре 1848 года, Лам<артин> занялся составлением исторических компиляций, из к<ото>рых известна «История Реставрации» (1851 — 1852).

Жюль Мишле (1798 — 1874)

Французский историк романтического направления, демократ и антиклерикал, особенно известный трудами «История Франции» и «История Французской революции», философскими эссе «Женщина», «Любовь» и др. Переводил на французский Вико. Мишле был великолепным стилистом, но методологически он эклектик: пытался соединить циклизм Вико с идеей прогресса по Гегелю. Перевёл на франц<узский> язык «Новую науку» Вико.

Мишле считал самым главным и самым длительным конфликтом в истории Зап<адной> Европы («войной войн») многовековое противоборство Англии и Франции — от Столетней войны до Наполеона.

Едва ли не самой художественной книгой Мишле был большой очерк «Ведьма» («La Sorcière»), запрещённый режимом Второй Империи, т. к. охоту на ведьм Мишле считал преступлением церкви.

Мишле — один из самых ярких представителей повествовательной историографии, выдающийся талант. Не так субъективен, как Карлейль, но всё же очень личная историография. Оппоненты называли мастеров нарративной историографии «лириками». Наиболее лиричной была «История жирондистов» Ламартина.

Мишле и Виктор Гюго считали республиканскую Францию подлинным светочем, центром мировой цивилизации.

Романтический антиисторизм Артура Шопенгауэра (1788 — 1860)

Первый и главный том его книги «Мир как воля и представление» вышел в 1819, но известность Шопенгауэра получил только после революции 1848 года. Яркий враг Гегеля, волюнтарист, Шопенгауэр — первый европейский философ, порвавший с иудео-христианским наследием и обратившийся к Востоку. Он синтезировал Платона, Канта и буддизм.

«По своему содержанию его система ценностей первой порвала с наследием европейской гуманности, к^{ото}рая для Канта, Гёте, Гегеля и Канта была сама собой разумеющейся; своей абсолютной целью он сделал индийскую нирвану, хотя вследствие его эстетизма эта нирвана часто выступает как непостижимое величие и красота. <...> Он резко отвергал христианско-иудейский элемент активного и в основе своей оптимистического теизма и видел в эллинстве пессимистические и дуалистические черты, объединяющие его с восточной культурой. Творения искусства, морали и религии он парадоксально перетолковывал, ведя их по ступеням утраты самости, распада индивида. К государству, обществу, нации и хозяйству он относится с едкой насмешкой, как к обывательским филистерским проблемам. Это — полная переоценка ценностей, уничтожение всей предшествующей европейской гуманности, презрение к её пафосу и её самовозвеличению как к фразе и пошлости» (Эрнст Трёльч).

Для Шопенгауэра весь мир есть иллюзия, действителен лишь мир как Воля — слепая и бесцельная. Воля, совершающая вечное и бессмысленное круговращение. Всё повторяется, исторические события лишены связи и значения. Шопенгауэр осмелел и отверг рационализм, историзм, идею прогресса. По его мнению, активно действующие индивиды не свободны, они суть орудия Мировой Воли; подлинно свободен только пассивный созерцатель, чистый субъект познания. Личность должна подавить в себе волю к жизни.

Воля порабощает ч^{елове}ка через половой инстинкт. Шопенгауэр, брюзгливый насмешник с огромными бакенбардами, был женоненавистником и всю жизнь прожил холостяком. Презирал игру в карты. Глубоко чувствовал музыку и увлекательно писал о ней. Он сказал: «Жизнь вполне терпима, но вряд ли стоит родовых мук».

«Музыка могла бы отчасти заменить нам несуществующий мир» (Шопенгауэр).*

* На поле слева вертикальная скобка к этому предложению и восклицательный знак.

⤿

Шопенгауэр сочувственно цитировал Маккиавелли: «Nel mondo non è se non volgo» («В мире существует только чернь»). В то же время он создал этику сострадания и цитировал Будду: «Раздайте всё и станьте бикшу» (= нищими). При этом сам Шопенгауэр ничего не раздавал.

Антиисторизм Шопенгауэра отличается от историзма древних греков. Шопенгауэр уже знает историзм и с грубыми насмешками отвергает его.

Одними сторонами своего крайне противоречивого учения Шопенгауэр повлиял на Фридриха Ницше, другими — на Льва Толстого.

«Во все времена существует одно и то же» (Шопенгауэр).

«Наше самопознание имеет своей формой не пространство, а только время» (он же).

Thomas Carlyle (1795 — 1881)

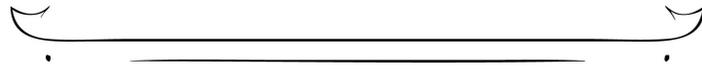
Английский публицист, историк и философ; сын каменщика-шотландца, получил строгое пуританское воспитание. Испытал сильное влияние немецких романтиков (несколько слабее знаком с немецкой классической философией, в основном ученик Шеллинга), пропагандировал в Англии немецкую культуру, особенно романтическую. Пантеист и агностик, но в Бога по-своему верил. Смолоду Карлейль был ярким критиком буржуазного общества и сочувствовал чартизму, тем восхищал молодого Энгельса. Но затем Карлейль создал одну из разновидностей феодалного социализма.

Ещё в 1833 он заявил, что всемирная история — это бесконечная Божественная книга, которую все люди пишут и читают и стараются понять и в которой также пишут их самих.

Впервые он снискал известность философской сатирой «Sartor Resartus» («Перелицованный портной», 1834).

В 1837 тремя томами вышла его «История Французской революции» — чрезвычайно субъективная, но именно этим интересная. Она имела большой успех, и такой известный виг, как Маколей, признал Карлейля опасным противником. Впрочем, опасным (или полупомешанным) считали его и многие английские радикалы, которые, казалось бы, должны были видеть в нём союзника. Джон Стюарт Милль сказал, что подзаголовок книги должен был бы гласить: «поэма».

«История Французской революции» написана вычурно-цветистым языком, очень образным и патетическим слогом. Метафоры Карлейля очень смелы. Робеспьер у него — «зеленоватая формула», зато Дантон — «огромная реальность». Робеспьер и Сен-Жюст ему явно антипатичны, а потому написаны однобоко. Книга прославилась живостью портретов (особенно Мирабо, Лафайета и Дантона) и драматизмом центральных эпизодов. Карлейль часто сбивается на тон очевидца; у

него Революция предстаёт не столько в событиях, сколько в лицах. Риторика Карлейля выражает его морализм. В книге усматривали пафос разрушения.

Кстати, его оценка Мирабо с точки зрения современной науки совершенно ошибочна.

Якобинцев-террористов Карлейль сравнивает с людоедами племени мумбо-юмбо, но тут же призывает «не бояться санкюлотизма»: он есть не только страшный конец прошлого, но и яркое начало будущего. Революцию, включая и якобинский террор, Карлейль рассматривает как историческое возмездие за глупость и жестокость прогнившего «старого режима».

Он так ярко и страстно описал назревание революционной ситуации во Франции накануне 1789, что английские читатели сразу почувствовали — это об Англии 1837 года! Карлейль угрожал английским правящим классам.

Консерватор Саути хвалил книгу за её свободу от всякой доктрины, а радикалы считали, что Карлейль защищает их точку зрения. Такие известные на континенте революционеры, как Джузеппе Мадзини и Годфруа Кавеньяк, стали постоянными гостями Карлейля.

В душе Карлейля происходила борьба между его наследственным пуританизмом и стремлением к социальным преобразованиям путём свержения существующего строя. Он свято верил, что социальные преобразования необходимы и что достичь их можно только революционным путём. Карлейль не разделял веры своих друзей в парламент и отстаивал необходимость насилия. Он писал:

«За всю историю Франции двадцать пять миллионов её граждан, пожалуй, страдали меньше всего именно в тот период, который ими же назван *Царством Террора*».

Этот радикализм Карлейля сочетался у него с верой в то, что люди нуждаются в лидере, причём в его понимании лидер был очень схож с суровым кальвинистским Богом его отца.

Революция была предначертана Богом; смысл её состоял прежде всего в том, чтобы возвестить рождение нового мира. Последнее возможно лишь при благотворном влиянии признанного Вождя.

Главное в этой книге Карлейля — пророческий дух, призыв к высоким идеалам. «История Франц<узской> революции» ориентирована вперёд. Историк предсказывал, что пройдёт ещё 200 лет, прежде чем зачумлённый мир сгорит, а затем зазеленеет и обновится. Нужны 200 лет, чтобы демократия прошла стадию «Лжекратии».

Эта книга относится не столько к науке, сколько к поэзии. Ошибок в ней немало (Карлейлю не доставало критики источников). Тем не менее, она имела огромный успех. Через 20 с лишним лет Диккенс написал «Повесть о двух городах», и в ней, по его собст<венному> заявлению, опирался на «Историю Франц<узской> революции» Карлейля.

⤿

Книга Карлейля — вершина романтической историографии. Он придерживался теории исторического круговорота, соединённой с культом героев.

Учение Фихте об активной деят<ельно>сти субъекта как творческом начале мира Карл<ейль> применил к обществу, создав культ героев. «История — это биографии великих людей».

Его книга «On heroes and hero-worship» (1840) доказывает, что героические личности являются единственными творцами истории. В книге дана классификация героев, и рядом с пророком поставлен поэт. В этой книге Карл<ейль> определил Наполеона как помесь гения с шарлатаном.

«В груди ч<елове>ка не живёт никакого более благородного чувства, чем восхищение тем, кто выше его» (Карлейль).

А в одной из речей он дерзко бросил аудитории: «Час велик, а достопоченные джентльмены, я должен сказать, мелки».

Карлейль имел большой успех в США, и американский философ Эмерсон стал его пропагатором в Новом Свете. Повторяя мысль Карлейля, он заявил: «Строго говоря, истории нет, есть лишь биография». Обои романтикам словно намеренно возразил Лев Толстой: «Великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию». Иными словами, герой (выделение героя в истории) есть мнемонический приём.

После 1848 Карлейль поддерживал диктатуру крупной буржуазии, оправдывал репрессии против рабочих и колониальную политику Англии. «Происхождение видов» возмутило его до глубины души: «Я знал три поколения Дарвинов: все атеисты!» Карлейль отверг «Историю цивилизации в Англии» Бокля, в частности, за отрицательное отношение автора к пуританству.

Карлейлю обязан своим психологическим анализом Джордж Мереди (1828 — 1909), основоположник английского психологического романа. У Карлейля заимствовал приём психологического анализа и Роберт Браунинг (1812 — 1889), зачинатель интеллектуальной поэзии в Англии.

Карлейль — один из предшественников Фридриха Ницше.

Thomas Babington Macauley (1800 — 1859)

Англ<ийский> историк, умеренный либерал (виг), автор фундаментальной «Истории Англии от воцарения Якова III»; в деталях не достоверен, но мастер ярких и живых описаний, впечатляющих картин.

Маколей с отвращением и ужасом описывал якобинский террор во Франции 1793 года.

Алексис де Токвиль (Tocqueville, 1805 — 1859)

Французский социолог, историк и политич<еский> деятель, великий теоретик демократии и борец против любых форм тирании. Его систему взглядов определяют

как либеральный консерватизм. Главная тема его исследований и размышлений — это исторический генезис, сущность и перспективы демократии, к^{ото}рую он понимал предельно широко как принцип социальной организации современного общ^{ест}ва, противоположного феодальному.

Лидер консервативной «партии порядка», Т^{оквиль} сознавал неизбежность буржуазных преобразований. Этот аристократ с либеральных позиций подверг критическому анализу понятие свободы и равенства.

Он выдвинулся благодаря книге «Демократия в Америке», 2 тома, 1835 — 1840. Пробыв в США 9 месяцев, он написал эту великолепную книгу, имевшую большой резонанс. Уже в ней Т^{оквиль} показал, что демократическим институтам грозят три опасности: 1) политическая централизация власти в руках государства, к^{ото}рое может установить контроль над всеми сферами общественной жизни и стать душителем свободы; 2) индивидуализм, изолирующий людей друг от друга, замыкающий их в рамках частной жизни и делающий их индифферентными к политике, что может создать благоприятные условия для появления деспотизма; 3) излишняя склонность к полному равенству, что может низвести всех до уровня однородной массы и привести к «равенству в рабстве». Свобода обратно пропорциональна равенству.

«В самом деле, сущ^{ест}вует мужественное и законное стремление к равенству, к^{ото}рое заставляет людей желать, чтобы все были сильны и уважаемы. Это стремление направлено к тому, чтобы низших поднять на уровень высших... <... > Но в ч^{еловече}ском сердце бывает и извращённая склонность к равенству, вследствие к^{ото}рой слабейшие желают низвести до своего уровня более сильных и к^{ото}рая ведёт людей к предпочтению равенства в рабстве неравенству при свободе».

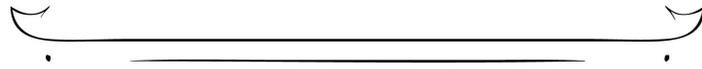
Худшим врагом демократии Токв^{иль} считал инстинкт народа требовать равенства прежде всего другого.

Николай Бердяев: «Свобода есть право на неравенство».

Токвиль предсказал, что США и Россия станут важнейшими государствами в мире.

Став лидером «партии порядка», Т^{оквиль} в 1849 был нек^{ото}рое время министром иностр^{анны}х дел, но, будучи противником Луи Бонапарта, вскоре был вынужден оставить свой пост. В 1856 опубликован итоговый труд Токвиля — «Старый порядок и революция».

По мнению Токвиля, первая фраза генезиса демократии — образование абсолютной монархии. «В определённую эпоху все монархии становятся абсолютными... и все эти похожие явления порождены одной общей причиной. Эта общая причина — переход от одного состояния общ^{ест}ва к другому, от феодального неравенства и к демократическому равенству. Знать уже сломлена, а народ ещё не поднялся, одни находятся слишком низко, другие недостаточно высоко,

чтобы вмешиваться в решения власти. В течение полутора веков длился этот золотой век властителей, когда они одновременно наслаждались политической стабильностью и всемогуществом, к^{ото}рые обычно исключают друг друга» («Ст^{арый} пор^{ядок} и революция»)

Революции сметают абсолютизм, но не уничтожают его наследия — централизованной госуд^{арственной} власти. «Демократическая революция» совершается во имя свободы и равенства, но между этими двумя лозунгами сущ^{ест}вует противоречие, что особенно сильно обнаружилось во время Франц^{узской} революции.

Ниспровержение старого режима и полная отмена феодальных привилегий, торжество идеологии эгалитаризма сопровождалось неимоверным усилением госуд^{арственной} власти, превратившей отдельную личность в инструмент для служения целям государства.

«Машина управления» становится всё более громоздкой, всепроникающей и могущ^{ест}венной. Вместо феодального неравенства устанавливается бюрократическая «иерархия функционеров», в системе к^{ото}рой каждый ч^{елове}к оказывается всесторонне зависимым от анонимной власти целого.

Путешествие мыслителя

В 1831 Токвиль со своим другом Гюставом де Бомоном совершил поездку в США. Результатом стала «Демократия в Америке».

Доминирующей чертой амер^{иканского} народа Токвиль счёл страсть к обогащению. «Трудно описать ту алчность, с к^{ото}рой американцы бросаются на огромную добычу, дарованную им судьбой. Преследуя её, они бесстрашно идут на стрелы индейцев, переносят болезни, подстерегающие их в пустыне, не боятся лесного безмолвия <...>. Страсть, к^{ото}рая гонит их вперёд, сильнее любви к жизни. Перед ними простирается почти безграничный континент, а они спешат так, словно боятся, прийти слишком поздно и не найти себе места». («Дем^{ократия} в Ам^{ерике}», М., 2000, 218).

«Они почти повсюду находят богатство, но не счастье. Их стремление к благосостоянию превратилось в горячую и беспокойную страсть, к^{ото}рая растёт по мере её удовлетворения».

«В Европе мы привыкли смотреть на беспокойный ум, неумеренное стремление к богатству и крайнюю тягу к независимости как на большую опасность для общ^{ест}ва. Именно всё это гарантирует американским республиканцам большое и мирное будущее. <...> Американцы часто называют похвальным занятием то, что мы считаем жадной наживы, и видят определённую душевную трусость в том, что мы рассматриваем как умеренность желаний».

Положительное в Америке становится отрицательным в Европе и наоборот.

⤿
_____⤿

В книге Токвиля есть главы «О страсти американцев к материальному благополучию» и «Каким образом чрезмерная любовь к благосостоянию может вредить этому благосостоянию». Из жажды богатства следует отсутствие единого духовного начала.

«Любовь к достатку стала господствующей чертой национального характера; великий поток ч<еловече>ских страстей течёт здесь именно в этом направлении, увлекая за собой всё, что встречается на его пути» («Демокр<атия> в Америке», с. 391).

«В Европе на преступника смотрят как на несчастного ч<елове>ка, делающего всё возможное, чтобы спасти себя от представителей власти, причём население в некотором смысле присутствует при этом поединке. В Америке же он считается врагом рода ч<еловече>ского, и против него восстаёт всё население» (с. 89 — 90).

Токвиль считает, что отсутствие «внеземного» начала может губительно сказаться на бытии американского общества в целом: «Если люди когда-либо полностью удовлетворятся материальными благами, весьма вероятно, что они мало-помалу начнут утрачивать искусство создавать эти блага и закончат тем, что станут наслаждаться ими без разбора, не желая ничего иного, подобно животным» (с. 401).

Он не принижает Америку. Он находит в ней и положительные, и отрицательные черты (как и в Европе). Элементы критики американской демократии у Токвиля прямо повлияли на точку зрения Пушкина и Диккенса, а через них — на Достоевского.

Алексис де Токвиль (Tocqueville, 1805 — 1859)

<продолжение>

«Эта огромная социальная власть безлична; она больше не исходит от короля, но от государства... она — продукт и представитель всех, и подчиняет право каждого воле всех... Это особая форма тирании, к<ото>рую называют демократическим деспотизмом. Нет больше социальной иерархии, нет чёткого деления на классы и строго установленных рангов; народ, составленный из абсолютно похожих индивидуумов, эта расплывчатая масса, принимаемая за единственно законный источник верховной власти, но старательно лишённая всякой возмож<но>сти руководить и даже контролировать своё правительство».

Критика формального демократизма у Токвиля несколько опережала своё время, т. к. эти тенденции полностью развились только в XX в.

Отчуждение социально-политических функций от личности дополняется уходом личности в свой приватный мир, в сторону от общественных отношений. Этот феномен Токвиль называл «индивидуализмом» и видел в нём почву нового, романтического стиля искусства, изображающего ч<елове>ка «перед лицом природы и Бога... с его

страстями, сомнениями, необыкновенными радостями и невообразимыми несчастьями».

Возникновение политическое деспотизма из недр демократии, по мысли Токвиля, служит объяснением переворота Наполеона III, к которому Токвиль всегда относился с непримиримой враждебностью. В этих условиях оплотом свободы Токвиль считал укрепление общинных учреждений и местного самоуправления, развитие добровольных ассоциаций и строгую ответственность чиновников.

Необходимым условием сохранения свободы Токвиль считал также распространение религиозных убеждений, по природе своей несовместимых с культом государства.

Токвиль отрицал необходимость Великой Французской революции.

Гениальное наблюдение Токвиля:

«Революции не всегда вспыхивают тогда, когда тем, кому было плохо, становится ещё хуже. Чаще всего бывает так, что народ, который без жалоб, почти безразлично, выносил самые тяжёлые законы, — неожиданно их отбрасывает, едва давление немного ослабнет. Свергаемый революцией порядок почти всегда бывает лучше того, что ему непосредственно предшествовал! И опыт учит, что самой опасной минутой для плохого правителя бывает та, когда оно начинает вводить реформы».

«Только великий личный гений может спасти властителя, который решается облегчить судьбы своих подданных после длительного периода угнетения. Зло, которое люди терпеливо выносили как неизбежное, кажется невыносимым с того момента, когда в умах пробуждается мысль, что его можно избежать. Тогда каждое устранённое злоупотребление как бы позволяет увидеть все остальные и усиливает ощущение их обременительности. Зло, конечно, уменьшается, но увеличивается чувствительность людей на зло».

<Ещё о Токвиле>

В книге «Старый порядок и революция» он выступил против революций, ибо они чреваты многими нежелательными последствиями; он отдавал предпочтение эволюционному либерально-демократическому поступательному движению.

Вместе с Бомоном Токвиль написал ещё книгу об американской пенитенциарной системе («келейная система»); книга осуждает телесные наказания заключённых, клеймение и т. п.

Идеи Токвиля оказали влияние на Макса Вебера, исходившего из антитезы индивидуальной свободы и бюрократического рационализма, и на теоретиков так называемого «массового общества». Сегодня Токвиль, Маркс и Вебер считаются основоположниками современной социологии.

Токвиль оказал сильное влияние на историческую науку, в частности на историографию Французской революции, и на философию истории.

Georg Gottfried Gervinus (1805 — 1871)

Либеральный немецкий историк и литературовед, представитель романтической историографии, ученик Шлоссера. В своей «Истории немецкой поэзии» он стремился показать связь каждого этапа немецкой литературы с культурой эпохи, из которой она выростала. Гервинус имел определённую цель — вырвать современников из поэтической мечтательности; он хотел их обратить к германской политической реформе, сделать активными (либеральными) гражданами. Поэтому, прославляя великих немецких поэтов прошлого, Гервинус настаивал, что в этой области германский гений угас и что последним гениальным поэтом Германии был Гёте. Пусть новые поэты обратятся к политике!

Интересы Гервинуса не столь моралистичны, зато более политичны, чем у Шлоссера. Его главная политическая цель заключалась в либерализации Германии. Главная книга Гервинуса — толстая «История XIX столетия», особенностью которой было подчёркивание конституционных, демократических и республиканских тенденций и движений.

Гервинус рассматривал борьбу за свободу как борьбу демократических идей, принесённых Реформацией, против аристократического наследия от средневековой церкви, монархии и знати. В определённом смысле Гервинус больше склонялся к рационалистам, чем к романтикам: он не был националистом. Объединение Германии за счёт жертвоприношения либерализма его не привлекало.

В трудах по истории Европы 1815 — 1848 годов Гервинус критиковал режим Меттерниха и сочувственно писал об освободительных движениях. Гервинус эмпирически вывел важное обобщение: за демократическим переворотом обязательно следует эпоха централизации и деспотизма.

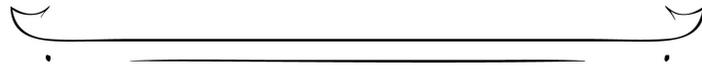
Но это значит, что исторические модели реально повторяются. Факты подтверждают правоту Вико.

Пессимизм как итог романтической эры

Артур Шюбнер:

«В 1851 году выходит в свет последнее произведение Шопенгауэра. — «Парерги и паралипомены», принесшее этому доселе неизвестному мыслителю горечь поздней славы.

Лишь теперь Шопенгауэр становится философом века, ранним провозвестником и проповедником падающего жизненного чувства своего времени. Иногда, и всё чаще, начинают вспоминать о том, что рядом с Шопенгауэром выступали также выдающиеся пессимисты из других стран: лорд Байрон, Шатобриан,

Леопарди. Всё более внятно в это время звучат предостерегающие, мрачные и пророческие слова Гёте и Фихте, Нибура и Стендаля. Вдруг узнают про Гойю, великого пророка ужаса человеческого в начале века: ужас — это общая почва его страшных творений от «Сатурна» до «Узников» и «Удушенных». Узнают, что из глубин последних квартетов Бетховена вдруг вырывается ставший теперь всеобщим страх перед миром. Бодлер живёт в страхе перед ущельями и пропастями. Кьеркегор описывает в потрясающих книгах «понятие страха», «заболевание смертью», «боязнь и дрожь», а Гобино проповедует свой глубокий пессимизм, в отличие от Шопенгауэра обоснованный философско-исторически и связанный с католическим благочестием, — пессимизм прогрессирующего распада расы. Век естественных наук и техники, колоссальной концентрации власти всё больше и больше открывает свою оборотную сторону — века боязни...».*

Во 2-й половине XIX века историография окончательно отделяется от художественной литературы.

Неукротимый оптимист Луи Огюст Бланки (1805 — 1881)

Франц<узкий> утопический коммунист, участник революций 1830 и 1848 г., множества заговоров и восстаний; был дважды приговорён к смертной казни, провёл в тюрьмах почти полжизни. Неизменно сохранял огромное мужество и верность революционным убеждениям: «Мы не имеем права тлеть. Даже могила революционера должна извергать пламя». Его основная работа «Социальная критика» вышла в 1885.

Мировоззрение Бланки сформировалось под воздействием механистического материализма XVIII века и утопического социализма (в основном, бабувизма). Материалист и атеист, Бл<анки> объяснял исторический процесс распространением просвещения.

Основным содержанием истории он считал движение от абсолютного индивидуализма дикарей через ряд переходных фаз к коммунизму — «будущему обществу», «венцу цивилизации». В то же время Бл<анки> видел в истории борьбу социальных сил и дал резкую критику противоречий капиталистического общества.

Удивительно, но он разделял веру в «вечное возвращение» (исторический круговорот), но это отнюдь не вело его к фатализму или пессимизму, а поддерживало его революционный энтузиазм.

* Папка содержит вариант этого фрагмента, в котором после этого абзаца следует рассуждение: «В чём причины Великого Страха? Ибо страх благополучного века, конечно же, не был беспочвенным: он выражал нечистую совесть этого благополучия. Видимо, первопричиной страха было подспудно нарастающее социальное и глобально-историческое напряжение».

Иоганн Якоб Бахофен (Bachofen, 1815 — 1887)

Родился и умер в Базеле; швейцарский историк права и религии. Положил начало изучению истории семьи и проблемы матриархата, прославился благодаря книге «Материнское право» («Das Mutterrecht», 1881). Ввёл сравнительный метод в правовую науку.

Исследователь мифов и символов («Versuch über die Gräbersymbolik der Alten», 1859), Бахофен заявил:

«Миф есть толкование символа». Развивал концепцию пра-религии («Urreligion und antike Symbol»).

Мировую историю Бахофен рассматривал как вечную борьбу светом и тьмой, небом и землёй, рождением и смертью, мужским началом и женским. Земля является «носителем материнства», в то время как Солнце «осуществляет развитие отцовского начала». История определяется эволюцией религиозных представлений.

Вторая половина XIX века и начала XX-го.

Позитивизм. Маркс. Гобино. Ницше.

Дильтей. Макс Вебер.

Тетрадь № 5.

Позитивизм. Исторические взгляды Огюста Конта

Из сенсимонизма родился позитивизм, создатель к<ото>рого Огюст Конт (Comte, 1798 — 1857) был неск<оль>ко лет секретарём и соавтором Сен-Симона. В том «Курса позитивной философии» вышел в 1830. Своё социальное учение Конт сначала называл «социальной физикой», как Сен-Симон, но потом заменил этот термин своим: «социология». Именно Конт изобрёл это понятие. Он исключил из социологии гносеологию и психологию, как не относящиеся к социальным фактам.

Закон трёх стадий. Вся интеллектуальная эволюцию ч<еловече>ства Конт разделил на три стадии, каждой из к<ото>рых соответствует определённый тип мировоззрения: теологическая, метафизическая и позитивная (научная) стадии. Эта схема была подражанием диалектической триаде, к<ото>рую Конт заимствовал у Сен-Симона. Из этой схемы полностью выпала античность. Свою трёхчленную схему Конт применил для классификации наук и для систематизации гражданской истории. Социологии Конта свойствен биологический подход к изучению общества.

Конт свято верил в прогресс. На «законе трёх стадий» он обосновал конструкцию всемирно-исторического процесса. Ранний позитивизм осмыслял общ<ест>во в категориях естествознания. Общ<ест>во сравнивалось с живым организмом (что в античности было иносказанием: басня Менения Агриппы).

Контовская теория истории не интересуется фактами и лицами, это histoire sans noms, учение о законах историч<еского> развития и вместе с тем общий обзор развития от теолого-мистической стадии к стадии современной, позитивно-рационалистической. Здесь факты служат лишь материалом для конструкции и не имеют самостоят<ель>ного значения. Сущность истории — в прогрессе ч<еловече>ства по направлению к позитивной стадии.

Эта теория принципиально равнодушна к людям, жившим прежде: описательная история у позитивистом (напр<имер>, у Ипполита Тэна) — всего лишь коллекция ярких примеров, а теория истории Конта — конструкция из общих законов, как и теория физики, т. е. имеет «естественнонаучный» характер.

По Конту, завершением исторического процесса станет объединение всего ч<еловече>ства в единой организации и единой науке. Конт верен идеалам Просвещения. Позитивизм есть продолжение Просвещения.

Конструкция истории у Конта абсолютно телеологична, она лишь подводит универсально-исторический фундамент под культурный синтез современности. По содержанию эта конструкция противоположна гегелевской.

Историческая часть контизма дала толчок развитию наук о доисторическом человеке, но утопия Конта и его универсальная история были быстро забыты.

Историки-позитивисты

В позитивной социологии с момента её рождения жила тенденция к историзму — в трудах О. Конта, Герберта Спенсера, Эмиля Дюркгейма. Но собственно историков позитивизм выдвинул немного. Первым был англичанин Henry Thomas Buckle (1821 — 1862).

Он прославился «Историей цивилизации в Англии» (2 тт., 1857 и 1861, не окончена). Критикуя теологическую концепцию истории, Бокль ставил задачей открыть закономерности исторического процесса и показать их развитие на примере ряда стран.

Принадлежа к школе географического детерминизма, Бокль объяснял особенности исторического развития разных народов влиянием природных факторов — ландшафта, климата, почвы и характера пищи. Факторы эти реально существуют, но по мере исторического развития они всё менее значимы. Географический детерминизм служит Боклю обоснованием вечности социального неравенства и оправданием колониальной экспансии.

Вслед за отцом позитивизма Контом Бокль считал главным фактором исторического развития умственный прогресс, отрицая наличие нравственного прогресса. Вместе с тем он считал, что развитие цивилизации ведёт к прекращению войн между народами.

Бокль резко критиковал пуританство, чем обусловлено неприятие его книги пуританином Карлейлем. Впрочем, у Карлейля были и другие причины: в сущности, он антипозитивист.

К географическому детерминизму была близка теория Льва Ильича Мечникова, русского гарибальдийца и анархиста, путешественника и мыслителя. Он был старший из братьев Мечниковых; Илья Ильич Мечников — прославленный микробиолог; наименее интересен Иван Ильич, он-то и стал героем повести Толстого «Смерть Ивана Ильича». О Л. И. Мечникове см. ниже.

К позитивизму очень близок глава культурно-исторической школы Ипполит Тэн (1828 — 1893), испытавший также сильное влияние Гегеля. Литературный критик, теоретик литературы, историк огромной славы, кторая полностью прошла.

Три фетиша Тэна — эпоха, среда и раса: ими объясняются все явления культуры. Тэн с высокомерным снобизмом осмеял Французскую революцию,

всячески подчёркивая и утрируя невежество, глупость, дикость, жестокость и алчность революционеров. Созданная им картина Революции поверхностна и фальшива. Впоследствии Альфонс Олар, действит<ель>но солидный историк Французской революции, обнаружил в сочинениях Тэна целый ряд ошибок и неточностей. В сущности, Тэн как историк Французской революции — всего лишь элегантный клеветник.

Но он умел создавать впечатляющие картины нравов и вводить обобщающие понятия, имевшие успех: «дух времени», «господствующий тип», «главенствующая способность» (la faculté maîtresse). И ещё: для Тэна история была не собранием анекдотов, а системой. По Тэну, каждое изменение отдельной части вызывает изменение целого. Ницше назвал Тэна величайшим из ныне живущих историков: в этом сказалась мода «конца века».

Своим учителем Тэн считал Карлейля и, восхищаясь им, удивлялся лишь одному: почему Карлейль не пришёл к социологии?

В 1897 во Франции посмертно опубликован «Путевой дневник» Тэна, в к<ото>ром автор утверждал превосходство духовной элиты над толпой, как утверждали Эрнест Ренан, Гюстав Лебон, Фридрих Ницше.

<Дополнение о Тэне>

Ипполит Тэн, основатель культурно-исторической школы, в своей «Философии истории» (1865 — 1869), характеризуя культуру зарождавшегося во Франции абсолютизма, стремится установить общие черты столь чуждых явлений, как меркантилистская политика Кольбера, стихосложение Буало, богословская концепция Боссюэ и стриженные аллеи Версаля. Одним словом, Тэн стремится найти стиль, присущий всем явлениям культурно-исторического типа данной эпохи.

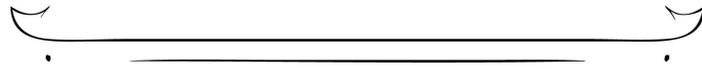
Можно иначе выразиться: найти *genius aevi* (дух века).

Жозеф Эрнест Ренан (1823 — 1892)

Особое место в позитивизме принадлежит семитологу и историку религии Ренану. В 1863 вышла его «Жизнь Иисуса», по форме близкая к роману. Ренан отрицал божественность Христа, рисуя его очень симпатичным галилейским проповедником, великим моралистом. Продолжая эту нашумевшую книгу, Р<енан> создал «Историю происхождения христианства» (в 8 книгах, 1863 — 1883).

Р<енан> пытался позитивно освоить евангельские предания, устраняя из них все противоречия, всё сверхъестественное, все рассказы о чудесах: десакрализовать Писание. Книги Р<енана> не были новым словом в науке, в основном он популяризировал выводы тюбингенской школы, но зато писал легко и красиво.

В конечном счёте он пришёл к выводу о «нравственной необходимости» религиозной веры. Атеист, он создал своеобразный гимн нравственной красоте

Христа. Свою двойственность оправдывал принципом философского сомнения. Его труды проникнуты универсальным скепсисом, неверием в возмож<но>сть познания объективной истины, моральным релятивизмом — Р<енан> считал, что историк имеет право дополнять фактический материал домыслом, основанным на интуиции, и возводил дилетантизм в систему. Соч<инения> его — полудилетантские.

В своей философской драме «Калибан» Р<енан> изобразил в лице Калибана демократию, торжествующую над искусством (Ариэль) и наукой (Просперо). — Это переделка «Бури» Шекспира.

Сильный кризис Р<енан> пережил в связи со злосчастной франко-прусской войной 1870 — 1871. Дело в том, что Жюль Мишле, Ипполит Тэн, Г. Моно и Ренан были германофилами. Начиная с книги м<ада> де Сталь «О Германии», французы питали чувство превосходства над добрыми идеалистами-немцами, к<ото>рых изрядно колотил Наполеон. После Седана (1870) произошла переориентация французов в их отношении к Германии, а также и внутри французской культуры. Говорят, без Седана не было бы и дела Дрейфуса.

Ренан писал после 1871: «Мечтой всей моей жизни был трудиться ради интеллектуального, морального и политического союза Германии и Франции... Судите же, что я выстрадал, когда увидел, как нация, к<ото>рая учила меня идеализму, зачёркивает великий идеал».

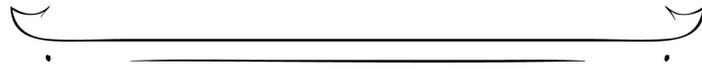
Французская лит<ерату>ра после поражения предлагает совершенно новый и устрашающе популярный образ немца. Прежний «добрый немец», артист в душе, наивный и миролюбивый, исчезает, он заменён своей противоположностью — немцем жестоким, злым и лицемерным. Зато француз — Давид против Голиафа, гордая мопассановская Рашель против жестокого немецкого офицера по прозвищу «мадмуазель Фифи».

Лесть Ренана по адресу религии и презрение к массам, в конце концов, примирили с ним солидных людей, и Ренан умер академиком. Его книги, образец вежливого и культурного неверия, имели большой успех во всей Европе, но были запрещены католической церковью (что ещё более увеличивало их успех). Римская курия после Вольтера никого так не ненавидела, как Ренана.

Всё же Ренан — больше, чем компилятор. Так, он заявил: «Франция не стала бы тем, что она теперь, если бы в течение тысячи лет не веровала в Святой Сосуд в Реймсе».

Он имеет в виду так называемую Sainte Ampoule, т. е. сосуд со священным елеем, принесённый ангелом с небес для крещения франкского короля Хлодвига. Этот сосуд хранился в Реймском соборе, где традиционно происходили коронации французских королей; елей этот использовался для их помазания на царство и чудесным образом не иссякал сотни лет.

Вера в Св<ятую> Ампулу — конструктивный элемент французской истории. Это, конечно, метонимия, Ренан имел в виду религиозную веру вообще. Французская

монархия была священной, французский патриотизм был религиозным монархизмом. Им порождён феномен Жанны д'Арк. Так что метонимия Ренана верно отражает суть дела.

В начале XX века Жорж Сорель заявил: «История движется мифами». Это крайность, но, вообще говоря, невозможно отрицать колоссальную значимость в истории общества духовных факторов (мифов, верований, религиозных потребностей etc.). Историю нельзя сводить только к экономическому детерминизму Карла Маркса.

Сегодня Ренана квалифицируют как позитивиста с идеалистическим уклоном. Он подчёркивал относительный характер познания и считал невозможной метафизику. Цель мира — создание более совершенного человека, цель развития — осуществление Бога.

Ренан — один из главных предшественников Ницше.

Ренан и Тэн создали в историографии традицию беллетризованного повествования, насыщенного живописными фактами и психологическими подробностями. Ренан реконструировал историю такую, какою она могла быть. Учеником Тэна и Ренана был романист Анатоль Франс, эрудит и скептик.

В его романе «Преступление Сильвестра Бонара» говорится: «История — не наука, это искусство, и успеха в ней достигают только благодаря воображению».

Лев Ильич Мечников (1838 — 1888)

Русский путешественник, географ, социолог и публицист, старший брат знаменитого микробиолога. Лев Мечников участвовал в национально-освободительных восстаниях в Италии, был волонтёром гарибальдийской «Тысячи», сотрудничал в «Колоколе» Герцена и «Современнике» Чернышевского, был связан с М. Бакуниным и испытал его влияние, дружил с анархистом-географом Элизе Реклю и принимал участие в подготовке его исполинского труда «Земля и люди». Одно время проф<ессор> ун<иверсите>та в Токио.

В 1883 — 1888 Лев Мечников занимал кафедру сравнительной географии и статистики в Нёвшательской академии (Швейцария). Задумав социологический труд, посвящённый истории всей цивилизации, он успел написать лишь введение к нему. Умер 30 июня 1888 от бедности и туберкулёза лёгких.

В 1889 было издано вышеупомянутое введение — в виде книги «Цивилизация и великие исторические реки». В ней Лев Мечн<иков> развивал так наз<ываемую> «гидравлическую» теорию (разновидность географического детерминизма): цивилизация родилась в долинах великих рек Хуанхэ, Ганга, Нила, Тигра и Евфрата и др<уги>х. Развитие общ<ест>ва определяется географич<еской> средой, и

прежде всего гидросферой. Речные, морские и океанические пути сообщения рождают, соответственно, древнюю, средневековую и новую цивилизации.

Лев Мечников выступил против Спенсера, распространявшего законы биологии на общество. Специфику последнего Мечников усматривал в свободной кооперации людей. Критерий социального прогресса, по Л. Мечникову, заключается в возрастании солидарности и свободы общества, которое развивается от угнетения к анархии. Лев Мечников — враг русского царизма и любой тирании; его взгляды повлияли на идеи князя Кропоткина.

Экономический детерминизм Карла Маркса (1818 — 1883)

Крещённый еврей, сын адвоката Генриха Маркса из города Трира, Маркс с детства остро чувствовал свою исключительность. В 1835 он написал гимназическое сочинение «Размышления юноши при выборе профессии», где говорится: «...и ч<елове>ку Божество указало высшую цель — облагородить ч<еловече>ство и самого себя, но Оно предоставило ему самому изыскание тех средств, к<ото>рыми он может достичь этой цели. Оно предоставило ч<елове>ку занять в общ<ест>ве то положение, к<ото>рое ему наиболее соответствует и к<ото>рое даёт ему наилучшую возможность возвысить себя и общество».

«Достоинство есть именно то, что более всего возвышает ч<елове>ка, что придаёт его деят<ель>ности, всем его стремлениям высшее благородство, что позволяет ему несокрушимо возвышаться над толпой, вызывая её изумление».

Вот он и будет всю жизнь «несокрушимо возвышаться». Ведь выкrest — это вдвойне изгой, им брезгуют евреи, но отчасти и христиане. У Карла Маркса в детстве зародилась яростная жажда реванша.

Юный романтик из Трира начинал как фихтеанец. Отправным для Маркса было изречение Фихте: «Деятельность и только деятельность определяет твою ценность». Фихте был философом действия, он требовал претворять каждую идею в поступок. Согласно концепции Фихте, общество на заре истории отходит от своего первоначального состояния, с тем чтобы в конце концов к нему вернуться. Эту идею прочно усвоил Маркс. Доисторическое ч<еловече>ство жило первобытно-родовым строем, тогда это называлось Urkommunismus (первобытный коммунизм). Ergo, ч<еловече>ство должно вернуться коммунизму, но на новом уровне. Концепция эта финалистская: достижение коммунизма мыслится как благополучный финал истории.

Затем Маркс обратился в гегельянство. Младогегельянцы были склонны к провиденциализму: они рассматривали идеал как конечную цель истории, как состояние, к к<ото>рому должно прийти ч<еловече>ство.

⌢
—————
⌣

Исторический провиденциализм — учение об изначальной заданности всех событий и явлений в мире. Такой взгляд приписывает марксизму Н. Бердяев, хотя сам Маркс не раз выступал против провиденциализма.

«...Вопреки претензиям “прогресса”, постоянно наблюдаются случаи регресса и кругового движения» (Маркс и Энг<ельс>, Соч., т. 2, с. 91).

Усвоив в Берлине философию Гегеля и проникшись идеями материализма (диссертация по Эпикуру), Маркс выбросил из гегелевской системы Мирового Духа, но оставил историзм и диалектику. В 1843 он был вынужден эмигрировать во Францию, где из немецкого демократа окончательно превратился в революционера (под влиянием французского радикализма, Вильгельма Вейтлинга и мн<огого> др<угого>). В 1845 он набросал «Тезисы о Фейербахе» (опубл<икованы в> 1888). Знаменитый 11-й тезис гласит: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Однако изменение мира — это уже не философская задача: Маркс был сверхфилософом, романтическим Прометеем. Иными словами, он мифотворец.

Он рекомендовался ч<еловече>ству в качестве освободителя. Любил, чтобы его сравнивали с Прометеем. Широко известен рисунок, изобразивший Маркса голым античным титаном, прикованным к типографскому станку; прусский коршун в королевской короне клюёт его печень.

Выше всех драматургов Маркс ставил Эсхила, автора «Прикованного Прометея», но очень тепло отзывался о Шелли — авторе «Раскованного Прометея». Маркс и сам принадлежал к романтическим прометидам, он на практике осуц<еств>лял культ гения (напр<имер>, его отношение к молодому Гервегу).

Маркс, вероятно, оскорбился бы, если бы его попрекнули властолюбием, но страшная воля к власти сказывается во всей его деят<ель>ности, особенно в I Интернационале. Фактически Маркс волюнтарист, как и Фихте. Может быть, Маркс не до конца сознавал свой волюнтаризм, хотя все знали о его властолюбии, и ещё П. В. Анненков назвал его «демократическим диктатором».

На чем основана научная претензия марксизма? На политической экономии Маркса. Но он занялся политич<еской> экономией только после поражения накликаемой им революции 1848 года, а волюнтаристское самоопределение марксизма сложилось до этой революции. Маркс титанически трудился над своим «Капиталом», чтобы своей политической экономией доказать обречённость капитализма, к<ото>рую он провозгласил а priori, ещё не имея аргументов, интуитивно.

Марксизм есть мессианизм, только в роли Мессии выступает не та или иная нация, а международный пролетариат. А воспитывает эту силу для революции философия в лице доктора Маркса.

Личность — совокупность общественных отношений. Роль личности в истории — исполнительная. Но бессознательно Маркс ставил себя над историей. * И он делал

* На поле слева восклицательный знак.

⤿

многозначительные оговорки: «История носила бы очень мистический характер, если бы “случайности” не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорения и замедления в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди к<ото>рых фигурирует также и такой “случай”, как характер людей, стоящих вначале во главе движения» (Маркс и Энг<ельс>, Соч. т. 33, с. 175).

И Маркс, и Энгельс критиковали исторический фатализм, младогегельянцев и их культ истории. «История» не есть какая-то особая личность, к<ото>рая пользуется ч<елове>ком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели ч<елове>ка» (М<аркс> и Энг<ельс>. Соч. Т. 2, с. 102).

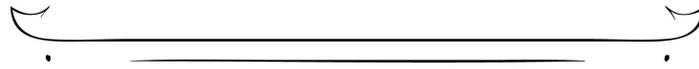
Энгельс: «История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причём каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким обр<азом>, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно» (М<аркс> и Энг<ельс>. Соч. Т. 37. С. 395 — 396).

В «Нищете философии» Маркс писал: «Провидение, провиденциальная цель — вот то громкое слово, к<ото>рым теперь пользуются для объяснения хода истории. На деле это слово не объясняет ровно ничего». Так что же объясняет историю?

Маркс поставил прогресс ч<еловече>ства в зависимость от развития производительных сил (это теперь называют «техноцентризм Маркса»).

Важнейшие законы общественного развития: закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил; закон определяющей роли базиса по отношению к надстройке; закон смены общественно-экономических формаций. Эти законы — сущностные формы деятельности людей. Действуют они объективно, неотвратно и не зависят от воли и желания субъектов деятельности.

Используя одну из любимых формул диалектики Гегеля — «отрицание отрицания», Маркс набрасывает свой апокалипсис для буржуазии: развитие капитализма отрицает свободную мелкую собственность, превращая крестьян в пауперов и пролетариев, а затем с неизбежностью порождает и своё собственное отрицание — пролетарскую революцию. «Бьёт час капиталистической собственности. Экспроприаторов экспроприируют» («Капитал»). И это историческое возмездие вершат рабочие, потомки экспроприированных крестьян. Так одна из абстракций

Гегеля обрела у Маркса наглядную форму реванша обездоленных, их классовой мести по древнему закону: «око за око, зуб за зуб».

Возмездие как принцип истории — но ведь это ветхозаветный карающий Бог, грозный и справедливый. Маркс придаёт истории черты Яхве. История вознаградит добрых за страдания и покарает злых, как предвещали иудейские пророки. Суд истории справедлив.

Пролетарская революция и обобществление средств производства позволят человечеству совершить «скачок из царства необходимости в царство свободы». Будущее коммунистическое общество, свободное от классового разделения и социальных конфликтов, описывается Марксом суммарно, т. к. он боится сходства с утопическими социалистами, к к<ото>рым относится с дружеской, но высокомерной снисходительностью.

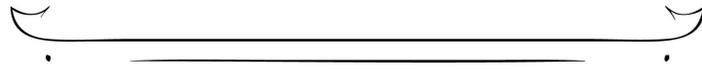
Социальные утопии донаучны, а марксизм — это «научный коммунизм». Политическая экономия Маркса, его анализ производства имеют свою ценность, но его исторический прогноз несостоятелен: коммунистический рай — это эсхатологический миф.

«Как говорил Гегель, история является имманентным процессом, в к<ото>ром самосознание одерживает победу над ограничительными шорами субъективности, чтобы объединить волю и действие в абсолютном познании. Маркс заимст<во>вал эту идею исторического процесса изобразив становление ч<елове>ка как развитие его материальных и технических возможностей, расширение доступных ему способов контроля над природой. Общее признание получила идея «избавления от необходимости», от того принуждения природы, к<ото>рое сковывает ч<еловече>ские потенции. История, не как простая регистрация событий жизни человечества, но как философский демиург, была средством грядущего перехода из «царства необходимости» в «царство свободы». Таким образом, «конец истории» должен сигнализировать о победе ч<елове>ка над всеми формами принуждения, о достижении им тотального господства над природой и самим собой».

(Д. Белл. Этическая мысль. М., 1990. С. 248 — 249).

Иногда Маркс и сам выступал как историк. В «Капитале» те части, где описаны ранние стадии капитализма, особенно процесс первоначального накопления, достигают художественной выразительности и наглядности. Маркс умел писать очень неплохо, он хорошо знал исторические факты.

Но более всего Маркс и Энгельс любили предсказывать. И это у них порою получалось. Энгельс предсказал за три года вперёд экономический кризис 1847 года, что снискало ему большое реноме в Англии. Маркс после захвата власти Луи-Наполеоном во Франции предсказал скорый крах режима. Вместо этого произошёл бурный экономический подъём, и Вторая Империя одержала ряд побед, прежде чем докатилась до Седана. В 80-х годах Энгельс в одной статье пророчил, что через 20 —

25 лет разразится европейская или даже мировая война, и тогда короны десятками полетят на мостовую. Он угадал, только I мировая началась лет на 10 позже.

«Маркс, унаследовавший апокалиптическую традицию иудейства, был немецким интеллигентом, воспитанным школой Гегеля и английского капитализма. Марксистский коммунизм можно понять только в свете западной традиции. Это западная ересь: превращение христианства в светскую религию. Марксизм утверждает, что царство Божие на земле, второе пришествие Христа и обретение царства Божия — это не что иное, как коммунистическая революция, к^{ото}рая раз и навсегда поставит овец одесную верховного судьи, а козлищ ошуюю» (Отец Брукберже: «Облик Америки»).

«Я убеждён, что марксизм обладает такой огромной притягательной силой именно потому, что он выдаёт себя за учение о земном спасении ч^{елове}ка» (там же).

Алексей Цветков в эссе «Futurum imperfectum» пишет:

«Главным предметом философии Гегеля является эволюция абсолютного духа. В свою очередь, главным качеством абсолютного духа является отсутствие его сущ^{ество}вания. Абсолютный дух — это будущее время».

«Разоблачения Шопенгауэра и Кьеркегора засохли в неразрезанных томах, как ромашки романтика; с тем же успехом они могли писать на воде. Зато подоспел Маркс с утверждением, что ставит учения мастера с головы на ноги, но суть не в этой цирковой антрепризе — подвиг Маркса состоял в том, что он объявил свою модификацию великой доктрины “научной”. Этот эпитет в ту пору как раз приобрёл те атрибуты, к^{ото}рыми чарует нас по сей день».

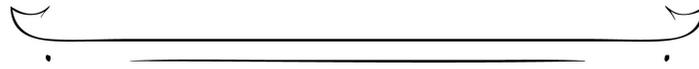
Западная наука относится к Марксу спокойно. Марксизм делится на ряд течений, включая вполне умеренные: австромарксизм, еврокоммунизм и др. Дикий советский марксизм объясняется национальными особенностями России.

Марксу отведено скромное, но достойное место. Алексис де Токвиль, Карл Маркс и Макс Вебер — основатели современной социологии.*

Leopold Ranke (1795 — 1886)

Крупный и влият^{ель}ный немецкий историк, Ранке выдвинул формулу: задача истории — «воспроизвести, как всё происходило на самом деле». Ранке был весьма неравнодушен к прошлому, несмотря на свой позитивизм. Он в основном занимался политической историей Зап^{адной} Европы XVI — XVII веков. Для школы Ранке характерны преобладающий интерес к политической и дипломатической истории, к деят^{ель}ности отдельных великих людей, национализм, прославление прусской монархии.

* На поле слева вертикальная скобка красными чернилами ко всему абзацу.

Наряду с позитивистскими и объективистскими установками школы Ранке, в ней также признавалось, что историческое развитие направляется, по существу, сменой идей в сознании вождей и идеологов, ведущих деятелей исторического процесса.

Theodor Mommsen (1817 — 1903)

Моммзен — немецкий историк античности, один из крупнейших историков XIX века. Главный его труд — «Римская история»: содержит в основном военно-политическую историю древнего Рима до 46 до н. э. Кроме того, Моммзен дал обзор истории римских провинций. Он не воздерживался от очень яркой и эмоциональной оценки прошлого. Его критиковали за «субъективность» (напр<имер>, в оценке Цицерона или Юлия Цезаря). Спартака он назвал: «великий разбойничий атаман». Нобелевская премия по лит<ерату>ре за 1902.

<Фрагмент о Моммзене>

«Römische Geschichte» Моммзена: три части вышли в 1854 — 1856, V часть в 1885, а IV-ю часть Моммзен не осуществил. Книга, написанная с либеральных позиций, отличалась красотой стиля и принесла Моммзену Нобелевскую премию по литературе за 1902 год. Эта книга популярна до сих пор, хотя научная ценность её под сомнением: она отличается модернизацией экономических и социальных отношений древнего Рима, что делает картину доступнее широкому читателю, но искажает историю.

Теодор Моммзен — учитель русского философа и поэта Вячеслава Иванова.

Heinrich Treitschke (1834 — 1896)

Немецкий историк-националист, идеолог прусского духа и германской экспансии. Переиначив известную формулу Тацита, Трейчке заявил, что всякий, кто занимается историей, должен писать её «cum ira et studio» (с гневом и пристрастием).

Его главный труд «История Германии» был принят в качестве официального курса истории при Гитлере.

Поль Рикёр: «Вклад в философию немецкой исторической школы, к к<ото>рой принадлежат Гегель, Ранке, Вебер, состоит в том, что благодаря этим мыслителям произошло соединение духовного элемента, то есть интенции, и каузального элемента обстоятельств. В действит<ельно>сти никогда нельзя определить надстройку, не включая в неё с самого начала ч<еловече>ский фактор и его продуцирование на реальность. Надстройка всегда представляет собой некую

крюговую связь интенциональных и структурных элементов». (П. Рикёр: Герменевтика, этика, политика. М., 1995. С. 96).

Промежуточный баланс

При всех различиях христианское, гегелевское и марксистское воззрения на историю имеют существенные общие моменты: все они утверждают единство и направленность мирового процесса, отрицают круговорот как господствующую форму общественно-исторического движения, отвергают абсолютизацию автономности в развитии различных культур.

Прометеевская идеология прогресса секуляризировала добровольное самопожертвование Христа.

die Selbstbewegung (нем.) = самодвижение, историческое движение, целиком зависящее от своих собственн<енны>х законов.

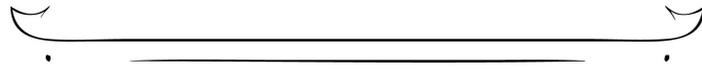
Граф Жозеф Артюр де Гобино (1816 — 1882)

Французский дипломат, ориенталист-любитель, писатель и философ; был послом в Персии, Греции, Бразилии и Швеции. Один из первых пророков неминуемой гибели западной цивилизации.

Это основная мысль его труда «О неравенстве ч<еловече>ских рас» (4 тома, 1853 — 1855). Гобино предложил радикально биологическое обоснование исторического процесса. Всякий политический упадок есть «вырождение». Главный фактор цивилизации — «чистота расы», к<ото>рую, однако, никогда не удаётся сохранить надолго. «Этнические смеси» разрушают единство стиля жизни и приводят к вырождению ч<елове>ка, а вместе с тем — к распаду всей социальной структуры.

Гобино постулировал иерархию рас: негры всецело чувственны и неспособны к рациональному самоконтролю, жёлтая раса проникнута утилитаризмом, а потому ей неведомы героичес<кие> порывы и высокие достижения. Единственной «исторической расой» является белая; она «первоначально владела монополией на красоту, ум и силу». Где бы ни возникла цивилизация (Г<обино> насчитывает их 10), в её рождении обязательно принимала участие «белая кровь».

Но и белая раса неоднородна: она состоит из хамитов, семитов и яфетидов (по именам трёх сыновей Ноя в Ветх<ом> Завете). Первые две разновидности оказались менее жизнестойки и быстро смешались с чёрной расой. Из яфетидов Г<обино> превозносит «семейство арийцев»: с ними связано всё лучшее на земле. Это прирождённая «раса владык», самая сильная и красивая; она полная энергии, бесстрашия и созидательного гения. Сознавая свою уникальность, арийцы старались сохранить чистоту породы: отсюда — жёсткая социальная иерархия (напр<имер>, кастовый строй в Индии).

Культуру могут сохранить только группы, к^{<ото>}рые блюдут свою чистоту во многих поколениях (напр^{<имер>}, дворянство). Иначе говоря, все бедствия проистекают от равенства, к^{<ото>}рое равнозначно вырождению. Последнее ведёт к упадку культуры и прежде всего к потере данной нацией способности господствовать. Гобино первым попытался изобразить всю мировую историю как историю борьбы благородных рас против неполноценных. Гобино можно считать основоположником «теоретического» расизма.

Уже в момент появления расовая концепция Гобино подверглась убедительной критике А. де Токвиля и Эрнеста Ренана. Сам Гобино был разочарован тем, что его книга получила большой резонанс только среди рабовладельцев США. Они приняли книгу восторженно. Им очень понравились утверждения Гобино, что низшие расы не поддаются цивилизации и потому предназначены судьбой служить для высших рас «живыми машинами, выполняющими полезную работу».

Неудобные факты Г^{<обино>} с презрением отвергал. Так, в «Истории персов» (1869) он объявил «чудовищной ложью» традиционную версию греко-персидских войн, поскольку арийцы Дария и Ксеркса не могли быть хуже «семитизированных греков».

Драматич^{<еская>} пенталогия «La Renaissance» (Р., 1877) проникнута тем же мотивом неизбежного декаданса ввиду ухудшения ч^{<еловече>}ской породы. Здесь предпринята попытка эстетизации и реабилитации папы Александра VI и Цезаря Борджиа.

13 октября 1882 Гобино умер в Турине. Посмертно была опубликована его поэма «Амадис» — попытка возродить средневековый рыцарский эпос (возможно, под влиянием Рихарда Вагнера, с к^{<ото>}рым Г^{<обино>} сблизился в последние годы жизни).

Гобино основал расово-антропологическую школу в социологии. Он пытался защитить аристократию в век триумфа крупной буржуазии, но при этом опирался на этнологическую или культурно-антропологическую аргументацию.

Гобино во многом предвосхитил концепцию Ницше.

Лев Толстой: исторический фатализм или антиисторизм?

Великий романист Лев Николаевич Толстой (1828 — 1910) углублённо занялся историей в годы обдумывания и создания романа «Война и мир».

Он с язвительной насмешкой отверг западную (в основном французскую) историографию Наполеона и не раз издевался над Адольфом Тьером, к^{<ото>}рый объяснял неполную победу французов при Бородине насморком императора. Толстой не жаловал и русских историков, но при этом широко использовал мемуарную литературу.

⤿

Несмотря на массу историч<еских> деталей, «Война и мир» не может претендовать на точность и полноту описаний. Толстой принципиально и сознательно отказался изображать ужасы крепостничества, т. к. это ослабило бы цельность его эпопеи. Перед вторжением Наполеона по России прокатилась война крестьянских волнений; Толстой описал лишь карикатурный богучаровский бунт.

Личность Наполеона он, конечно, преуменьшил. Он описал его весьма упрощённый утренний туалет, каким он был на о<стро>ве Св<ятой> Елены; перенося это описание в 1812, Толстой искажает факты. Широко использует мемуары маршала Мармона, к<ото>рый очернил Наполеона именно потому, что предал его. Толстой отбирал из океана лит<ерату>ры книги, враждебные Наполеону.

Толстой в «Войне и мире» уничтожал мифологию великой личности и заменял её мифологией народа. История есть «роевая жизнь», жизнь больших масс, борьба народов; она подчиняется стихии приливов и отливов, расовых миграций, великих переселений. Это природное явление. Мировоззрение Толстого в В<ойне> и мире» часто определяется как исторический фатализм. Но может быть, вернее говорить о биологическом фатализме?

Главную роль в истории играет народ, личность не имеет самостоятельной роли. Но что же движет народами? Сверхличная стихийная сила, в конечном счёте подчинённая вечным законам нравственности. В Толстом моралист поглотил историка.

Он испытал влияние Руссо и Шопенгауэра; противостоит взглядам Карлейля.

Толстой обвиняет современных ему историков-позитивистов в том, что они, признавая на словах новые идеи в естественных науках и даже будто бы опираясь на них, в своих специальных работах фактически не признают закона необходимости и возвращаются к устарелым представлениям о свободе воли (даже о произволе) отдельных выдающихся личностей в истории.

Получается, что историч<еская> наука полностью обходит жизнь и деятельность подавляющего большинства людей, не признаёт их роль и значимость в истории.

Н. А. Бердяев, «Духи русской революции»:

«Возвышенность толстовской мысли есть великий обман, к<ото>рый должен быть изобличён, Толстой мешал народному рождению и развитию в России нравственно ответственной личности, мешал подбору личных качеств и потому был злым гением России, соблазнителем её... В нём русское народничество, столь роковое для судьбы России, получило религиозное выражение и нравственное оправдание... В то время, как принятие этого толстовского морального сознания влечёт за собой погром и истребление величайших святынь и ценностей, величайших духовных реальностей, смерть личности и смерть Бога, ввергнутых в безличную божественность среднего рода... Исторический мир — иерархичен, он весь состоит из ступеней, он сложен и многообразен, в нём — различия и дистанции, в нём — разнокачественность и дифференцированность. Всё это так же ненавистно русской революции, как и

Толстому. Она хотела бы сделать исторический мир серым, однородным, упрощённым, лишённым всех качеств и всех красок. И этому учил Толстой, как высшей правде. Исторический мир разлагается на атомы, и атомы принудительно соединяются в безличном коллективе».

Во второй части эпилога к «Войне и миру», посвящённой разъяснению историософской концепции романа, Толстой писал:

«Предмет истории есть жизнь народов и ч<еловече>ства... Движение народов производят не власть, не умственная деят<ельно>сть, даже не соединение того и другого, как то думали историки, но деят<ельно>сть всех людей, принимающих их участие в событии...»

Поэтому, как справедливо заметил С. Бочаров, в «Войне и мире», принципиально соизмеримы и равноценны в своей значит<ель>ности сцены семейные и исторические».

Толстой, по мнению Е. А. Маймина, «не только историю объясняет “человечески”, но и факты и дела ч<еловече>ские и как будто сугубо личные осмысляет и оценивает исторически».

Jacob Burckhardt (1818 — 1897)

Швейцарский историк и философ культуры, искусствовед, профессор в Цюрихе (1855) и Базеле (1858 — 1893), зачинатель культурно-исторической школы в историографии; эта школа выдвигает на первый план историю духовной культуры (Kulturgeschichte).

Его монография «Эпоха Константина Великого» (1853) посвящена упадку античности, вызванному её внутренним кризисом, а также проблеме преемственности античной культуры в христианстве. Как искусствовед и историк Буркхардт занимался в основном итальянским Возрождением. В своём знаменитом труде «Kultur der Renaissance in Italien» (1860, русск<ий> пер<евод> тт. 1-2, СПб, 1905, 1906) Б<уркхардт> развил широко утвердившуюся концепцию Возрождения; одним из первых он обратился к событиям и личностям того «истерического» Ренессанса, к<ото>рый давал оправдание безудержному насилию одиночек над «бездушной толпой».

После смерти Б<уркхардта> на основании конспектов его лекций в 1898 — 1902 годах были изданы 4 тома «Griechische Kulturgeschichte», оказавшие заметное влияние на развитие культурной историографии. Хотя Б<уркхардт> в своём анализе истории как процесса не был свободен от телеологических воззрений, его культурно-исторический обзор в яркой лит<ерату>рной форме даёт более близкое к действит<ельно>ти общее представление о греческой античности, чем неогуманизм.

Под влиянием пессимизма Шопенгауэра Б<уркхардт> считал историю самой ненаучной из всех наук («Weltgeschichte Betrachtungen», опубл<иковано в> 1905). В

⤿

этой книге «Размышления о всемирной истории» Б<уркхардт> дал своё толкование истории. Он рассматривает три основных силы истории (государство, религию и культуру) в их взаимной обусловленности, исторические кризисы, исторические величины (индивид и общее), а также роль счастья и несчастья в мировой истории. Б<уркхардт> предостерегает против конструирования каких-либо закономерностей, и прежде всего против веры прогресс, оставляя историч<еские> события под покровом непостижимой загадочности.

Но в этих самых «Размышлениях» содержится грозное предказание Буркхардта: в близком будущем социальные потрясения соединятся с огромными войнами между народами. Он был совершенно прав (см. выше сходное предсказание Энгельса).

Фридрих Ницше считал Буркхардта своим учителем.

Буркхардт умер 8 августа 1897, в день страшного извержения Везувия.

«Культура Ренессанса в Италии» (1860)

В этой книге и др<уги>х своих работах Б<уркхардт> талантливо развил представление о том, что культура Возрождения — результат работы плеяды замечательных личностей; на первый план он выдвигает прославленных кондотьеров и политиков — Висконти, семью Сфорца, Лодовико Моро, Пиччинино и др<уги>х. Все они были тираны, душители коммунальных свобод, и теория Буркхардта выразила воинствующий индивидуализм его времени. В кач<ест>ве основной черты культуры Возрождения Б<уркхардт> выдвинул индивидуализм, к<ото>рый привёл к «открытию мира и ч<елове>ка». Он замечат<ель>но описал жизнь и быт итальянских городов, нравы и типы людей Ренессанса.

Главный недостаток этого блестящего труда — неспособность Б<уркхардта> оценить постепенное развитие Возрождения из Средних веков (концепция уникальности Возрождения). У него Возрождение выглядит возникшим внезапно, как бы антиисторически, что противоречит фактам.

Б<уркхардт> не был слепым поклонником Ренессанса, он полностью признавал его жестокую оборотную сторону, но считал это необходимой ценой его великих эстетических достижений.

«История греческой цивилизации» («Griechische Kulturgeschichte»)

Эти четыре тома (1898 — 1902) по сей день влияют на западную культурологию.

Б<уркхардт> рассматривал историю как феномен без телеологии. Его культурно-исторический обзор даёт более реалистическую панораму античности, чем неогуманизм с его идеализирующим и гармонизирующим образом Греции.

Буркхардт отверг всякое романтическое поклонение грекам и трактовал эллинскую цивилизацию честно, без прикрас.

<Фрагмент о Буркхардте>

Буркхардт выступил против «моральных суждений» в истории, к^{ото}рые, с его точки зрения, порождают «оптические иллюзии». Представления о моральном прогрессе могут применяться к отдельным личностям, а не к эпохам. Поэтому Буркхардт иронизирует над Боклем, разделявшим идею морального прогресса, и отвергает идеалы Просвещения как иллюзорные.

Буркхардт приходит к выводу, что жизнь человечества есть нечто целое и управляется «высшей необходимостью». Историческая жизнь наций, как и естественная история, пронизана борьбой за жизнь. Только в движении, в изменении со всей его болью существует жизнь. А это и есть история.

Зло на земле — неотъемлемая часть мировой истории. Насилие, право сильного над слабым определяет борьбу за жизнь. История не имеет морального смысла.

Буркхардт, сравнивая Чинхисхана и Тамерлана, отметил, что Тамерлан был так же мал, как Чингисхан велик.

Фридрих Ницше (1844 — 1900)

Немецкий философ-волюнтарист, поэт, филолог-классик, один из наиболее влиятельных в XX веке художников слова.

Певец «прекрасной жестокости», основоположник «философии жизни», Ницше стремился «задержать поток, по-видимому, неизбежной революции». Под этим углом зрения он подверг переоценке принципы и нормы либеральной идеологии: рационалистическую философию, традиционную этику, христианскую религию. Они расслабляют, лишают воли к борьбе. Для будущей «касты господ» Ницше проповедовал безудержный индивидуализм права и нравственности.

Резко критиковал платонизм и христианство.

Ранние критико-филологические работы Ницше посвящены Диогену Лаэртскому.

В лучшей своей монографии «Рождение трагедии из духа музыки» Ницше в острой полемике с Виламовицем-Меллендорфом отверг неогуманистическое представление о греческой античности как о «благородной простоте и спокойном величии».

С одной стороны, он выступал как продолжатель классической традиции немецкой философии и немецкого романтизма, с другой — пытался раскрыть иррациональные аспекты европейской культуры. Он показал резкое различие между

греческой архаикой и классическим периодом, начинающимся с Сократа. Любимцы Ницше — это философы-досократики, а Сократа он ненавидел и презирал.

В книге «Рождение трагедии из духа музыки» Ницше выделил два начала бытия и культуры: «дионисийское» (т. е. «жизненное», стихийное, оргиастически страстное, титаническое) и «аполлоновское» (созерцательное, гармонически разумное, односторонне интеллектуальное). Ницше считал, что подлинная культура должна стремиться к равновесию этих начал. Древним грекам это удалось один раз — в аттической трагедии. Европейская культура не смогла осущ<ест>вить идеал гармонии дионисийского и аполлоновского; поэтому ч<елове> начал удаляться от истоков своего сущ<ество>вания, разумея под бытием сплошную и обозримую упорядоченность, а не стихийное становление.

Становление — боевой клич Ницше. Впервые в истории философии в центре внимания философа оказалось не бытие, а становление. Своим предтечей или первым учителем Н<ицше> объявил Гераклита Эфесского.

Усматривая в рабстве основу греческой культуры, Н<ицше> полагал, что реконструкция института рабства способствовала бы восстановлению здоровых общественных отношений.

Переняв у англичан социальный дарвинизм, Н<ицше> признал универсальной движущей силой развития «борьбу за сущ<ество>вание», которая у него перерастает в «волю к власти». Он раскритиковал гегелевскую схему исторического развития. Для Ницше базисная категория — «жизнь». История противоположна стихии жизни. Неисторическое и историческое одинаково нужны для здоровья индивида.

Теории прогресса Н<ицше> противопоставил миф о вечном возвращении всех вещей (= теорию круговорота). Поэтически обработан этот миф в книге Ницше «Так говорил Заратустра». Время есть круг. Для мифологического сознания сущ<ест>вует только настоящее время (см. Элиаде, Мирча: Миф вечного возвращения. Архетипы и повторения. 1949).

Профессоров позитивизма Н<ицше> насмешливо обозвал «филистерами образования». А вообще филистеров он заклеил редкостным прозвищем: «смесь растения с призраком» («Так говорил Заратустра»). Но он с отвращением относился и к «моральным фанатикам» типа Руссо.

Называть его реакционером — неточно. Ницше был антимилитаристом, врагом Германской империи и политики Бисмарка. Националист ли он? Ницше считал зазорным для себя быть немцем и был (ошибочно) уверен в своём польском происхождении. Антисемит? Скорее он был юдофилом. Говорят, он считал благодеянием судьбы повстречаться с евреем.

В «Несвоевременных размышлениях» (1876) он издевался над «филистерской культурой» новогерманской империи и над выхолощенной исторической наукой, сужившей лишь «удобным оправданием для ухода от жизни и деяний».*

* На поле слева вертикальная скобка ко всему абзацу и восклицательный знак.

⤿

По мнению Ницше, XVIII и XIX века прошли под знаком упадка духовной жизни Европы и создали нигилизм. Сущность его — в обесценке высших идеалов, к которой всегда приводит безраздельное господство рационализма, морали стадного человека и стремления к социальному равенству. Философия лишилась аристократизма, а христианство навязало сострадание и милосердие к низшим слоям общества.

Об Иисусе Христе Ницше высокомерно обронил: «Жаль, что рядом с этим интересным декадентом не было своего Достоевского» Евангелистов он презирал, апостола Павла считал мерзавцем: Ressentiment (злбную мстительность) в европейское сознание внёс только «Павел из Тарса».

Ницше даже Французскую революцию готов был оправдать тем, что она породила Наполеона. Однако народ он презирал. Весь XIX век проповедовал народолюбие — и демократы, и либералы, и консерваторы. Ницше воинственно разоблачает лицемерие европейской народности и демонстрирует отвращение к народу. «Великая скука к людям, она заползла ко мне в глотку» («Так говорил Заратустра»). Он с презрением относился к «потным плебейам» и считал, что рабство принадлежит к сущности культуры.

В своей переоценке ценностей Н<ицше> отводил искусству роль противоядия от нигилизма. Оно должно спасти сильных духом от упадка и жалости к обездоленным, дать им освобождение от моральных обязательств перед униженными и угнетёнными.

Н<ицше> понимал жизнь как вечное движение, становление, постоянное течение. Такое представление определило у него трактовку всех жизненных процессов как проявлений действия воли к власти (= присущей всему живому тяги к самоутверждению). Всё это увенчивается аристократической утопией Сверхчеловека: в ней Ницше выразил необходимость преодоления постоянных черт, присущих человеческой природе.

Своего Заратустру он назвал «учитель вечного возвращения».

<О нигилизме>

Нигилизм (nihilism, от латинского nihil — ничто) — слово, отмеченное в словарях довольно рано: во французском nihiliste — под 1797, nihilisme — под 1842. В России профессор Надеждин употреблял слово «нигилист» в значении «невежа», «ничего не знающий человек». Новая карьера понятия началась с романа Тургенева «Отцы и дети» (1862).

Герой романа революционер Базаров заявляет, что отрицает всё. По характеристике Аркадия Кирсанова (глава 5), Базаров не признаёт никаких авторитетов и не принимает на веру никаких принципов. Антагонист Базарова, Павел Петрович Кирсанов, изрекает каламбур: «Раньше были гегелисты, а теперь нигилисты».

⌒
_____⌒

NB! Базаров исповедует уважение к труду, а о Феничке говорит: «Она мать — ну и права». У него есть свои ценности. Но брошенное Тургеневым слово, помимо его намерений, стало кличкой всех русских революционеров XIX века, особенно террористов-народников. Они стали пугалом Европы, они изображались дикими и бородатыми врагами порядка и культуры. «Русские нигилисты» приравнивались к анархистам. Особенно большую роль в травле нигилизма сыграл Достоевский («Бесы»), а также Лесков с несколькими «антинигилистич<ескими> романами».

Свою историю имел немецкий термин Nihilismus. Впервые опять-таки в морально-психологич<еском> смысле: у Фридриха-Генриха Якоби, Жан Поля, Йозефа Гёрреса, Карла Иммермана мелькало слово Nihilist. Впервые политическое значение ему придал Карл Гуцков в романе «Die Ritter vom Geist» (т. I, гл. 7): «Ein Nihilist bringt ebenso die Welt in Verwirrung der phrasenhafte Egoist».

Фридрих Ницше обновил это понятие. Он оказался в ряду «пророков гибели», глашатаев катастрофизма. Карлейль был в ужасе от века механизации, Буркхардт — от нового варварства. Их ученик Ницше предвидел приход нигилизма, понимая это гораздо шире тургеневского прозвища: «Что означает нигилизм? То, что высшие ценности теряют свою цену. Нет цели. Нет ответа на вопрос: “зачем?”». Нигилизму он противопоставил свою героическую этику — этику Сверхчеловека.

Поздний Ницше считал, что христианство и анархизм равно направлены к уничтожению культуры и здоровых начал в человеке, а потому «между христианином и анархистом можно установить полное равенство; их цель, их инстинкт сводится лишь к разрушению» («Антихрист», изд<ано в> 1895).

Прославление грядущего Сверхчеловека внушило его создателю отвращение к социализму как власти слабых и бездарных и привела Ницше к осуждению тред-юнионов, т. к. они внушают рабочим недовольство своею судьбой.

Афоризмы и наброски Ницше

«Развитие сознания делает невозможным совершенство... форма комедии».

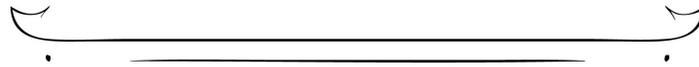
«Раз навсегда, я не хочу много знать».

«Мудрейший богат противоречиями, для каждого рода людей у него свой собственный орган чувства, и в результате возникает момент грандиозной гармонии — нам дан высокий удел! Своего рода планетарное движение».

«Понятие вины не достигает последних оснований бытия».

Учение о переселении душ: «Продумать эту идею в её ужасающей форме. Бытие как оно есть — без смысла и цели, но неотвратимо возвращающееся без конца в ничто: вечное возвращение, крайняя форма нигилизма; ничто и утрата смысла вечны».

«Одно и то же преступление может стать в одном случае доблестью, в другом — клеймом».

«Мы — атеисты и имморалисты, но мы поддерживаем прежде всего в религии и морали стадный инстинкт: именно в них подготавливается такой тип ч<елове>ка, к<ото>рый попадёт к нам, к<ото>рый жаждет этого».

«Защищаться могут только варвары».

«Лишь на базаре нападают с вопросом “да или нет”» («Так говорил Заратустра»).

«Отчего смертная казнь оскорбляет нас больше, чем убийство?»

«Заблестать через триста лет — вот моя жажда славы».

«Для того, чтобы действовать, надо забывать».

«Если жизнь не удаётся тебе, если ядовитый червь пожирает твоё сердце, знай, что удастся смерть».

«Ч<елове> — это канат, натянутый над пропастью, разделяющей животное и сверхчеловека».

Ницше называл ч<елове>ка «болезнью земной оболочки». Он писал, что ненавидит обывательство «гораздо более греха». В «маленьком ч<елове>ке» нет никакого духовного начала.

Ненависть к Сократу. Ещё в «Рождении трагедии из духа музыки» Ницше резко критиковал Сократа и сократические элементы греческой культуры. По его мнению, Сократ опошлил греческую духовную жизнь, поскольку он из аполлоновской и дионисийской форм жизни сделал абстрактную теорию.

Ressentiment (франц.) — новое переживание прежнего чувства и благодаря этому его усиление; в частности, чувство вражды, жажда мести, чувство бессильной злобы, к<ото>рое человек, нижестоящий в социальном и духовном плане, испытывает по отношению к знатному и власть имущему, доходя, в конце концов, до ненависти к самому себе. Ницше с отвращением писал о рессентименте, объясняя им возникновение христианства.

«Вечное возвращение». Всё повторяется. Сумма всех комбинаций атомов вселенной конечна в бесконечности времён; и если повторится хотя бы одна из комбинаций, то повторятся и все остальные. «Все комбинации атомов, слагающих жизнь, бесконечно повторялись, повторялись и мы. Повторялись и повторимся. Миллиарды веков, отделяющих наше повторение, равны нулю; ибо с угасанием сознания угасает для нас и время. Время измеряем мы в сознании. И бесконечное повторение конечных отрезков времени минус течение времени, когда нас нет, создаёт для нас бессмертие, но бессмертие этой жизни».

Бытие находит высочайшее оправдание в борющихся, Творческих личностях. В немецкой истории их было очень немного: Ницше упоминает Гёте, Канта, Гейне и Шопенгауэра. Однако последнее оправдание бытия — в будущем явлении сверхчеловека.

Андрей Белый в 1901 писал, что «идея сверхч<еловече>ства есть идея прикладной религии, религия, если можно так выразиться, психологическая». Он

осмыслял Фридриха Ницше по аналогии с Христом, а его участь уподоблял распятию. В статье «Фридрих Ницше» (1907) Белый поставил философа вровень с Христом как великого «учителя жизни», создавшего «религию жизни».

Любимые герои Ницше — Цезарь Борджиа и Наполеон. Любимые писатели — Стендаль, Шопенгауэр и Достоевский, особенно Достоевский, хотя Н<ицше> не разделял его идеалов. Ницше предсказывал в скором будущем революции и огромные войны, гиперболизируя тревожные предвидения Буркхардта.

В лице Ницше гуманизм пришёл к самоотрицанию. Его концепции воли к власти и вечного возвращения суть образцы оптимизма отчаяния. Сначала он прославлял греков за их «пессимизм силы», но когда серьёзно заболел — стал оптимистом, потому что больной не имеет права на пессимизм.

Его единственной родственной душой была красивая и умная Лу Саломе, дочь генерала русской армии (родилась в Петербурге). Ницше сделал ей предложение, но Лу отказалась от брака с ним, что усугубило его мизогинию. Он даже заявил, что женатый философ — это персонаж для комедии, а в «Заратустре» старуха даёт совет герою: «Ты идёшь к женщине? Не забудь плётку!»

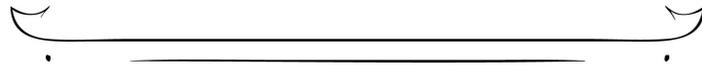
Эмманюэль Мунье говорит о «страстном анархизме Ницше». Действит<ель>но Ницше отверг гегелевский культ государства, но анархистом в точном смысле слова он не был. Ницше считал анархистов столь же вредными для культуры, как и христиан.

Ницше — предтеча экзистенциализма. Он уже разработал позиции «стоического антиисторизма»: надо действовать сверх-исторически, бороться вопреки очевидности без надежды на успех.

Он объявил высшей задачей мысли сознательное мифотворчество. Он поставил вопрос: «хотим ли мы истины?» Всякое познание относительно; единственный критерий познания — это субъективное самочувствие. Задача философии — не познание («раз навсегда, я не хочу много знать»), а изменение оценки внешнего мира: поставить на место бесплодного или опасного для жизни представления — другое представление, благоприятствующее жизни. (Такой субъективизм выводит Ницше за пределы философии).

<О Ницше>

В 1844 в маленьком городе Рёккен в семье священника родился Фридрих Ницше. В школе он часто цитировал наизусть Библию и за свою серьёзность был прозван «маленьким пастором». Был первым учеником. Его школа — это Шульпфорт, бывший монастырь. Классическая школа. Сохранилась запись в кондуите, как Ницше и какой-то другой школьник зашли в пивную и выпили пива, Ницше выпил 4 кружки и был совершенно пьян. За это его временно лишили звания первого ученика.

Он вырос врагом христианства. Он заявил: «Эгоизм да будет нашим богом».

Наумбург — маленький гарнизонный городок в Саксонии, с знаменитым собором; там жили мать и сестра Ницше, он к ним приезжал. Очень не любил Наумбурга.

Фр. Ницше — ученик Шопенгауэра и Буркхардта, поклонник Вагнера. Композитор думал, что нашёл в нём проповедника своей музыки, и снискал ему кафедру в университете. И сначала Ницше действитель<но> пропагандировал музыку Вагнера. Композитор дарил ему свои книги с дарственными посвящениями. Но когда Вагнер вернулся к христианству, Ницше с ним порвал и напечатал скандальную статью «Случай Вагнера», в к<ото>рой объявил его декадентом. Теперь он иронизировал над Вагнером, заявляя, что в его музыке слишком много «потогонной серьёзности». Музыка должна соблазнять, а не насиловать. Ницше предпочитает более лёгкую «Кармен» Бизе и предрекает ей огромный успех (угадал).

Ницше стал судьёй своей эпохи, тираном духа. Он видел в эпохе две полярные силы — социализм и национализм. Сущность первого — зависть, сущность второго — лень. Социалисты хотят как можно меньше работать руками, националисты — как можно меньше работать головой.

Лето 1882 года Ницше провёл в деревушке Таутенберг в общ<ест>ве Лу Саломе, еврейки из С<анкт>-Петербурга. Впервые он нашёл девушку, которая его понимала. Но они жили на отдельных квартирах. При этом Лу жила вместе с Элизабет, сестрой Ницше. Элизабет была рьяной антисемиткой (сам Ницше считал антисемитизм глупостью). Ревность Элизабет — причина разрыва Ницше с Лу.

В 1888 году Элизабет основала архив Ницше, к<ото>рый со временем сделал её весьма богатой женщиной. Она скомпилировала из кусочков книгу «Воля к власти», к<ото>рая долго считалась главным трудом Ницше. Только в 1950-х годах доказано, что это — фальсификация. Это не его книга.

Ницше был провидцем. «Я обещаю трагический век».

«Моя истина ужасна».

И он же в своей автобиографии предостерегал: «Прежде всего не запутайтесь во мне».

В конце 1888 года в Турине Ницше погружается в полное затворничество и одиночество. Он рассылает множество писем и записок, к<ото>рые подписывает «Дионис» или «Распятый».

3 января 1889 года на улице в Турине Ницше увидел, как возчик жестоко избивает лошадь. Ницше обнял её, пытаясь защитить от побоев. В этот день он окончательно и полностью сошёл с ума.

Элизабет вела роскошный образ жизни. На первом этаже жил тот, за счёт к<ото>рого она процветала. Он лишился дара речи. Его стригли, брили, оставляя лишь усы — огромные, пышные. Иногда, одев его в белые одежды, его показывали

поклонникам, и те благоговейно созерцали, как сидит в кресле или как ест этот живой труп.

Афоризмы и наброски Ницше <(продолжение)>

Согласно Ницше, ход исторического развития определяется стремлением сильных личностей к власти, а захватнические войны — благотворный фактор в развитии ч<еловече>ства. Впрочем, он неоднократно противоречил сам себе и менял свои мнения (самый скандальный пример — «казус Вагнера»). Он вызывающе определил себя как «Дон Жуана познания».

Его Заратустра говорит: «Призываю вас не к труду, а к борьбе... Война и мужество сделали больше великого, чем любовь к ближнему».

Ницше — противник христианства, социализма, буржуазии и пролетариата. Бертран Рассел назвал его «сикофантом аристократии».

Обладая острым афористическим мышлением, Ницше подверг всесторонне разоблачающей критике порочные основы буржуазной морали и политики. Он оказал решающее воздействие на творчество таких писателей-гуманистов, как Бернад Шоу и Томас Манн. Вместе с тем ницшеанская «переоценка всех ценностей» объективно ведёт к оправданию имморализма.

Учение о вечном возвращении стирает всякий детерминизм. От Ницше это учение заимствовали русские символисты. Александр Блок придал этому мифу трагический характер.

Поклонниками Ницше были Бенито Муссолини (ещё в бытность социалистом издавший эссе о Ницше — «Философия силы»), молодой Горький (его ранние герои — ницшеанцы-анархисты), Анатолий Луначарский (выразил полное согласие с антихристианством Ницше) и Адольф Гитлер, предпринявший попытку тотальной дискредитации морали.

Либеральные национализмы

Эрнст Трельч в книге «Историзм и его проблемы» (М., 1994) пишет:

«Частное и индивидуальное, национальное и традиционное у позитивистов и их учеников скрывается <...> в произвольном отождествлении прогресса ч<еловече>ства с собственными национальными ценностями и организационными обычаями, подобно тому, как некогда у евреев монотеизм сочетался с иудейской исключительностью в учении об избранном народе или как в панславизме христианская соборность соединяется с исключит<ель>ными притязаниями славянства в учении об освободительной миссии славянства по отношению к загнивающему Западу. Таким обр<азом>, то американская демократия, то английский парламентаризм, то слава Французской революции превозносятся как сущность ч<еловече>ства и закономерного прогресса». (с. 310 — 311).

Ernst Troeltsch (1865 — 1923)

Немецкий теолог, философ, историк религии; представитель либерального протестантизма. Взгляды его сложились под влиянием «философии жизни», «понимающей социологии» и Баденской школы неокантианства.

Осознание несоответствия господствовавших теологических идей требованиям современности, невозможности сохранения традиционного религиозного сознания (католического или лютеранского, всё равно) в условиях существующей социально-экономической действительности привело Трёльча к постановке основной проблемы его творчества — проблемы историзма.

Отчётливо понимая неизбежность кризиса христианства, кризиса, вызванного ростом исторического сознания, Трёльч считал, что с помощью веры можно прийти к утверждению вневременных ценностей, хотя их рациональное осмысление и научное обоснование невозможны. Он разработал типологию религиозных групп (церковь, секта, мистическое сообщество) и показал, как религиозная идея, воплотившаяся в определённой организации, создаёт правила, нормы, ценности для регулирования всех форм общественной жизни.

По мнению Трёльча, сложившийся в немецкой науке XIX века историзм как один из главных принципов гуманитарных исследований выродился в релятивизм, преодоление которого и есть настоящая цель его философской системы. Своё понимание истории Трёльч определяет как «исторический реализм», основанный на проверенных данных эмпирической истории. Философское преодоление исторического релятивизма требует решения чрезвычайно трудной задачи — найти путь от эмпирической истории, от логики конкретного исторического исследования к установлению того масштаба, идеи которого позволяют создать необходимое культурное единство.

Трёльч считал чисто умозрительной возможность расширения истории до границ истории всего человечества. Он пришёл к выводу о необходимости ограничиться определённой культурной сферой, к примеру, для европейцев — историей Европы. Человечество не обладает духовным единством, а потому не обладает и единой логикой развития. Для европейцев существует лишь одна всемирная история — история европеизма. Все остальные культуры могут быть привлечены для сравнения в качестве параллелей развития для выявления общих социологических типов, но они никогда не смогут стать предметом исследования для европейских учёных.

Религиозная философия Трёльча содержит глубокие противоречия, особенно в решении проблем религии и нравственности.

Историзация культуры и религии в его работах сочетается с присутствием бесконечного в конечном, с пониманием развития как выражения трансцендентной идеи. Новый синтез ценностей — этика и мораль — мыслился Трёльчем как

⤿
_____⤿

ориентированный на религиозные нормы, к^{ото}рые, будучи историчными, проникнуты, тем не менее, Абсолютным Духом и выражают его самодвижение во времени.

Wilhelm Dilthey (1833 — 1911)

Немецкий философ и литературовед, один из главных представителей «философии жизни». Предметному объяснению жизни он противопоставил свой метод «понимания» жизни — описательную психологию. Примыкая к Бергсону, Дильтей считает, что жизнь ничем не ограничена и неопределима; она течёт из тайных источников и стремится к неизвестным целям, она доступна нашему осмыслению лишь частично. Доступны индивидуальные жизненные явления и психологическое их толкование. История как целое не имеет смысла; последним обладают лишь отдельные её эпохи, замкнутые в себе «культурные системы», каждая из к^{ото}рых имеет индивидуальную структуру.

Изучение историч^{еского} процесса Дильтей заменил описанием психического развития личности. Почти все его исследования — это биографии. Чтобы сделать свою науку способной к «созидающему синтезу», он вернулся к Гегелю, но сведённому лишь к метафизике. Стержень исторического развития Дильтей видел в метафизическом переживании гениев. История Духа должна строиться на рассмотрении каждой отдельной культурной системы как выявления саморазвития единого духа идей эпохи.

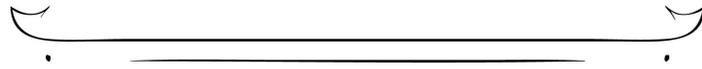
Дильтей учил постигать других людей, другие эпохи и культуры путём интуитивного вживания в них, «вчувствования».

История как наука

не может суц^{ество}вать без «измышления»

«Историк часто страдает от недостатка фактических данных. Он стремится к возможно большей индивидуализации и конкретизации познаваемого. Он «вычитывает» из текста всегда более того, на что текст его уполномочивает. Описание характера историч^{еского} героя, его наружности, описание сражения или процессии, народного собрания или заседания парламента всегда конкретнее, чем говорящие о них свидет^{ельст}ва современников. Разве таким было коронование Карла Великого, каким мы, историки, его себе представляем и изображаем? Разве есть у нас право на такое точное изображение Клермонского собора или уличных эпизодов Великой Французской революции, какое вытекает из наших описаний? Можно порицать К. Жюллиана¹ за то, что при изображении одной из битв Ганнибала

¹ Camille Jullian (1859 — 1933) — автор 4-томной «Histoire de la Gaule», P., 1909 — 1912, изобилующей «художественными описаниями».

он позволяет себе говорить о лучах солнца, игравших на вооружении воинов: нам неизвестно, не было ли небо в описываемый момент покрыто облаками. Но не надо ли тогда порицать и одного из представителей ультра-строгой научности, усмотревшего задачу историка в сообщении читателю только “de texts bien nettoyés” Ланглуа², если он, описывая ночные свидания Людовика Святого с его молодой женой на лестнице, конкретно их себе и читателю представляет и даже позволяет себе видеть в них единственный романтический период в жизни французского короля? Убедившись в сущ^ествовании общего первоисточника для двух или неск^{оль}ких дошедших до нас источников, историк не останавливается на этом. Он стремится таинственный источник реконструировать, определить его дату и автора, и — не верьте его словам! — вовсе не для того, чтобы сделать свои утверждения более обоснованными, а (по крайней мере — в большинстве случаев) совсем по иной причине. В этом “художественном” моменте исторической работы объяснение того факта, что многие романисты, не обладая даром измышления фабулы, «опираются на сюжет» или лучше всего проявляют свой талант в произведениях исторического характера (А. Франс, А. де Ренье), а многие историки становятся и романистами (Эберс, Ф. Дан)³. Здесь же, в острой тяге к конкретно-индивидуальному, один из корней (конечно, не единственный) исторических подлогов (Макферсон, Ганка)⁴.

Не видеть в истории “измышления” нельзя, и не может сущ^ествовать история, как наука, без “измышления”. Если попытаться его из истории устранить, надо будет свести исторические труды к хронологическим таблицам, перечням фактом и собраниям текстов и строго запретить авторам прибегать к каким бы то ни было лит^{ерату}рным приёмам изложения. И то ещё останется много воображаемого...»

(Лев Карсавин: Философия истории).

Прославление силы

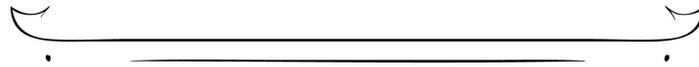
² Charles, Victor Langois (1863 — 1929) — франц^{узский} медиевист, требовавший изложения «хорошо очищенных текстов» (les texts bien nettoyés). Здесь говорится о его работе «St. Louis. Philippe le Bel. Les derniers Capétiens directs», опубл^{икованной} в 1901 в составе большой «Истории Франции» под именем и редакцией Э. Лависса.

³ Анатолий Франс в своих историч^{еских} романах («Таис», «Боги жаждут» etc.) великолепно рисовал дух и нравы минувших эпох. Henri de Regnier (1864 — 1936) — поэт-символист и автор исторических романов, не стремившихся к историч^{еской} точности.

Georg Ebers (1837 — 1898) — немецкий учёный-египтолог и исторический романист; очень точно рисовал быт минувших эпох. Felix Dan (1834 — 1912) — немецкий историк и автор серии романов «из времён переселения народов».

⁴ James Macpherson (1736 — 1796) — шотл^{андский} поэт, выпустивший свои вольные обработки кельтских сказаний под видом английского перевода песен легендарного барда III века Оссиана; мистификация была довольно быстро раскрыта.

Vaclav Hanka (1791 — 1861) — чешский поэт, филолог и деятель панславистского движения. Около 1817 сочинил и изготовил на пергаменте две подделки под старочешскую эпическую поэзию, «Краледворскую рукопись» и «Зеленогорскую рукопись», поддельность которых была доказана лишь к концу XIX века.

В 1897 — 98 гг. вышел 2-томный труд Генриха Трейчке «Политика» (автор умер в 1896). Трейчке был сторонником объединения Германии вокруг Пруссии, а в победоносной империи играл роль официального идеолога. Для него характерны культ силы, прославление захватнических войн, шовинизм и расизм.

В его лице академическая наука Германии отрекается от немецкого неогуманизма. Вот как эту измену своей же традиции описал Ромэн Роллан в романе «Жан-Кристоф»:

«Когда немцев били, они уверяли, что идеалом для Германии является человечность. Теперь, когда немцы победили других, они стали доказывать, что Германия и есть образец ч<елове>чности. Когда перевес был на стороне других отечеств, они утверждали вместе с Лессингом, что “любовь к отечеству есть героическая слабость, без к<ото>рой легко можно обойтись”. Они именовали себя “гражданами мира”. Теперь, после победы, они всячески выражали своё презрение к утопиям “на французский манер”, вроде всеобщего равенства; они говорили, что у наиболее могущественного народа есть абсолютное право по отношению к др<уги>м народам, а эти последние, будучи слабее, бесправны перед Германией. Она — живой Бог, олицетворённая идея, развитие к<ото>рой осуществляется на путях войны, насилия, гнёта. Сила — сила с большой буквы — теперь, когда она была на стороне Германии, стала священной. Силу превратили в образец идеализма, образец разума».

Max Weber (1864 — 1920)

Немецкий политэконом и социолог, основатель социологии религии. Он открыл то, о чём Маркс и не подозревал: экономическое значение религии.

Определяющее значение в жизни общ<ест>ва М. В<ебер> придавал религиозным идеям и представлениям. Он рассматривал религию как социокультурный институт, к<ото>рый совмещает в себе черты культурной системы (т. е. определяет сферу значений, символов и ценностей индивида и общества) и вместе с тем функционирует в виде самостоятельного социального института.

По Веберу, религия является одним из важнейших способов придания смысла социальному действию, определяет его значение и цели. Именно на основе религиозных установок все происходящие в жизни ч<елове>ка события квалифицируются как смысложизненные или бессмысленные. Религия создаёт определённую картину мира и в то же время задаёт систему ценностей и норм, в соответствии с к<ото>рыми одни действия разрешены, а другие запрещены. Тем самым религия создаёт определённую этику поведения.

Макс Вебер обосновал тезис о равнозначности экономических и духовных факторов в историческом процессе. Он подчёркивал духовную составляющую цивилизации, настаивал на религиозной обусловленности не только повседневного поведения верующих, но и их хозяйственно-экономического поведения.

В знаменитой книге «Протестантская этика и дух капитализма» (<1905>) Макс Вебер показал, что определённое сочетание этики и экономики в форме «протестантской хозяйственной этики» стало основным источником «духа капитализма», вызвавшего к жизни не только соответствующий тип общества, но и определённый тип цивилизации — европейскую буржуазную цивилизацию.

Макс Вебер объяснил, почему капитализм первоначально победил в протестантских странах, а католические страны отстали (особенно Италия и Испания). Капитализм — результат Реформации.

Макс Вебер ввёл понятие «аскетизм внутреннего мира»: это применение высвобожденной религиозным аскетизмом энергии в профессиональном труде, что особенно поощряется кальвинизмом.

Макс Вебер был энциклопедистом гуманитарного знания; испытал влияния идей Канта, Маккиавелли, Риккерта, Карла Маркса, Ницше и др<уги>х.

М. В<ебер> различал традиционный, харизматический и рациональный способ организации общественных отношений и соответствующие им типы культуры. Определяющей чертой современной европейской культуры, по Веберу, является рациональность. Наиболее яркие проявления рациональности: в экономике — изобретение двойной бухгалтерии, стимулировавшей развитие капиталистической организации производства; в политике — утверждение института формального права, в этике — честное отношение в особенности между кредитором и должником, в

музыке — распространение европейской нотной системы и соответствующего тонического лада

Поль Рикёр о значении воображения в историографии

«...Тщетно, кажется, настаивать на том, что современная история сохранила тот повествовательный характер, к^от^орый мы находим в старых хрониках и к^от^орый и по сию пору присущ политической, дипломатической или церковной истории, где рассказывается о битвах, предательствах, расколах и вообще о переменах судьбы, толкающих решительных индивидов к действиям. Я же утверждаю, что связь истории с повествованием не может быть прервана без утраты историей своей специфики, отличающей её от др^уг^их наук. Для начала замечу, что фундаментальная ошибка тех, кто противопоставляет историю повествованию, состоит в игнорировании интеллигибельного характера повествования, сообщаемого ему интригой, что было впервые подчёркнуто Аристотелем. На заднем плане критики повествовательного характера истории всякий раз обнаруживается наивное понятие повествования как бессвязной последовательности событий. Замечают лишь эпизодический характер повествования, но забывают о конфигурации, основе его интеллигибельности».

«Оставаясь связанной со временем и изменениями, историография остаётся связанной с деяниями людей, по словам Маркса, творящим историю в обстоятельствах, к^от^орые не ими были созданы. Прямо или опосредованно, история — это история людей, носителей, действующих лиц и жертв тех сил, учреждений, функций, структур, в к^от^орые они включены. В конечном счёте история не может совершенно отделиться от повествования, потому что она не может оторваться «от действия, где есть действующие лица, цели, обстоятельства, взаимодействия и желаемые или нежелательные результаты. Интрига же представляет собой базисное повествовательное единство, к^от^орое сочетает разнородные составляющие в интеллигибельную целостность».

«Нельзя сказать, что прошлое ирреально, но прошедшая реальность, строго говоря, неподтверждаема. Поскольку её больше нет, она намечается лишь опосредованно, через исторический дискурс. Здесь и выявляется родство истории с вымыслом. Реконструкция прошлого, как об этом прекрасно сказано у Коллингвуда, — дело воображения. В силу упомянутых выше связей истории и повествования историк тоже выстраивает интриги, к^от^орые документы подтверждают или опровергают, но никогда в себе не содержат. История в этом смысле соединяет повествовательную связность и соответствие документам. Это сложное сочетание характеризует статус истории как интерпретации».

Неокантианство

ПРОТИВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

В. Виндельбанд и Г. Риккерт подразделяли все науки на два типа: науки о природе и науки о культуре (исторические). Науки о природе, применяя номотетический метод (метод генерализации), стремятся «изучить общие абстрактные отношения, по возможности законы» (Риккерт: Науки о прир<оде> и науки о к<уль>туре // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 90), к<оторым> подчиняются все объекты данного класса. Единичный объект для этих наук сам по себе не представляет интереса. Он для них только экземпляр, частный случай в ряду множества таких же. Зная закон объектов данного класса, мы знаем все эти объекты. Задача наук о природе и состоит в установлении законов природы.

Исторические науки о к<уль>туре используют индивидуализирующий метод, «они выбирают из действит<ельно>сти в кач<ест>ве «культуры» нечто совсем другое, чем естественные науки, рассматривающие генерализующим образом ту же действит<ельно>сть как «природу». Ибо значение культурных процессов покоится в больш<инст>ве случаев именно на их своеобразии и особенности, отличающей их от др<уги>х процессов» (там же, с. 91).

Не общий естеств<енный> закон или общее понятие, для к<ото>рого всё особое есть лишь один частный случ<ай> на ряду с множ<ест>вом др<уги>х, а культурная ценность есть «общее» истории; «культ<урная> ценность необходимом связана с единичным и индивидуальным, в к<ото>ром она постепенно развивается» (там же, 90). Напр<имер>, если нужно изобразить душевную жизнь Гёте или Наполеона, то понятия генерализующей науки (в данном случ<ае> психологии) нам не помогут. «Здесь перед нами, действит<ель>но, жизненное единство, к<ото>рое... основывается исключительно на том, что определённые с точки зрения культурных ценностей психические связи становятся индивидуальными единствами, к<ото>рые бы сразу исчезли, если их подвести под общие... понятия» (там же, 93). Таким обр<азом>, Риккерт подчёркивает принципиальную важность и специфичность для истории уникальных, неповторимых исторических индивидуумов, деят<ельно>сть к<ото>рых невозможно объяснить с точки зр<ения> каких бы то ни было «законов истории».

В этом есть своя правда. Но эта концепция привела далее к позиции, по к<ото>рой исторический процесс лишён всяких форм связности, устойчивости и повторяемости. В таком случае он предстаёт в виде совокупности уникальных и разрозненных событий.

Это так наз<ываемый> «абсолютный» («трагический») историзм, утверждавший, что нет ничего устойчивого, определённого ни в объекте, ни в субъекте познания, ни в их взаимоотношениях.

Абсолютный историзм ведёт, очевидно, к безбрежному релятивизму и скептицизму, ибо рассматривает историческую реальность как непрерывный поток

хаотических изменений. С такой точки зр<ения>, невозможна формулировка определённых суждений об историч<еской> реальности, поскольку она сама лишена определённости. Следоват<ель>но, невозможна формулировка законов истории. Успех историч<еского> познания может обеспечить лишь та или иная форма «слияния» с творческим жизненным потоком, «погружение» в него.

Очевидно, абсол<ютный> историзм несовместим с принципом детерминизма — основой научного и философского познания. Ведь согласно принципу детерминизма, мир, ко крайней мере, в определённой степени — упорядочен.

Ещё об исторических индивидуумах

Джон Кливленд Коттон («Раздумья об истории»):

«Недостаточно обладать гением, гениальная личность должна соответствовать обстоятельствам эпохи. И Александр Великий не беспокоил бы собою свет, случись ему родиться в период устойчивого мира, а Ньютон, выросший среди воров, открыл бы лишь новый вид отмычки».

Альфред Вебер (1868 — 1958)

Немецкий социолог, с 1904 — профессор. Соединял социологию со структуралистским учением в исторической науке. В его социологии культуры показывает, что истинной основой всякой крупной культуры является определённый, характерный тип социальной организации, а также описываются исторические ступени развития этих типов.

У А. Вебер наука о культуре делится на 3 сферы: общественный процесс, процесс цивилизации и процесс культуры.

Альфред Вебер объединил понятием «социальная религия» демократический капитализм, демократический социализм и советский коммунизм. Источник социальн<ой> религии — Декларация прав ч<елове>ка (1776), с её религиозно-социальным содержанием, как выражение нового типа ч<елове>ка. В борьбе, идущей с середины XIX века, полностью разрушились конкретные формы воплощения старых духовных абсолютов и почти исчезла основанная на религии форма сущ<ество>вания ч<елове>ка.

А. Вебер: «Эта социальная религия в дальнейшем занимает место трансцендентальной религии; являясь идеальной и одновременно имея социальную структуру, она формирует в невиданных масштабах практически-динамические преобразующие силы современного ч<еловече>ского бытия. Ни одна трансцендентальная религия, за исключением разве ислама; не обладает в настоящее время такой силой, к<ото>рая хотя бы в незначительной мере была бы сравнима с преобразующей силой социальной религии» (А. Weber: Kulturgeschichte als Kulturosoziologie. 1950. S. 423).

Историк и романист Георг Эберс (1837 — 1898)

Сын фабриканта; сначала изучал юридич<еские> науки в Гёттингене, с 1859 г. — древние языки и археологию в Берлине. Занявшись египтологией, Э<берс> открыл в Египте ряд папирусов (один из к<ото>рых назван его именем). В 1875 — 1889 Э<берс> был профессором египтологии в Лейпциге. Автор научных и научно-популярных трудов, Э<берс> естественно пришёл к сознанию исторических романов.

В своём первом романе «Дочь фараона» («Eine ägyptische Königstochter», 1864) с глубоким знанием быта, культуры и религии нарисовал картину борьбы за власть в Египте VI в. до н. э. В романе «Уарда» изобразил эпоху изгнания гиксосов из Египта; книга вышла в 1877 — 1881. Уже в 1881 вышел роман Эберса из римской жизни «Император»; немецкого Средневековью посвящён роман «Слово» (1883) и т. д.

Романы Эберса написаны живо и очень достоверно; он очень хорошо знал, о чём писал. Эти книги имели успех, в том числе и в России, где Эберса много переводили (Собр. соч. в 13 тт., СПб, 1896 — 1898).

Один из парадоксов Оскара Уальда

«Наш единственный долг перед историей — переписать её заново». Это мнение весьма характерно: в XX веке оно перестанет быть парадоксом.

Альфонс Олар (Aulard, 1849 — 1928)

Французский историк, республиканец и либерал, автор исследований по истории Великой Французской революции — преимущественно по политической истории («Политич<еская> история Франц<узской> революции» и др.) Его труды, подробные и солидно документированные, сохраняют ценность благодаря обилию собранных фактов, но его концепция очень узка: это парламентская история, т. е. фасад историч<еского> процесса.

Albert Vandal (1853 — 1910)

Франц<узский> историк, автор работ «Наполеон и Александр I», «Возвышение Бонапарта» и др.<уги>х. Писал живо и занимательно (это французская традиция в историографии). Член Франц<узской> академии.

Гюстав Лебон (Le Bon, 1841 — 1931)

Презрение к массе — одна из традиций европейской культуры. Ещё Маккиавелли презрительно писал: «В мире нет ничего кроме черни». Вольтер заявил: «Когда чернь принимается рассуждать, то всё погибло». Гегель провозгласил: «Масса лежит вне понятия». Его последователи братья Бауэры создали учение о том, что историческое развитие определяют «критически мыслящие личности», к^{ото}рые ведут за собою «некритическую массу». Отсюда — теория «героев и толпы», популярная среди русских народников.

«Рыцари духа» — герои европейского либерализма. Флобер поучал: «Народу нужно давать свободу, но не власть». К концу XIX века определились самые яркие враги демократии — Ницше и французский социолог Гюстав Лебон, доктор медицины.

В 1894 вышла его книга «Психологические законы эволюции народов». Движущей силой истории Лебон считал иррациональные факторы — чувства и верования, прежде всего религиозные. По мнению Лебона, физиологические и анатомические различия между расами дополняются столь же важными психологическими различиями наследственного характера; в них и коренятся конфликты между расами. Развитие отдельных цивилизаций происходит циклически.

По Лебону идея равенства противоречит ч^{еловече}ской природе. «Неизбежное следствие цивилизации состоит в дифференциации индивидов и рас» («Психол^{огические} законы эволюции народов»). Ни расы, ни люди внутри одного общества не равны между собой. Лебон явился сторонником правления элиты под видом демократии.

Мне кажется, учение этого «культурного расиста» — всего лишь более хитрое переиздание идей Ницше.

В 1895 вышла книга Лебона «Psychologie des foules» (в русском переводе — «Психология народов и масс», 1896). В ней Лебон характеризует конец XIX века как «эру толпы». Он различает «гетерогенные толпы» (толпы улицы) и «гомогенные толпы» (технические и политические секты, военные и рабочие касты, буржуазия, крестьянство). По мнению Лебона, ч^{елове}к в толпе теряет свою индивидуальность, подчиняется её примитивным импульсам; действует аффективно, обретает веру в чудо и потребность подчиняться вождю. Его анализ массового сознания в какой-то мере справедлив.

Лебон считал, что социализм — враг демократии, и призывал к борьбе с ним. Он был врагом всех революций, но особенно Октябрьской революции 1917 года в России, ибо она уничтожила элиту. По Лебону, русская революция 1917 года доказала полную неспособность рабочих управлять государством.

Джон Аткинсон Гобсон (Hobson, 1858 — 1940)

⌢
—————
⌣

Английский экономист. Его главный труд — «Империализм» (1902). В книге этой он критиковал колониальные захваты великих держав. Гобсон — противник войн. Социальный реформист буржуазного толка.

Одно из удачных предсказаний Карла Каутского

Одним из главных теоретиков марксизма после смерти Фр. Энгельса стал лидер немецкой социал-демократии Карл Каутский (1854 — 1938). В 1902 он выпустил книгу «Социальная революция», содержащую такое пророчество: «Грядущая революция... менее будет похожа на внезапное восстание против правительства и более на затяжную гражданскую войну».

Это совершенно оправдалось в XX веке (Россия и Китай).

<О французских правых>

Французский исток фашизма — это «революционная Правая 1885 — 1914 годов». В конце XIX века Париж был интеллектуальной столицей правых, а Берлин — кузницей социал-демократии. Во Франции возникали ошеломляющие антилиберальные союзы — синтез национализма и радикализма. Отвергалась вера в прогресс и рациональность личности, убеждение в том, что целью социальной активности является добро. Бланкисты сговаривались с буланжистами, синдикалисты — с монархистами. Баррес бросил лозунг «националистического социализма».

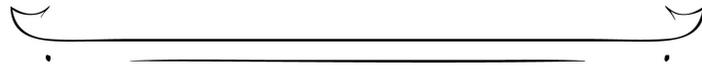
Гюстав Лебон и Тэн проповедовали подчинение личности единству, трактовали нацию как историческое, биологическое и расовое целое, законы к<ото>рого отражаются в характере каждого индивида. Парламентская система — инструмент международного еврейства. Оправдание Дрейфуса — торжество плутократии.

Моррас, руководитель «Action Française», заявил: «Социализм, освобожденный от демократического и космополитического элемента, так же подходит национализму, как хорошо скроённая перчатка — красивой руке».

В начале XX века правые радикалы создают свои рабочие организации, Жёлтое Движение; его шеф Pierre Viétry — предшественник Дорио. Они определяют либеральную демократию как вымысел прогнившей буржуазии и осмеивают парламентскую систему, как орудие международного еврейства.

Robert Louson в газете «Mouvement Socialiste» напечатал статью «Поражение дрейфусизма, или триумф еврейской партии». Растёт ненависть к демократии, пацифизму и чужим (метекам). Жорж Сорель провозглашает веру в победоносное революционное насилие хорошо организованных элит. Вот истоки Морраса и Муссолини.

В 1911 году в «Cercle Proudhon» встречаются Жорж Валуа (впоследствии основатель первой фашистской партии Франции), Berth и Сорель, к<ото>рые проповедуют «истинный» социализм (т. е. националистический и

антидемократический). Эти лозунги воскреснут во время оккупации Франции Гитлером. Главные писатели коллаборантов — Drieu La Rochelle и Brasillah.

Ксенофобия, ненависть к демократии, милитаризм — истоки французского фашизма.

Р. Г. Назиров

Польша против монголов.
Эпоха феодальной
раздробленности до Казимира
Великого. Кревская уния.
Королева Ядвига и её брак.
Грюнвальд.

Предисловие к публикации

Эта публикация — продолжение изданной в прошлом номере «Назировского архива» «Древней истории Польши». Она сохраняет все существенные формальные и стилистические особенности текста, о которых писала Е. А. Выналек¹. Следует, впрочем, заметить, что, дойдя до истории монгольского нашествия, Назиров обнаруживает способность идти против господствующего в отечественной историографии (по крайней мере, той историографии, которая активно влияет на массовое сознание и школьно-вузовское образование) мнения: он вовсе не рассматривает Древнюю (Киевскую) Русь как единственного защитника Европы от орд Батыя. Назиров воспринимает и пропускает через свое осмысление чужую «версию» истории (в данном случае, конечно, польскую). Так, например, битва при Легнице (или Лигнице, как у Назирова), почти неактуальная для российского восприятия монгольского нашествия (по крайней мере, массового; специалисты-историки, разумеется, обладают более «объёмным» видением проблемы), здесь даётся как ключевой эпизод войны, фактически остановивший продвижение войск Бату-хана на Запад.

Однако его, по всей видимости, не устраивает единичная точка зрения. Он стремится к синтезу мнений: «Европа была спасена славянством» [подчеркнуто Назировым — С. Ш.] Бату-хан поочерёдно сталкивался с сопротивлением Руси, Польши, Венгрии, Чехии, Сербии. Венгров он разбил [подразумевается, что и до венгров тоже всех разбил — С.Ш.], но чехи и сербы уже сумели нанести монгольским ордам чувствительные удары». Такая панорамная синтетичность осмысления проблемы отличает многие его труды и является одним из существенных параметров его интеллектуального зрения. В случае с «Историей Польши» будет особенно интересно посмотреть на результаты такого подхода в последующих частях свода, при описании прямых военно-политических столкновений Польши с Россией.

Как и всегда, шрифтовая акцентуация и все подчеркивания в тексте принадлежат автору. Редакционные примечания даются под знаком «*». Рукопись также содержит вклеенные в тетрадные листки вырезки из журнальных (вероятно) публикаций по истории Польши. Не включая их в рамки собственно назировского текста, мы сочли необходимым некоторые из них включить в публикацию в виде фотографий.

Сергей С. Шаулов
Башкирский государственный университет

¹ См.: Выналек Е. А. Предисловие к публикации «Истории Польши» Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2014. № 2. С. 63—64.

Венгры, Польша и Галич

В 1235 — 1270 <г.> королём Венгрии был Бэла IV. Его дочь Кинга (или Кунигунда) род. 1234 <г.>; в 1239 <г.>, т. е. в пятилетнем возрасте была обвенчана с Болеславом Стыдливым, что упрочило связи малопольских Пястов с династией Арпадовичей.

Овдовев, она удалилась в монастырь клариссинок в польском городе Stary Sącz, где стала настоятельницей.

Kinga nienawidziła rozwiązłych niewiast i kiedy już przebywała w klasztorze klarysek starsądeckich, choć była drobnej i wątłej postaci, nieraz rosła i otyłe rozpustnice własnoręcznie z domów ich gachow na wóz wynosiła i w swoim klasztorze imieszczala. A gdy siostry w rozmowach uwłaczały jej niewinności, skromnie zapewniała: “Jakkolwiek niegodnam między niewiastami, u męża swego nigdy nic innego nie widziałam procz ręki i twarzy”. Не потому ли он и был прозван Стыдливым?

Кинга умерла в своём монастыре в 1292 <г.>; причислена к сонму блаженных в 1690 <г.>.

Другую дочь Бэла IV выдал за князя Ростислава Ольговича, к<ото>рый вместе с венграми воевал Галицкую землю, но был разбит Даниилом Романовичем. Позже Бэла стал союзником Даниила. Венгерская знать ненавидела короля Бэлу; он же пытался бороться против неё.

Тревога с Востока

Когда великий князь Юго-Западной Руси Роман погиб на Висле, Галицко-Волынская земля вступила в полосу смут. Законный наследник погибшего князя Даниил Романович был ребёнком: он род. В 1201 <г.>, и в момент гибели отца ему было 4 года.

В 1211 <г.> одна из борющихся партий возвела этого мальчика на галицкий стол, но в 1212 <г.> его уже свергли. Однако он рос и мужал. В 1221 <г.> он стал князем Волынским, а в 1238 <г.> завладел и Галичем. Так Даниил Романович снова объединил галицкие и волынские земли. Это был мудрый правитель и дипломат. Он поощрял ремесло, торговлю и строительство городов (Холм, Львов и др.) Вёл успешную борьбу с поляками и Литвой.

Внезапно страшная угроза появилась из степей Азии: Бату-хан с «несметными полчищами» татар (т. е. монголов) опустошил Восточную Русь, а через некоторое время дошёл до Днепра и осадил Киев (1240).

Князь Даниил поехал просить помощи у венгров, но не допросился. О несметной численности, силе и свирепости татар говорила вся Европа. Бэла IV предпочёл укрепиться в своей стране и ожидать врага на своей, знакомой территории.

⤿
_____⤿

Киев пал в день Николая Чудотворца — 6 декабря 1240 <г.>. Мстя знаменитому городу за долгое сопротивление, завоеватель полностью разрушил его: в Киеве осталось только 200 домов. Киевляне были частью перебиты, частью уведены в рабство, а вся Киевщина опустошена и попорана.

Затем Бату-хан развернул свои орды веером и двинулся на запад и юго-запад.

Венгры, Польша и Галич

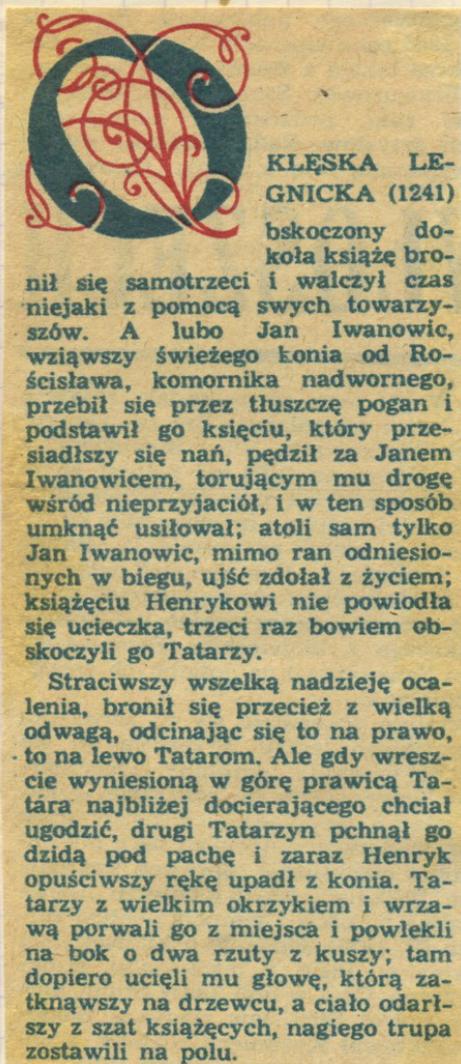
Зимой 1240 — 1241 <гг.> монгольские орды огнём и мечом прошли Вольнь и Галичину, взяли Владимир (Вольнский) и Галич; они опустошили Червонную Русь, но обошли Холм, Данилов, Кременец и др<уг>ие сильные крепости. Миновав их без осады, монголы весной 1241 <г.> двинулись в Моравию, Венгрию и Польшу. Последнее направление явно угрожало Германии.

Весной 1241 <г.> Бату-хан перевалил через Карпаты. Его аталык (воспитатель), старый и одноглазый Субедай-бахатур, за рекой Солоной (приток Тисы) наголову разбил венгерскую армию. Численность последней превышала 100000, но татары раздавили гордую венгерскую конницу. Король Бэла IV спасся бегством с поля битвы. Он бежал в Австрию, маркграф к<ото>рой Фридрих Бабенбергский заставил Бэлу отдать всё его золото и уступить Австрии самые плодородные венгерские комитаты.

В 1241 — 1242 <гг.> Субедай-бахатур грабил и опустошал Венгрию. Дорого заплатили мадьяры за то, что не пришли на помощь Киеву и Галичу.

Неск<оль>ко раньше Орда Батыея разорила Сандомирскую землю в Польше и двинулась на Краков. Сам город пал, но мощный Краковский замок устоял.

Из хроники Яна Дługосза. Фрагмент о поражении при
Легнице и гибели князя Генриха:

Легницкая битва (9 мая 1241 <г.>).

Город Легница в Силезии, по-немецки Liegnitz, стоит чуть западнее Одры. В 1241 <г.> около Лигница монгольскую орду встретили соединённые силы поляков во главе с князем Мечиславом Пястом и немцев во главе с силезским князем Генрихом II Благочестивым. Силезцы были смесью немцев и поляков.

Это большое польское войско на Лигницком поле оказало татарам упорное сопротивление. Сам Генрих Благочестивый в битве был окружён врагами и, яростно отбиваясь, погиб в рукопашной схватке; татары воткнули на копьё его голову, а тело ободрали, разделили княжеские одежды и нагой безголовый труп его бросили на поле.

Казалось бы, при Лигнице татары победили, однако они и сами понесли чувствительный урон. Фактически в этой битве поляки ценой страшных потерь остановили нашествие и спасли Германию.

После Легницкой битвы татары разорили часть Силезии — Рациборскую область (город Рацибор стоит на Одре, там, где река становится судоходной) и повернули в Моравию, на соединение с главной ордой Бату-хана.

Осадив Оломоуц, одна второстепенная монгольская орда была разбита чешским воеводой Ярославом Штернбергским. В Моравии татары потерпели неудачу. Затем сербы и хорваты в битве при Риеке (Фиуме) остановили и заставили отступить страшного Субедая.

Бату-хан, получив известие о смерти своего дяди — великого хана всех монголов Угэдэя, двинулся назад в Азию. Он описал на возвратном пути широкую южную дугу, разорил Боснию, Сербию и Болгарию, перешёл Дунай и ушёл за Чёрное море.

Европа была спасена славянством. Бату-хан поочередно сталкивался с сопротивлением Руси, Польши, Венгрии, Чехии, Сербии. Венгров он разбил, но чехи и сербы уже сумели нанести монгольским ордам чувствительные удары.

После своих изнурительных побед монголы уже не имели достаточно сил для вторжения в Западную Европу.

В Кракове по сей день сохранился костёл св. Анджее — старинный храм романского стиля, с толстыми стенами. Во время татарских нашествий 1241 и 1260 годов этот костёл, превращенный в крепость, выдержал осады и спас жизнь многим горожанам.

Поражения и победы Тевтонского ордена

Наступление немецких крестоносцев на Русь было остановлено князем Александром Невским; 5 апреля 1242 <г.> на льду Чудского озера разыгралось знаменитое «Ледовое побоище», в котором новгородцы во главе с Александром нанесли немцам сокрушительное поражение. Это остановило католическую экспансию на Северной Руси.

Оправившись от разгрома, Тевтонский орден занялся другими делами. В 1253 <г.> поморский князь Святополк разбит крестоносцами; в 1254 <г.> они с помощью воинственного чешского короля Оттокара завоевали часть Восточной Пруссии, где основали крепость Кёнигсберг. Они начинают всё более теснить Литву и Жмудь. Кровавые насилия ордена вызывают восстания местного населения, насильственно обращаемого в христианство.

Только ценой огромных усилий ордену удалось подавить восстание 1260 — 1261 <г.> во главе с литовским князем Миндовгом.

После монгольского нашествия

Бату-хан основал огромную державу — Золотую Орду; столица её, Сарай-Бату, находилась в низовьях Волги, чуть восточнее великой реки. Теперь вся Русь платила тяжёлую дань хану, и князья ездили в его ставку на поклон.

Даниил Романович тоже поехал и изъявил Бату-хану свою покорность. Бату-хан обошёлся с ним милостиво. Князь Даниил сумел восстановить разорённую татарами Галицко-Волынскую землю.

Венгерский король Бэла IV уже в 1242 <г.> вернулся в свою разорённую страну — в том же году, когда из неё ушли татары. Он тоже довольно быстро восстановил Венгрию, укрепил её хозяйство и обороноспособность. Осмелев, Бэла вознамерился присоединить к Венгрии давно желанную Галицко-Волынскую землю, посчитав её ослабленной от нашествия. Однако Даниил Романович разбил Бэлу IV под Ярославом* (1245) и отстоял своё княжество.

Он даже увеличил его, присоединив к своим владениям злосчастный Киев.

Даниил строил новые города, в их числе Холм и Львов. Для борьбы с татарами он создавал себе прочный тыл, а для того сблизился с Польшей и Литвой. Даниил признал супрематию римского папы и в 1254 <г.> принял от него титул короля.

Но это единственное в истории русское католическое королевство оказалось недолговечным. После смерти Даниил (1264) оно стало всё более утрачивать собственное лицо и под воздействием католицизма всё более сливаться с Польшей — вплоть до формального присоединения к ней.

Польша после монгольского нашествия 1241 <г.> испытала ещё два опустошительных нашествия татаро-монголов: в 1259 и 1287 <годах>.

Южная Польша была сильно ослаблена монгольским разорением. Единой Польши более не сущ<ест>вует, князья постоянно оспаривают друг у друга призрачную «верховную власть» и реальные куски земли. В Малопольшу немецкие переселенцы. Немецкие ремесленники и торговцы приобретают большой вес в Кракове.

Этот королевский город веками развивался у подножия своего акрополя — холма Wawel, увенчанного внушительным замком. Резиденция на холме включила в себя и собор, в к<ото>ром позже будут совершаться коронации и королевские погребения («польский Пантеон»). Около середины XIII века бедственное экономическое положение Польши стабилизировалось и начало улучшаться.

Вроцлав был разрушен татарами в 1241 <г.>, но быстро отстроился. Одна из главных красот города — собор XII века на Тумском острове. В 1273 <г.> вроцлавский и краковский князь Генрих IV Справедливый предоставил Вроцлаву привилегии, в том числе право брать воду из Одры и Олавы для водопровода и оборонительных рвов. Первые упоминания о водопроводе во Вроцлаве относятся к 1386 <г.>.

* Имеется в виду город Ярослав Галицкий (ныне территория Польши). Прим. ред.

Bolesław Robożny и основание Болеславца

В XIII веке достигла кульминации эпоха феодальной раздробленности в Польше. В Великопольше выделился один из тамошних Пястов — Болеслав Благочестивый.

После борьбы со своим братом Пшемиславом, войны с вероломным куявским князем Казимиром, возвращения Санока и договора с бранденбургским маркграфом Конрадом Болеслав Благочестивый сумел объединить под своей властью всю Великопольшу. Он оживил торговлю, ремёсла, промыслы, поддержал купцов новыми привилегиями, заново перестроил крепость Калиш, свою столицу.

Князь Болеслав часто объезжал свои земли. В каштеляниях или влоциях он чинил суд, правил, следил за сбором податей, проверял укрепления. Объезжая так южную часть своего княжества — Рудскую землю, Болеслав задумался об угрозе со стороны немцев — его соседей за Ополем. Он основал здесь сторожевой замок, названный Болеславцем, дал здешним кметам на оселение в городе *stu rachońków, pieniądze, wozy i konie*.

Болеславцу он дал свой *znak rodowy*: при «варовой бране» (главных воротах крепости) был укреплён piastowski Orzeł Biały.

Впоследствии немцы называли этот город Бунцлау (в 1813 в нём умер фельдмаршал Кутузов).

У Болеслава Благочестивого было три дочери и ни одного сына, поэтому князь растил в качестве наследника своего «братанка» Пшемко. *Bratanek* — это племянник, сын брата (сын сестры называется *siostrzeniec*). *Przemko* — значит Przemysław. *Bolesław Robożny*, князь калишский, умер в 1279.

Фрагменты из хроник Яна Длугоша:

NON CONSUMATUM (1271)

Zona Leszka Czarnego, księżęcia sieradzkiego, księżna Gryfina, córka Roścysława, księcia Rusi, chociaż z mężem swoim Leszkiem Czarnym lat już blisko sześć mieszkała, zostająca jednak w stanie pannieńskim, od męża wcale nie poznana, zarzucała mu niemoc i oziębłość i na zwołanym zgromadzeniu panów, rycerstwa i poważniejszych niewiast ziemi sieradzkiej, gdzie i sam Leszek książę był obecny i skargę potwierdził milczeniem, oświadczyła, że czepiec, który na głowie jako mężatka nosić była zwykła, w Krakowie, w klasztorze Braci Mniejszych w obecności wielu osób już dawno zdjęła i odtąd jako panna chodząc poczęła z odkrytą głową, unikając Leszka, księżęcia z którym postanowiła żądać rozwodu.

ŚMIERĆ BOLESŁAWÓW (1279)

Po zmarłym Bolesławie Pobornym, księżęciu kaliskim, wkrótce rozstał się ze światem Bolesław Wstydlivy, książę krakowski i sandomierski, jakby rok ten dla książąt polskich Bolesławów szczególnie był nieszczęśliwym. [...] Ciało swoje zachowawszy od wszelkiej ponęty zmysłowej i z żoną swoją Kingą przez wszystkie lata małżeń-

stwa przemieszkawszy w czystości (za którą to cnotę znakomitą pozyskał imię Bolesława Wstydliwego, na jakie żaden z książąt polskich nie zasłużył), mąż niewinności pannieńskiej, po trzydziestu siedmiu latach panowania, w Krakowie dnia siódmego grudnia, w niedzielę, pobożnie umarł. [...]

POTWÓR W JEZIORZE (1278)

W krakowskiej diecezji jezioro pełne wzdłuż i wszędy znacznie się rozciągające, a nawiedzane czartów i rozmaitymi strachami odstręczające rybolowców, uważane było za zaklęte. Gdy więc w tym roku zima nieco była twardszą, bliżsi mieszkańcy, odważywszy się na spróbowanie w rzeczonym jeziorze połowu, wzięli pięć krzyżów, chorągwie i kości świętych i udali się do brzegu. Zapuscili potem niewody, a po raz pierwszy wyciągnawszy je z wielką pracą i mozołem, trzy tylko małe rybki znaleźli.

Za drugim zaciągnięciem, gdy ściągnęli do kupy sieci, okazało się, że próżne było usiłowanie. Trzeci raz załowiwszy z największym trudem i wysiłkiem, wydobyli z wody potwora straszliwego, mającego ślebia czerwone, ogniste i żarem płonące, kark zakończony kozią głową. Na ten widok wszyscy obecni struchleli, a pociskawszy krzyże i chorągwie, drżący od strachu i zbledli, pouciekali, dokąd kogo oczy poniosły. Niektórzy z nich dostali chorobliwych wrzodów na ciele. Ów zaś potwór przstraszywszy ludzi, sunął pod lód i po całej przestrzeni jeziora, bujając jakby powietrznym lotem, wydawał szelest i łomot przeraźliwy.

О Кинзе, жене Боле-
слава Стыдливого, см. вы-
ше.

Борьба между уделами

В затяжной междоусобной борьбе за гегемонию в Польше постепенно вырастал мелкий удельный князь Владислав Локоток (Lokietek, 1260–1333). Но более сильные претенденты: великопольский князь Пшемислав и чешский король Вацлав III — с помощью сильной «немецкой партии» Кракова получили перевес.

Владислав Локотек род. в 1260 или 1261 (точной даты нет).

Великопольский князь Пшемислав в 1283 официально присваивает себе королевский титул, а в 1295 устраивает коронацию. О его печати пишет Ян Длугош в своих хрониках под 1283 годом. →

Не только Пшемислав стремился к восстановлению королевства. Вроцлавский, а затем и краковский князь из династии Силезских Пястов Гейрик IV Справедливый (он же Непрук Probus, 1257? 1258? — 23. VI. 1290?) стремился к объединению польских земель, проявлял заботу о хозяйственном развитии уделов, в том числе Силезии; он готовился к коронации королевской короной, но эти замыслы пресекла внезапная смерть. Вероятно, Гейрик Пробус был отравлен. Похоронен во Вроцлаве.

PIECZĘC KRÓLEWSKA (1283)

Aby zaś ta cnota, którą okazał w odbudowaniu na nowo królestwa polskiego i podniesieniu go z książęcego stanu do godności królestwa, za czasem w niepamięć nie poszła, na pieczęści majestatycznej, z rozkazu jego pięknie wyrobionej, głoskami dużymi z jednej strony wkoło orła wyrycić kazał: On pierwszy zwrócił Polakom godła ich zwycięskie. Po drugiej stronie było wyobrażenie króla siedzącego na tronie i trzymającego w prawej ręce berło, gdzie także był hełm z herbownym Polaków znamieniem; w lewej jabłko z krzyżem i napisem dużymi głoskami wyritym: Pieczęć Przemysława, króla polskiego i księcia pomorskiego.

Борьба между уделами

В затяжной междоусобной борьбе за гегемонию в Польше постепенно вырастал мелкий удельный князь Владислав Локоток (Lokietek, 1260 — 1333). Но более сильные претенденты: великопольский князь Пшемислав и чешский король Вацлав III — с помощью сильной «немецкой партии» Кракова получили перевес.

Владислав Локотек род. в 1260 или 1261 <г.> (точной даты нет).

Великопольский князь Пшемислав в 1283 <г.> официально присваивает себе королевский титул, а в 1295 <г.> устраивает коронацию. О его печати пишет Ян Длугош в своих хрониках под 1283 годом.

Не только Пшемыслав стремился к восстановлению королевства. Вроцлавский, а затем и краковский князь из династии Силезских Пястов Генрик IV Справедливый (он же Henryk Proboscus, 1257? 1258? — 23.VI.1290?) стремился к объединению польских земель, проявлял заботу о хозяйственном развитии уделов, в том числе Силезии; он готовился к коронации королевской короной, но эти замыслы пресекла внезапная смерть. Вероятно, Генрик Пробус был отравлен. Похоронен во Вроцлаве.

Первый большой учёный в польской истории

Знаменитый учёный Вителло род. около 1225 <г.> в Силезии: вероятно, где-то под Вроцлавом; происходил из небогатой семьи. Учился в одной из церковных школ Силезии: видимо, в Легнице. Заметив его способности, его послали продолжать обучение в Париж, где Вителло кончил факультет свободных искусств. Со степенью magister artium он вернулся в Силезию, где стал приходским священником (Witello plebanus). Приобрёл почёт и уважение.

В 1262 <г.> князь Генрик III Белый пригласил Вителло наставником к своему брату Владиславу, к^{ото}рому было уже около 27 лет. Вителло и Владислав отправились в Падую, в один из лучших университетов Европы.

В 1268 <г.> Вителло едет в Рим, а оттуда в город Витербо, где знакомится с капелланом папы римского Вильгельмом из Мербека. Это был ч^{елове}к обширных знаний, особенно в точных науках. Возможно, под его влиянием Вителло заинтересовался оптикой и создал свой знаменитый труд «Perspectiva» (предположит^{ель}но завершённый в 1270 — 1273 <г.>). Далее о жизни Вителло ничего не известно: возможно, вернулся в Силезию и преподавал в Легнице.

Трактат «Перспектива» (в 10 чч.) быстро разошёлся в списках, получил широкое признание и служил учебником около 400 лет. По нему впоследствии изучали оптику Региомонтан, Леонардо да Винчи, Коперник и даже Кеплер.

Przemyslaw II

Пшемыслав II, bratanek Bolesława Robożnego, князь Великой Польши, проявил блестящие дарования полководца и сумел объединить под своею властью бóльшую часть польских земель.

Это был политик в духе эпохи. 14 декабря 1283 <г.> его жена княгиня Люкерта, дочь Мыколая Кашубы, в своём Познанском замке была убита собственными челядинцами и служанками. Князь Пшемыслав оплакал её и устроил достойные похороны, однако народ считал его убийцей. Во-первых, Люкерта не дала ему сына, а Пшемко хотел продолжить династию; во-вторых, убийцы остались безнаказанными. — Хронист XV века Ян Длугош ещё застал народную песню о гибели Люкерты по вине Пшемыслава.

⤵ _____ ⤵

Но этот князь-воитель к концу XIII века принял титул короля и восстановил польское королевство. На своей печати он повелел изобразить себя на троне, в правой руке — скипетр, в левой — «яблоко с крестом», а легенда гласила: «Pieczęć Premysława, króla polskiego i księcia pomorskiego».

Его победы над немцами вызвали злодейскую месть бранденбургских маркграфов.

Узнав от своих шпионов, что знаменитый польский король беспечно тешит охотой в Рогозье, где замок не имеет ни вала, ни стены, несколько немецких феодалов из Бранденбурга собрали сильный отряд и ночными переходами (днём скрываясь в лесах) стали подкрадываться к Рогозью. В среду 8 февраля 1296 <г.>, на рассвете, они проникли в замок и начали подлое, предательское избиение спящих.

Король Пшемислав II успел схватиться за оружие и собрать часть дружины, но в неравном бою пал без чувств, покрытый ранами. Немцы хотели увезти его в плен, но он не мог даже удержаться в седле и упал с коня наземь. Видя, что он уже не жилец, немцы добились лежащего и связанного польского короля.

Несмотря на это злодеяние, воскресшее польское королевство продолжало свою борьбу против немецкого натиска.

В 1306 <г.> смерть молодого чешского короля Вацлава IV открыла, наконец, Владиславу Локотку дорогу на краковский престол. В тяжёлой борьбе он присоединил Великопольшу и оградил свои пределы от нападений крестоносцев Тевтонского ордена.

Свидницкие князья

В 1288 — 1291 <гг.> владыка Свидницко-Яворского княжества (ветвь Пястов) Болько I построил на высокой скале (405 м над уровнем моря) над тесниной реки Пелчицы мощный замок Ксенж; он и сейчас возвышается над окрестными Валбжихскими горами. Ксенж был построен для охраны торговых путей из Чехии во Вроцлав. Это была одна из семи крепостей, возведённых на этих землях свидницкими князьями.

Величка

В предгорьях Карпат издавна добывалась каменная соль. В 1290 <г.> местечко, где были соляные копи, получило городские права: это Величка, ныне в Краковском воеводстве. Добыча соли началась незадолго до этого. Ныне в соляных копиях Велички 9 уровней, самый нижний — на глубине 333 м; действует более 200 км штреков. С XVIII в. эти копи открыты для посетителей. В них много солёных озёр, есть вырубленные из соли часовни и скульптуры.

Дополнение

Первые попытки объединения Польши имели место в конце XIII века: это коронация Пшемислава II в 1295 <г.>.

Опираясь на мелких и средних феодалов, часть мещанства, противостоявшую немецкому патрициату, часть духовенства и на крестьянство, бжесць-куявский князь Владислав Локоток повёл борьбу за объединение Польши. Чешский король Вацлав II был сильнейшим из противников Локотка; он сумел подчинить себе бóльшую часть Польши, и Локоток был изгнан. В 1304 <г.> он вернулся в Польшу и возобновил борьбу. В 1306 <г.> Вацлав II умер, а Локоток в том же году завладел Краковом; в 1309 <г.> он завладел Великой Польшей.

В 1295 <г.> Западное Поморье, к^{ото}рое в период феодальной раздробленности отпало от Польши, распадается на два княжества — Щецинское и Вологосское, к^{ото}рые в первой половине XIV века станут вассалами Бранденбурга.

Jacub Świnka

Якуб Свинка, архиепископ гнезненский, был противником немецкого духовенства в Польше и противником объединительных тенденций, представляемых Пшемиславом II и затем Владиславом Локотком*; видный политик средневековой Польши.

Умер 4 марта 1314 <г.>.

Drang nach Osten под знаком креста

Авангардом немецкой агрессии против Литвы и Польши был Тевтонский духовно-рыцарский орден. Рыцари этого ордена в начале XIII века начали бурное наступление и к концу того же века добились больших успехов. Они захватили землю пруссов на южном берегу Балтийского моря; пруссы, группа балтийских племён, были насильственно окрещены и полностью слились с немцами; от этих воинственных племён не осталось ничего, кроме названия Пруссия.

Кроме того, орден захватил часть Литвы, а затем польское Поморье с городом Гданьском.

Гданьск, в дельте Вислы, известен уже с конца X века и около 300 лет был центром Восточно-Поморского княжества. Покорённый Тевтонским орденом в XIII веке, он не смирился перед чужеземцами и продолжал борьбу.

* Здесь у Назирова имя князя написано так. Видимо, автор был сам не вполне уверен в русском написании имени.
Прим. ред.

Восставши снова, этот богатый торговый город в 1310 <г.> упорно выдерживал осаду Тевтонов, но гданьские мещане немецкого происхождения тайно сговорились с «кшижаками» (крестоносцами) и ночью открыли им ворота.

Ворвавшись в Гданьск, krzyżacy устроили страшную резню, казнив разными способами всех польских рыцарей, поморскую шляхту и польское простонародье без различия пола и возраста, не щадя и грудных младенцев. После этой бойни в городе не осталось поляков, и Гданьск стал чисто немецким городом.

О трагедии Гданьского восстания рассказал польский историк Ян Длугош.

Bunt wojta Alberta

В 1311 <г.> на рынке в Кракове произошёл бунт войта Альберта. Владислав Локоток опирался на часть мещанства, враждебную немецкому патрициату городов. Крутые перемены, проводимые новым государем, вызвали яростное сопротивление влиятельного и богатого немецкого мещанства польских городов.

Локоток подавил восстания немецкого патрициата в Кракове (1311 — 12) и Познани (1312 — 14).

Владислав I Локоток (1260 — 1333)

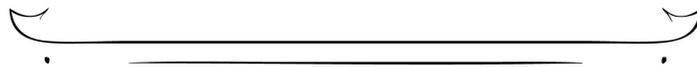
В 1319 <г.> князь Владислав Локоток добился от папы римского признания за ним королевского титула. В 1320 <г.> состоялась коронация, и с этого же года столицей Польши провозглашён Краков. Этот город будет оставаться польской столицей до 1609 <г.>.

Затяжной процесс Владислава I с Тевтонским орденом из-за Поморья в 1321 <г.> был решён папой Иоанном XXII (в Авиньоне) в пользу Польши. Владислав Локоток сумел объединить под своею властью большую часть Польши.

Началось её постепенное восстановление из глубокого упадка XII — XIII веков. На рубеже XIII и XIV веков начался бурный рост польских городов, подъём ремесла и торговли.

Владислав Локоток, вёл борьбу с Тевтонским орденом за власть над Гданьским Поморьем. Он заключил союз с Литвой, скреплённый браком его сына Казимира с дочерью литовского князя Гедимина. Владислав Локоток не только добился объединения польских земель, но и сумел достичь внутренней консолидации страны.

В 1331 <г.> Локоток нанёс серьёзное поражение Тевтонскому ордену в битве под Пловцами, в полях и болотах.

Казимир III Великий (Kazimierz Wielki, 1310 — 1370)

По смерти Владислава Локотка в 1333 <г.> на престол вошёл Казимир III. Ещё в 1325 <г.>, мальчиком, он взял в жёны литвинку Альдону (в крещении Анна, 1309? 1310? — 1339?), дочь великого князя литовского Гедимина. Этот брак укрепил польско-литовский союз против Тевтонского ордена.

Казимир III унаследовал Польшу, изгнанную с Одры и с побережья Балтики. Это был король-строитель, мудрый и расчётливый организатор. Воевал он редко и расчётливо. В 1343 <г.> Казимир III уступил Тевтонскому ордену Восточное Поморье с городом Гданьском, потому что эти земли в ту эпоху уже нельзя было вернуть. Но в том же 1343 <г.> король возвратил Польше Куявию*, а в 1351 — 1353 <г.> — Мазовию, в 1349 — 1352 <г.> захватил Галицкую землю, а в 1352 — Подолию. В общем, за 1340 — 1352 <гг.> он присоединил к Польше Галицкую Русь, часть Волыни и Подолии.

Точнее: Казимир III отказался от борьбы за возвращение Силезии, признав её в 1335 <г.> владением чешских королей, а в 1343 <г.> признал захват Тевтонским орденом Восточного Поморья взамен за возвращение орденом Куяв.

Казимир III стремился к централизации страны и усилению королевской власти. Под его руководством на сеймах в Вислице (1346 — 1347) и Петрокове (1347) была проведена кодификация польского права; «Вислицко-Петроковские статуты» 1346 — 1347 годов (иногда неточно говорится только о «Вислицком статуте») — это сборник законов, запись польского обычного права.

Он много сделал для развития городов и торговли, ради чего привлекал в Польшу евреев. По одному из его указов еврей, принявший христианство, тотчас получал шляхетское звание. Король держал наложницу-еврейку, но в 1356 <г.> прогнал её, убедившись, что у неё лысая и нечистая голова; но он тотчас взял другую еврейку по имени Estera; хроника Длугоша отмечает её красоту. Эстера родила от короля двух сыновей.

Казимиру III удалось на время подчинить Мазовию, однако впоследствии она восстановила свою независимость и только в 1526 <г.>, после смерти последнего из мазовецких Пястовичей, перешла во власть польского короля Зыгмунта I.

В 1363 <г.> в Кракове римский император и чешский король Карл Люксембургский вступил в брак с Эльжбетой, внучкой Казимира III, к^{ото}рый дал за нею в приданое 100000 злотых. Гости на свадьбе были пять королей и множество князей и вельмож, а брачные праздники и турниры отличались чрезвычайной пышностью; король Казимир осыпал всех гостей неслыханно щедрыми дарами. Сам этот брак и вся пышность празднования говорили о процветании Польши и великолепии царствования.

* Куяву — область между Средней Вислой и верхним течением реки Нотец; в 1388 <г.> вошла в состав польских коронных земель.

Тогда же на Краковском рынке состоялась легендарная «uczta u Wierzynka» в честь Казимира III и трёх других королей.

Краковский купец и банкир Мыколай Вежинек (? — 1368?) имел дом на Краковском рынке. В 1364 <г.> он прославился пиром, к<ото>рый от городской рады Кракова дал европейским монархам, гостям Казимира Великого.

Да, Казимира III уже называли «Великим». Fakt, że przydomkiem “Wielki” obdarzono nie króla-wojownika, lecz króla-zalóżyiciela miast i uniwersytetu, świadczy o dążeniu do przekraczania zastanych form, o przyswajanie sobie bardziej nowoczesnych, europejskich.

В 1364 <г.> Казимир Великий основал в Кракове университет, ныне не совсем справедливо именуемый Ягеллонским университетом.

Казимир Великий умер в 1370 <г.>, не оставив законных наследников. Он был последним из Пястов. Правда, вологосский князь Богуслав V (Зап<адное> Поморье), заключив с Польшей союз, в 1343 <г.> обвенчался с дочерью Каз<имира> Великого — Эльжбетой; их сын Казимир IV был объявлен наследником польского трона после Людовика Венгерского, но завещание Казимира Великого осталось лишь на бумаге.

Брак цесаря с внучкой Казимира Великого

Краковская встреча монархов в 1363 <г.> имела главной целью мирное разрешение пограничных споров между Людовиком Венгерским и цесарем Карлом IV Люксембургским. Цесарь Священной Римской империи был одновременно чешским королём и имел резиденцию в Праге. С благословения папы Урбана V Казимеж III стал посредником в этом споре.

Чтобы гарантировать прочность соглашения, Казимир решил скрепить его женитьбой цесаря на Эльжбете, дочери князя Слупского Богуслава V; девушка доводилась внучкой родной сестре короля Казимира. Король приносил её в жертву политике: цесарь Карл приближался к своим 50 годам и часто прихварывал, а Эльжбета, 18 лет, была кровь с молоком и для потехи ломала подковы.

Кроме спорящих монархов, в польскую столицу прибыли тогда Вальдемар II Датский, король Кипра и Иерусалима Пётр, князь Богуслав V с женой и дочерью, многочисл<енные> князя силезские и мазовецкие. Их пышные свиты и рыцари в латах наводнили Краков.

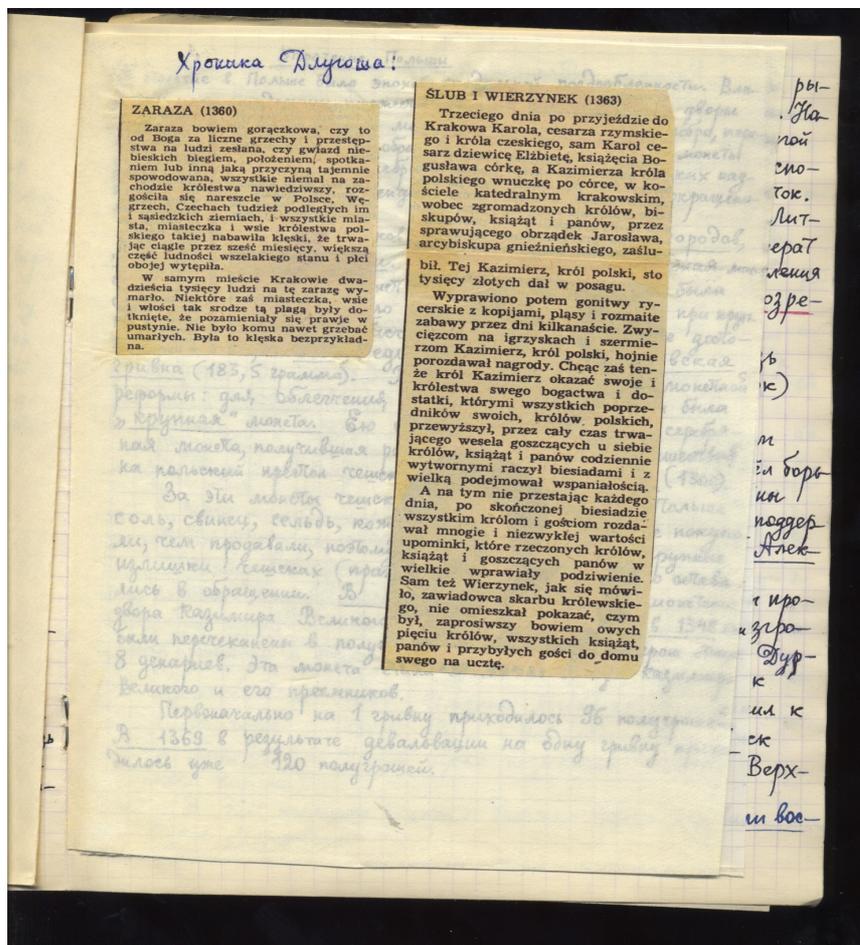
Миссия папы была выполнена. На третий день с начала переговоров на Вавеле обвенчались Карл IV и Эльжбета. Начался многодневный праздник, финалом к<ото>рого и стала легендарная «uczta u Вежинка».

Мыколай Вежинек, управляющий соляных копей в Величке, городской советник и банкир короля, дал пир именитым гостям в своём доме у Рынка; пировали три дня и три ночи. Протокол соблюдался точно, пили и ели на золоте и серебре. В заключение

Вежинек подарил каждому гостю золотые и серебряные приборы, к^{<ото>}рыми тот пользовался, а самым почётным гостям преподнёс сувениры из драгоценных камней.

Во время пира у Вежинека король Казим^{<ир>} III огласил итоги переговоров и резюмировал: «спор угас и никогда не повторится». Эту весть с восторгом приняли горожане, заполнявшие Рынок; здесь были им выставлены бочки венгерского, и на вертелах жарилось мясо.

В XIX веке Jan Matejko напишет «Пир у Вежинка». Дом этот сохранился поныне; теперь в нём размещается ресторан «Вежинек», к^{<ото>}рый славится польской кухней и высокими ценами. В одном зале ресторана висит копия картины Матейки.

Упрочение Польши

XIII столетие в Польше было эпохой феодальной раздробленности. Владельцы мелких удельных княжеств заводили свои монетные дворы и в большом количестве били монету; когда не хватало серебра, переплавляли монеты, бывшие в обращении, чеканя из одной монеты две. Монеты отделялись небрежно, многие были без всяких надписей, иногда с краткой легендой — из двух слов, и то с сокращением.

⤵
—————
⤴

На рубеже XIII и XIV веков начался бурный рост городов, подъём ремесла и торговли. В обращении была громадная масса польских и иностранных монет; в основном их ценность была очень низкой, что затрудняло торговые расчёты, особенно при крупных сделках. Мерой расчёта было не номинальное достоинство монеты, а вес; единицей веса была пястовская гривна (183,5 грамма). Возникла необходимость монетной реформы: для облегчения торгового обмена нужна была «крупная» монета, получившая распространение после восшествия на польский престол чешского короля Вацлава II (1300).

За эти монеты чешские купцы покупали в Польше соль, свинец, кожу, скот. Они здесь больше покупали, чем продавали, поэтому в Польше возникли крупные излишки чешских (пражских) грошей, которые долго оставались в обращении. В 1338 г. появились гроши с монетного двора Казимира Великого — краковские гроши; в 1348 г. они были перечеканены в полугроши, причём один полугрош стоил 8 денариев. Эта монета стала главной в эпоху Казимира Великого и его преемников.

Первоначально на 1 гривну приходилось 96 полугрошей. В 1369 г. в результате девальвации на одну гривну приходилось уже 120 полугрошей.

Казимир Великий, стремясь упорядочить денежную систему, издал указ, согласно которому монетный двор был подчинён непосредственно королю, содержание серебряного сплава в монете было точно определено, а на монетах должно было находиться изображение государственного герба.

Денежная рента

С XIII века феодалы начали поощрять переселение сельского и городского люда из Германии. Хотя немецкие крестьяне-переселенцы попадали в Польшу под действие особого, так называемого «немецкого» права, создававшего для них значительные экономические и правовые преимущества по сравнению с положением крестьян в самой Германии, переселение в Польшу не приняло массового характера. «Немецкое право» обеспечивало на определённых условиях сохранение земли в наследственном пользовании крестьян, регламентировало их обязанности по отношению к феодалу.

Феодалы стали переводить на «немецкое право» и польских крестьян. Этот перевод был связан с новыми формами феодальной ренты — введением единообразного и регламентированного чинша (оброка), который вносился деньгами и натурой. Появление денежной ренты было тесно связано с ростом польских городов и товарного производства.

Литва

В XIII веке против Литвы начинается агрессия немецких рыцарских орденов, вооружённых «миссионеров» христианства. Натиск немцев заставляет литовцев объединяться; с другой стороны, установившееся на Руси татаро-монгольское иго

способствует лёгкому расширению Литвы на юг и юго-восток. Русские предпочитают Литву татарам. Входя в состав Литвы, русские княжества и города вносят в этот конгломерат свою традицию государственной жизни, свои классовые деления и навыки администрации. Под русским влиянием созревает литовская государственность.

В первой половине XIII века известен литовский князь Эрдвид, к^{ото}рый восстановил Новогрудок (Новгородок) после разрушения его Батыем.

С конца 30-х годов или с 1240 <г.> великим князем Литвы был Миндовг (Миндаугас, ? — 1263). Он вёл борьбу против немцев в Прибалтике; после неудачной войны с немецкими рыцарями принял католичество, но поддерживал дружеские связи с Даниилом Галицким и Александром Невским.

Затем Миндовг возглавил народное восстание Литвы против немецких феодалов-крестоносцев. В 1260 <г.>, разгромив войска Ливонского и Тевтонского орденов у озера Дурбе, Миндовг отрёкся от христианства и вернулся к языческой вере отцов. Именно Миндовг присоединил к Литве города Чёрной Руси — Новгородок, Волковыск и Полоцк. (Чёрной Русью называлась область Верхнего Немана).

В 1261 <г.> немецкие рыцари с большим трудом подавили восстание Миндовга.

В 1293 <г.> великим князем литовским стал Витень (Витенис, ? — 1315). Он совершил неск^{оль}ко крупных походов в земли Ливонского ордена, в 1307 <г.> освободил от немецких рыцарей захваченный ими Полоцк.

После смерти Витеня с 1316 <г.> великим князем литовским стал его младший брат — прославленный Гедимин (Гедиминас, ? — 1341). Он значительно расширил пределы Литвы, нанёс ряд поражений немецким рыцарям, возвратил много захваченных ими городов и земель. Началась боевая слава литовцев. В 1320 <г.> Гедимин включил в состав Литвы Витебское княжество на Западной Двине (в прошлом удел Полоцкого княжества). Гедимин называл себя «королём Литвы и Руси».

Выступая в союзе с Тверью против объединительной политики Москвы, Гедимин продолжал захват западно-русских земель, начатый литовскими князьями в XIII веке.

Согласно преданию, Гедимин был убит при осаде Велони выстрелом из пицали (тонкой пушки). Литовцы тогда ещё не знали огнестрельного оружия, сражались палицами и топорами.

В 1345 <г.> великим князем Литвы стал Ольгерд (Альгирдас, ? — 1377), сын Гедимины. Он боролся за расширение Великого княжества Литовского, в 1348 <г.> одержал победы над Тевтонским орденом. Вместе с Ольгердом княжил его брат Кейстут (Кястутис, 1297 — 1382); он защищал литовские земли от немецких крестоносцев.

⤿

В 1362 <г.> тевтоны взяли литовскую крепость Ковно (Каунас), затем Кейданы. Упорно сопротивляясь, литовцы уходили в леса. Княжество братьев Гедиминовичей устояло. Более того, несмотря на продолжение немецкого нашествия, Гедимин в 1363 <г.> одержал победу над Золотой Ордой. Литовцы не боялись татар.

Монголо-татары в XIII в. опустошили Вольнь и Галичину, подчинили себе Понизье — южные владения Даниила Галицкого, прилегавшие к Днестру. Это позже стали называть Подольем.

В XIV в. усилившаяся Литва вытеснила татар из южных степей вплоть до Чёрного моря и с правобережья Днестра, т. е. из нынешней Бессарабии. В 1362 <г.> литовцы разгромили татар при Синих Водах и подчинили себе Подолье с Брацлавом и Винницей, до Очакова включительно. С освобождением от татар здесь возродилась оседлая культура, были восстановлены старые города и построены новые: Аккерман, Маяки, Каравул (ныне Рашков), Оргеев, Тыгиня (Бендеры), Чобручи, Хотин и др.

Возобновилась торговля, гарнизоны городов охраняли караванные пути.

Ольгерд присоединил часть западно-русских земель, поддерживал Тверское княжество и трижды совершал неудачные походы на Москву — в 1368, 1370 и 1372 <г.>. Войска московского князя Дмитрия Ивановича, позже прозванного Донским, успешно отражали литовские набеги.

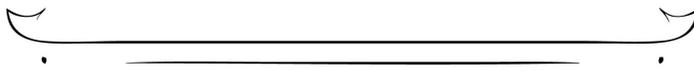
Зато в 1370 <г.> Ольгерд одержал победу над немецкими рыцарями и отразил их почти десятилетнее нашествие.

После смерти Ольгерда (1377) великим князем стал его сын Скиргайло, но затем его двоюродный брат Витаутас (по-русски Витовт, по-польски Витольд, 1350 — 1430), сын Кейстута, изгнал Скиргайла из Вильно и сам занял великокняжеский престол (1392).*

Витовт сильно укрепил и возвысил Литву. Он прославился отвагой и хитростью. Со своей дружиной он пришёл в гости к немцам в Мариенбург — пришёл как друг, а затем внезапно «изменил» и направился на Литву. Комендантам немецких замков в Литве он показывал подложный приказ с печатью великого магистра Тевтонского ордена; проникая таким образом в замки, он их сжигал, а гарнизоны истреблял.

Витольд возмутил немцев своим коварством, и они двинулись на Литву во главе с великим магистром графом Конрадом Валленродом, испытанным воином. Немцы выжгли Литву, обложили Ковно и Вильно, но у них кончились припасы, началась суровая зима, и они со срамом вернулись в орденские земли. В 1394 <г.> внезапно умер Валленрод. Эта загадочная смерть после неудачного похода породила легенду о том, что Валленрод был литовец, проникший в орден ради мести за бедствия своей родины и желавший разрушить орден изнутри.

*Какая-то неточность: в 1377 — 1392 великим князем литовским был Ягайло. См. о нём далее.

Легенда об основании Вильнюса

Во время ночёвки на горе Гедиминасу приснилась железная волчица, к^{ото}рая приказала ему основать у э той горы город. Князь это выполнил. Сегодня гора Гедиминаса находится в центре Вильнюса.

Именно при Гедиминасе Литва стала сильным государством, завязавшим экономические и политические связи с крупными странами.

Выход Литвы на международную арену

Во второй половине XIV века великое княжество Литовское завладело частью Украины с городом Киевом. Русь охотно шла под руку литовских князей, спасаясь от татарского ига. Литва стала наполовину русской державой. Её усиление заставляло Польшу всё усерднее искать союза или даже объединения с Литвой против немецкой агрессии.

В 1385 <г.>, 14 августа, в замке Крево (на территории нынешней Белоруссии) было подписано соглашение о династическом союзе между Литвой и Польшей. Великий князь литовский Ягайло (около 1350 — 1434), вступив в брак с полькой королевой Ядвигой, провозглашался королём единого польско-литовского государства; при этом он принимал крещение и обязывался крестить всю Литву. Кревская уния изменила судьбу Литвы.

Через 7 лет Литва восстала против полного подчинения Польше* и под водительством Витовта отвоевала частичную автономию; Витовт стал великим князем (1392).

Литва в прошлом традиционно поддерживала тверских князей против Москвы, но у Литвы и Москвы общий враг — татары. В 1399 <г.> фактический правитель Золотой Орды Едигей-мурза на реке Ворскле разбил силы Витовта. В том же году полоцкий князь Андрей Ольгердович, признававший себя вассалом Витовта, погиб в бою с татарами.

В 1401 <г.> Витовт осаждал Смоленск, но не смог его взять и заключил перемирие со смоленским князем Юрием Святославичем. Но в 1404 <г.>, благодаря тайномуговору со своим зятем, с великим московским князем Василием I, Витовт захватил Смоленск. Василий Московский был зятем Витовта.

Витовт в 1390 <г.> выдал свою дочь Софью за великого князя московского; в малолетство сына Софья Витовтовна правила Московской Русью и проявила замечательную силу характера.

В 1406 — 1408 <гг.> Витовт трижды вторгся в Московское княжество, захватил Смоленск. Именно его вассалы, смоленский полк, сыграют исключительно важную роль в битве при Грюнвальде (1410).

*Польские «залог» в городах Литвы были перебиты.

⤿

Литва была «официально» крещена Владиславом-Ягайлой в 1387 <г.>, но это, конечно, чисто формальная дата: на деле процесс христианизации Литвы сильно затянулся, пережитки литовского язычества сохранялись до XX века, а Жмудь даже формально примет католичество только в 1413 <г.>.

Междуусобная война Литвы с поляками в 1392 <г.> не привела к распаду унии именно потому, что обе страны были кровно заинтересованы в союзе ввиду сильного врага — Тевтонского ордена. Кревская уния была не расторгнута, а только пересмотрена. Литва получила относительную самостоятельность, но обязалась помогать Польше и не нарушать вассальной зависимости от польской короны. Эта форма военно-политического объединения Литвы и Польши оказалась долговечной.

Государственные и судебные акты Литвы по-прежнему велись на русском языке.

Литовский князь — кунигас. Эти литовские кунигасы разнесли победный звон оружия от миндальных роцц Поднепровья до засеянных янтарём берегов Балтики. Кунигас носил шубу из белых горностаев, охотился в пущах на зубров в рысьих шапках и с копьями; слуги вели стаи гончих. Когда ловчий с барсучьей торбой на плечах играл на длинной трубе охотничий сигнал, гончие вторили ему разными голосами. Кривула — изогнутый литовский рог.

Zawisza Czarny z Jarbowa

Завиша Чёрный — знаменитый польский рыцарь, ставший олицетворением национально-героических традиций. В начале XV века он служил в войсках императора Сигизмунда, снискал большую славу своею храбростью и глубоким знанием рыцарского этикета.

При вести о походе Ягелло против Тевтонского ордена Завиша поспешил в Польшу и сражался при Грюнвальде (1410). Затем он исполнял важные поручения Ягелло на Констанцском соборе, где был осуждён и казнён Ян Гус, а также при королях Англии и Франции. Впоследствии Завиша снова поступил на службу к императору и сражался против гуситов. Погиб в турецкой войне 1428 года.

Он был захвачен в плен турками и убит.

Завиша был признан образцом рыцарских добродетелей, так что возникла даже поговорка: «Положиться, как на Завишу».

Людовик I Венгерский,

король Польши в 1370 — 1382

В 1342 <г.> королём Венгрии стал принц Людовик Анжуйский из боковой ветви Капетингов. В 1363 <г.> он женился вторым браком на Елизавете Боснячке, отцом к<ото>рой был Стефан Контроманич, бан Боснии, а матерью — Елизавета

Иновроцлавско-Гневковская (польская княжна). Елизавета Боснячка род. около 1340 <г.> и считалась первой красавицей своего времени.

В 1370 <г.> Людовик Венгерский, воинственный государь и умелый правитель, был избран ещё и польским королём: объединил две короны (персональная уния Венгрии и Польши). В 1374 <г.> он был вынужден подписать один из самых пагубных документов польской истории — Кошицкий привилей (в словацком городе Кошице). Согласно этому акту, польское дворянство получило ряд привилегий; феодалы и шляхта освобождались почти от всех государственных повинностей. И за это Людовика I прозвали «Великим»!

В конечном счёте ввиду слабости городов в Польше сложилась не централизованная монархия, а своеобразная феодалная федерация во главе с выборными королями. Позже получит крайнее развитие режим «шляхетской демократии».

В год Кошицкого привилея королева Елизавета Боснячка родила Людовику дочь Ядвигу.

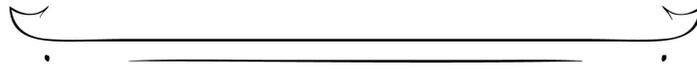
Людовик I умер в 1382 <г.>, не оставив наследников мужского пола. Возникли затруднения с престолонаследием. Елизавета Боснячка стала регентшей Венгрии и Польши от имени своей несовершеннолетней дочери Марии.

Но в 1385 <г.> Карл Дураццо Неаполитанский захватил Венгрию и лишил власти вдовствующую королеву. Елизавете при содействии своего приверженца Гара удалось убить Дураццо, но сторонник последнего Ян Хорват, бан хорватский, опять сверг её с престола. Гар был обезглавлен, а Елизавета Боснячка по приказу Яна Хорвата защита в мешок и утоплена (1387). Юная Мария, её дочь, была заперта в темницу: позже она отомстит.

В крещении Ягайло принял имя Владислава, в 1386 <г.> женился на Ядвиге и был провозглашён польским королём Владиславом II. Польшу и Литву связала личная уния, и на польском престоле утвердилась династия Ягеллонов. Образованное Кривской унией Польско-Литовское государство оказалось одним из крупнейших в Европе.

Владислав Ягелло начал крещение Литвы по римско-католическому обряду. 1387 год считается годом христианизации Литвы, хотя на самом деле она происходила довольно долго, а Жмудь (Жемайтия) была окрещена только в 1413 <г.>.

Крещение Литвы сопровождалось дарованием привилегий литовскому дворянству, раздачей подарков окрестившемуся простонародью. На месте языческих капищ строились костёлы; Ягайло и новорождённый литовский Костёл запретили смешанные конфессиональные браки. Предметы языческого культа, капища, идолы уничтожались насильственно, чем самолично занимались и Ягайло, и князь Витовт (Витаутас). Были организованы преследования литовцев-язычников или новокрещенцев, сохранявших «двоеверие» и нарушавших христианские нормы.

Unia z Litwą zdawała się rozwiązaniem najlepszym z możliwych, bo łącząc Polskę właśnie z większym od niej organizmem zapewniała jej w nim rolę dominującą. Tyle że była to unia myszy ze słoniem. Słoń miał siłę i rozmiar, mysz inteligencję i stosunki na Zachodzie.

Mysz ujeździła¹ słonia na dwaście lat, ale na dłużej nie starczyło jej energii, po czym zjawili się rywale do podziału zbyt wielkiego łupu, który jej bez walki oddali skłóceniu między sobą potomkowie Giedymina.

Nie mogło tam być mowy o federacji², bo potencjały polityczne i gospodarcze były nierówne. Korona³ nie była zdolna do narzucenia tym obszarom centralistycznego terroru — sama na to za słaba, ani też nie miała odpowiedniego po temu⁴ ustroju wewnętrznego.

Logika nakazywała ułożyć rzeczy całkiem odwrotnie: to Jagiełło winien był Jadwige wziąć do siebie, do Wilna czy Troków, i tam założyć stolicę polsko-litewskiego imperium. To wielka, choć niezagospodarowana i na pół barbarzyńska Litwa winna była anektować małą Polskę jak Rzym Grecję, i tak się pod jej wpływem przekształcić się kulturalnie, jak Rzym pod wpływem Grecji. Stało się odwrotnie, bo poprzez Polskę doszedł na Litwę urok Zachodu, a Giedyminowicze chcieli właśnie na Zachód wydostać się ze swoich puszczy i stepów — niezdolni tworzyć państwo na własnym terytorium, z własnymi, naturalnymi rywalami w starciu — z Moskwą i z Hordą. Syn Władysława już eksportował synów i córki na wszystkie europejskie dwory. Wschód zaś pozostał otwartą księgą, do której miał się wpisać ten, kto do niej dostąpi: Turcaj lub Moskwa. Wpisała się Moskwa. Litewsko-ruskiego słonia ujarzmił twór jeszcze od niego silniejszy. Mysz musiała potem sama swój dramat rozstrzygnąć.

<Уния с Литвой казалась лучшим из возможных решений потому, что соединяя Польшу с большим, чем она сама, организмом, обеспечивала ей в нем доминирующую роль. Это была уния мыши со слоном. У слона были сила и величина, у мыши ум и налаженные связи на Западе.

Мышь закабалила слона на 200 лет, на более долгий срок ей не хватило энергии, потом пришли соперники, чтобы поделить непомерно большую добычу, которую ей без борьбы отдали рассорившиеся между собой потомки Гедимина.

Не могло и речь быть о федерации, потому что политические и хозяйственные потенциалы были неравны. Корона не в состоянии была развернуть на этих землях централистский террор — сама она была для этого слаба, а вдобавок не имела подходящего для этого внутреннего устройства.

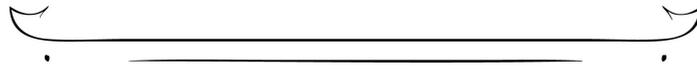
Логика требовала разрешить ситуацию противоположным образом: это Ягелло должен был забрать Ядвигу в Вильно или Троков и там устроить столицу польско-

¹ Тут, скорее всего, ошибка, должно быть *uwięziła*.

² Грамматическая ошибка, должно быть *federacji*.

³ Имеется в виду Корона Królestwa Polskiego (Корона Королевства Польского), формальное название польского государства как отдельной административной единицы в 1386—1569 гг., а затем Польши как полноправного члена Речипосполитей, федерации Короны и Великого Княжества Литовского, возникшей в результате Любльской Унии в 1569 году и ликвидированной с третьим разделом Польши в 1795 году.

⁴ Должно быть *ku temu*

литовской империи. Это огромная, неблагоустроенная и полуварварская Литва должна была аннексировать Польшу, как Рим Грецию, и под ее влиянием претерпеть культурные изменения, как Рим под влиянием Греции. Случилось наоборот, потому что через Польшу в Литву пришел соблазн Запада, а Гедиминовичи как раз хотели выбраться на Запад из своих пущ и степей — неспособные создать государство на собственной территории, в борьбе со своими натуральными соперниками — с Москвой и с Ордой. Сын Владислава уже экспортировал сыновей и дочерей на все европейские дворы. Восток между тем оставался открытой книгой, в которую должен был быть вписан тот, кто будет этого достоин: Турция или Москва. Оказалось, что это Москва. На русско-литовского слона наложило ярмо создание еще более сильное. Мышь потом должна была сама решать свои проблемы. — Перевод Е. А. Выналек>

Итак, обширная и разноплеменная Литва стала придатком небольшой, но зато культурно и политически развитой Польши.

Политика Владислава II вызвала протест литовских феодалов, выразителем которого стал Витовт, сын Кейстута; в результате междоусобной войны он в 1392 <г.> стал великим князем литовским и добился относительной автономии Литвы в рамках унии. При нём великое княжество Литовское сильно расширилось за счёт присоединения нек<ото>рых удельных княжеств Руси, включая Смоленск.

Зато Ядвига и Владислав-Ягелло окончательно присоединили к Польше богатую Галицкую Русь. Королева Ядвига обновила Краковский университет⁵.

Зарождение литературы на польском языке

В это время наряду с латинской учёностью зарождается литература на польском языке: первоначально это переводы религиозных текстов («Псалтирь королевы Ядвиги», 1399), а также религиозные песнопения, как, напр<имер, «Bogurodzica» («Гимн в честь Богородицы»).

На польском написан стихотворный «Диалог магистра Поликарпа со Смертью» — образец типично средневекового сочетания религиозных и светско-общественных элементов.

Гимны — один из элементов христианской литургии. В Зап<адной> Европе были созданы знаменитые латинские гимны Re Deum, Stabat Mater, Dies Irae, Veni Creator и Salve Regina. Первым польским гимном, «pieŚnia ojczysta», как назвал её Длугош, явилась «Bogurodzica dziewica»: она возникла в XIII в., но особенную популярность приобрела в XV в. Этот хорал медленного темпа пели польские рыцари в битве при Грюнвальде. А благодарственным гимном служил Te Deum laudamus (Тебе Бога хвалим). В XVI веке «Богородицу» уже перестали петь (в связи с реформацией и ускорением атак).

⁵ Collegium Maius — старейшее из сохранившихся зданий Ягеллонского университета в Кракове — построено в 1400 <г.>. Ныне в нём размещается университетский музей.

«Краковский хейнал»

В 1392 <г.> с самой высокой колокольни Кракова — костёла святой Марии — впервые прозвучал над Рыночной площадью сигнал трубы, так называемый hejnal. С тех пор он всегда исполняется ежедневно, ровно в полдень.

Процесс королевы Ядвиги против Гневоша в 1389 <г.>

Gniewosz z Dalewic — знатный пан, у которого жил Вильгельм, герцог Австрии, ещё в 1385 <г.>, когда приезжал свататься к Ядвиге. Благодаря наговорам Гневоша, король Владислав Ягелло ревновал Ядвигу и был уверен в её любовных сношениях с прежним её женихом Вильгельмом Австрийским. Уверения Ядвиги в её невинности не помогли. Чаша бед 16-летней королевы переполнилась оскорблениями мужа; Ядвига на время прекратила с ним всякие отношения. Только всеобщее представление, что именно она действительная госпожа и наследница королевства, охранило её от наказания, обычного в тот век между царственными супругами при ревности мужа.

Когда Ядвига исповедовалась однажды, духовник стал строго её упрекать в непослушании мужу. Ядвига в гнев встала с колен и приказала духовнику молчать. Вскоре истина обнаружилась, супруги помирились, но поступок Гневоша, вероятно, так и остался бы безнаказанным, если бы Ядвига не настояла на формальном суде. Король и его коронные советники вынуждены были согласиться на судебный спор королевы с Гневошем. Ядвига, пользуясь правом любой шляхетки, обвинила Гневоша в клевете на женскую честь. Обвинённому назначен был «судебный год» в Вислице.

Там, в назначенный срок, собрался трибунал: судьи, их помощники, толпы чиновников и вельмож. Ядвига выбрала своим представителем известного оратора — старого Яська из Тенчин, самого красноречивого вельможу того времени, каштеляна войницкого. Король и сановники свидетельствовали о невинности королевы, а 12 рыцарей были готовы драться с Гневошем в судебном поединке. Гневош словно онемел. Напрасно судьи приглашали его сказать хоть что-нибудь в свою защиту. Он знал, что если будет поддерживать свою клевету, то должен будет сражаться. Его дрожащие от страха уста, опущенный долу взор выражали немую мольбу о пощаде.

Гневош был признан виновным в клевете на женскую честь. Тогдашние законы не делали тут различия между королевой и простой шляхтянкой, и трибунал счёл достаточным обычное наказание, которое предписывал статут — штраф в 60 гривен и ревокация, кончающаяся формулой: «Я солгал, как пёс». Королева Ядвига была объявлена чистой от всяких подозрений, а Гневош был обязан немедленно исполнить приговор. Согласно требованию статута, клеветник скорчился вдвое, влез под судебную лаву и оттуда сказал, что всё, что он наговаривал королю о королеве, было подлою ложью. После требуемых статутом слов «Я солгал, как пёс» ему было

приказано в действит<ельно>сти несколько раз пролаять. И Гневош пролаял из-под лавки.

Этот эпизод подробно описан в хрониках Яна Длугоша.

В 1390 князь Вартислав VII, владевший половиной Западного Поморья, признал себя ленником Владислава Ягелло.

Смерть королевы Ядвиги

Ядвига Анжуйская родилась, как полагают, в 1374 <г.>. Младшая дочь Людовига Венгерского и Елизаветы Боснячки, она была провозглашена королевой Польши в 1384 <г.>. Ещё совсем юной она стала женой Владислава-Ягелло.

Ядвига была разносторонне образованной женщиной. Часть своих личных средств она предназначила на развитие Краковской академии и пожертвовала на Вавельский собор.

Умирая в возрасте 25 лет, Ядвига сама выбрала себе преемницу и опочила 17 июля 1399 <г.> в Кракове, не оставив потомства. Точно выполняя завещание Ядвиги, Владислав-Ягелло в 1402 <г.> женился по её указанию.

Новая королева Анна была уродлива, но советники короля обвиняли её в супружеских изменах.

Король Владислав-Ягелло свои длинные, курчавые, чёрные волосы, закладывал за уши; у него было смуглое обритое лицо. Он был слаб характером, нетвёрд и вспыльчив. Немецких крестоносцев Ягелло ненавидел. Ещё в бытность князем Литвы, он был так взбешён придирками крестоносцев, что крикнул их послу: «Ты ко мне с пергаментом, а я к тебе с копьём!»

Однако в бытность его польским королём Ядвига, имевшая на мужа огромное влияние, всё время удерживала его от войны против крестоносцев. Гвардию короля составляли литовские стрельцы в кафтанах из невыделанной лосиной кожи, вооружённые бердышами.

Завтрак короля — винная похлёбка, заправленная яйцами, корицей, гвоздикой, имбирём и шафраном; ел из оловянных мисок.

Королевские придворные, чтобы сохранять гладкую причёску, склеивали волосы яичным белком.

Великая война

Ссылаясь на то, что литовцы — ложные христиане, Тевтонский орден в начале XV века вновь резко усилил наступление на Литву и на вполне католическую Польшу. Ягайло и Витовт сплотились перед общей угрозой. Обе стороны давно готовились к решающей схватке и собрали большие силы.

В 1409 <г.> началась «великая война». Вся Польша получила королевские вицы. Владислав-Ягелло и Витовт соединили свои рати; при этом в литовскую рать

входили и русские войска из вассальных княжеств Западной Руси, и даже литовские татары. На помощь Владиславу пришёл чешский отряд, которым командовал Ян Жижка из Трочнова (около 1360 — 1424), знаменитый рыцарь и заклятый враг немцев; в 1420 <г.> он станет первым гетманом таборитов.

Тевтонские рыцари и союзные им меченосцы насмехались над пёстрыми полуазиатскими полчищами Ягелло и Витольда. Армия крестоносцев была усилена рыцарями-добровольцами со всей Европы, даже из Испании.

Для прокормления полько-литовской армии была устроена большая охота на зубров и туров в Беловежской пуще; туши убитых животных везли возами к войску.

На «великую войну» Витольд привёл 40 хоругвей, а Ягелло 50 хоругвей поляков и мазуров. Саладин, голдовник Витольда, привёл полудиких татар в овчинных тулупах; они ели полусырое мясо.

В битвах рыцарь Мартын из Вроцимович нёс стяг Краковской земли, к<ото>рый был и стягом всего королевства: белый орёл в короне на красном поле. За стягом всегда шли две придворных роты: одна под знаменем двойного литовского креста, другая под «Погонью». Так назывался герб Литвы — всадник на коне и с мечом в руке. Под знаменем св. Георгия шла чешская пехота. Кроме чехов, в союзном войске были бессарабы, валахи, сербы и русины.

В польском войске было немало доблестных рыцарей, в том числе знаменитый Завиша Чёрный (см. о нём выше), Зындрам из Машковиц (гербом его было солнце) и краковский каштелян Ясько Топор из Тенчина, суровый рыцарь с величественной фигурой.

Одной из причин «великой войны» была Добержинская земля — польская область, захваченная Тевтонским орденом на основании незаконного договора с Владиславом Опольским.

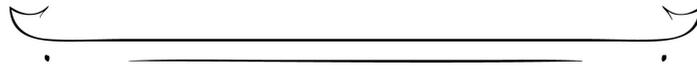
Якуб из Конецполя во главе Серадзской хоругви в 1409 <г.> участвовал во взятии мощного замка Домбровно (по-немецки Гильсенбург); это была мощная крепость с толстыми стенами и многочисл<енным> гарнизоном, стоявшая посреди озера; Ягелло сжёг её.

Грюнвальдская битва

Колоссальная битва разыгралась 15 июля 1410 <г.> на равнине Восточной Пруссии, близ селений Грюнвальд («Зелёный лист») и Танненберг («Еловая гора»). Битва была кровопролитной и очень упорной; она продолжалась весь день.

Был момент, когда победа Тевтонского ордена казалась обеспеченной: немцы сбили литовцев с их позиций, Витовт отчаянной бранью, криком и угрозами старался удержать своих воинов от бегства. В сече поколебались и поляки: упало на землю королевское знамя.

В этот момент положение спас смоленский полк, к<ото>рый ценой огромных потерь устоял в центре позиции и дал своим союзникам возможность оправиться от

замешательства. Смоляне были страшно изрублены, но держались из последних сил, истекали кровью и сохраняли свою позицию, отражая атаки тевтонов.

Немецкие атаки захлебнулись. В битве произошёл перелом. Поляки перешли в наступление; вернулись и литовцы. Часть орденских войск попала в окружение. Начался разгром немцев. Великий магистр Тевтонского ордена погиб в этом бою, как и множество других знатнейших рыцарей и военачальников.

Если верить польским хроникам, при Грюнвальде было убито 40 000 немцев и взято в плен 15 000. Даже если эти цифры и преувеличены, то всё же несомненно, что битва при Грюнвальде была величайшей, блестящей победой над немцами.

Силы Тевтонского ордена в этой битве были подорваны, а его агрессия остановлена навсегда. Это имело огромное историческое значение для всего региона, в том числе для Польши, Литвы и Новгорода.

Великая Грюнвальдская победа над двухвековым врагом доказала целесообразность унии Литвы с Польшей и упрочила эту унию. Напротив, Тевтонский орден после Грюнвальда захирел и впоследствии попал в зависимость от Польши.

В честь победы при Грюнвальде польский народ сложил песню, где есть такие слова: «Hej, Polanie, z Bogiem na nie!» Значит, ещё в начале XV века они называли себя «полянами», как и 500 лет назад.

Торуньский мир

В 1411 <г.> «великая война» кончилась Торуньским миром. Он был подписан в городе Торн (Торунь) — портовом городе на Висле. По Торуньском миру Тевтонский орден отказался от притязаний на Жемайтию (Жмудь) и на Добжиньскую землю, выплачивал Польше и Литве контрибуцию.

Познанские ярмарки

В 1394 <г.> Владислав-Ягелло пожаловал Познани торговые привилегии, типичные для Средних веков: обязал проезжающих через город купцов выставлять на продажу свои товары. Познань лежала на скрещении вертикальных и горизонтальных торговых дорог; это сделало её крупным центром международной торговли.

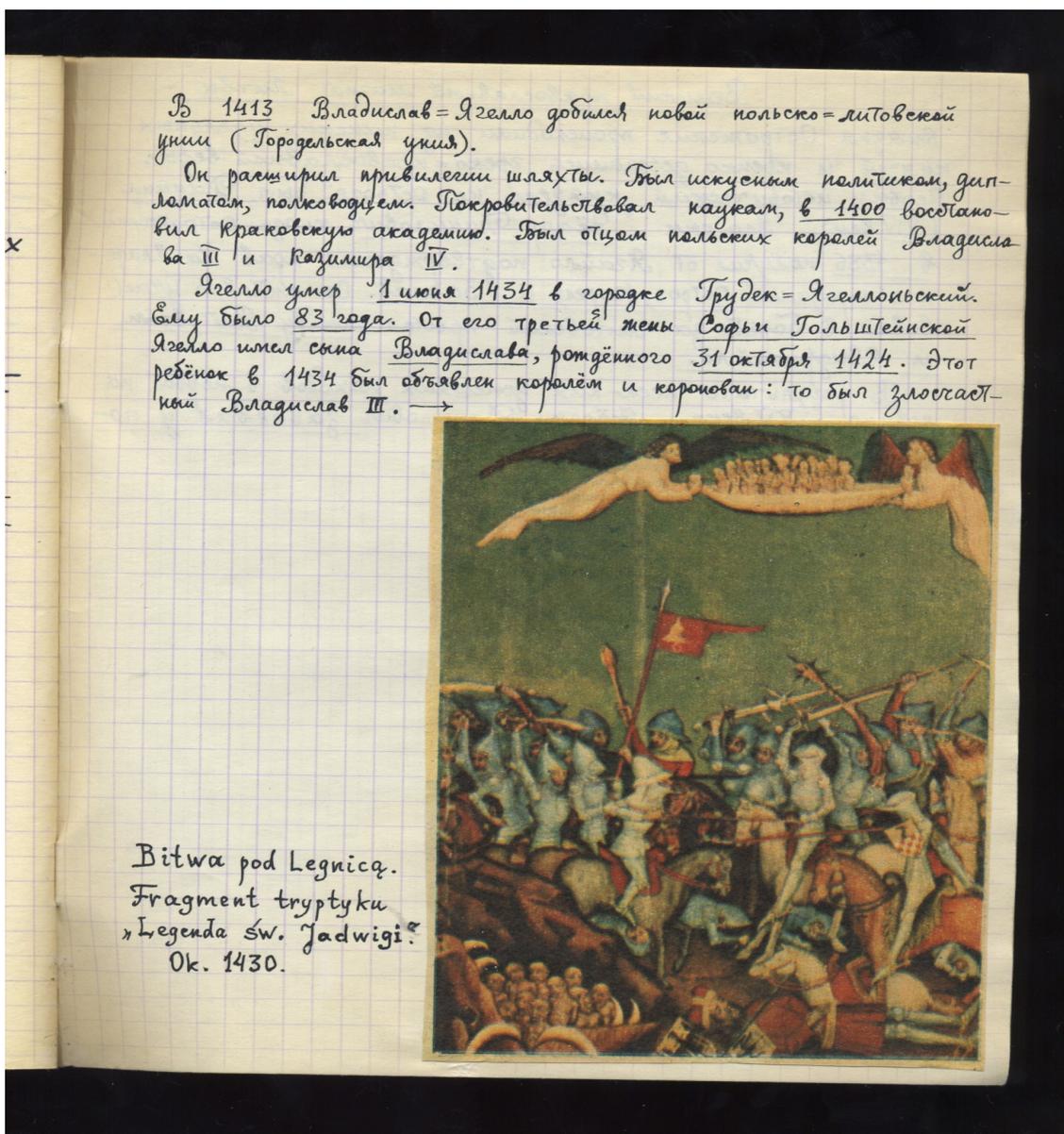
В XV веке здесь начали проводиться знаменитые Свентоянские ярмарки (приуроченные к дню святого Яна). Благодаря большим торговым прибылям, в XV — XVI веках происходит расцвет Познани.

Станислав Цёлек (Ciolek, ок<оло> 1382 — 10 ноября 1437) — поэт, писавший на латинском и польском языках, епископ, заместитель Великого канцлера в Познани; долгие годы сотрудничал с королевской канцелярией Владислава Ягелло. Умер в Познани.

В 1413 <г.> Владислав Ягелло добился новой польско-литовской унии (Городельская уния).

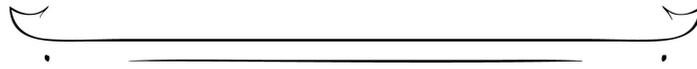
Он расширил привилегии шляхты. Был искусным политиком, дипломатом, полководцем. Покровительствовал наукам, в 1400 <г.> восстановил Краковскую академию. Был отцом польских королей Владислава III и Казимира IV.

Ягелло умер 1 июня 1434 <г.> в городке Грудек-Ягеллонский. Ему было 83 года. От его третьей жены Софьи Гольштейнской Ягелло имел сына Владислава, рождённого 31 октября 1424 <г.>. Этот ребёнок в 1434 <г.> был объявлен королём и коронован: то был злосчастный Владислав III.

Великий православный магнат Литвы

Князья Острожские происходили из пинских удельных князей и крепко держались греко-православной веры. Первым историческим «князем на Остроге» был Даниил (XIV век). Его сын Фёдор Данилович, князь Острожский, в 1386 <г.>

получил от Ягайло подтверждение прав на владение городами Острог, Корец и Заслав. Он активно участвовал в борьбе за литовский престол между Витовтом и Свидригайло.

В результате неск<оль>ких успешных походов в первой половине XV века Фёдор Данилович завоевал у поляков Подолию и Волынь.

Р. Г. Назиров

Исторические корни эвгемеризма

Предисловие к публикации

Небольшая статья «Исторические корни эвгемеризма» тематически и методологически входит в состав материалов, сопутствующих и дополняющих последнюю монографию Р. Г. Назирова «Становление мифов и их историческая жизнь». Собственно говоря, статья выглядит предварительной разработкой материала, помещенного в главе «Эвгемер, Библия, Филон Александрийский», где Эвгемер и его «Священная запись» занимают важное место в описании ключевого для концепции Назирова процесса мифологизации исторических личностей. Содержательно статья представляет собой более развёрнутое и подробное аргументированное изложение формулировки из «Становления мифов»: «Эвгемер в своей поэме описал не прошлое, а будущее культуры — дивинизацию монархов и харизматических вождей»¹.

Уже это само по себе обуславливает актуальность статьи для понимания назировского наследия: «Становление мифов» предстает как сжатый, в некотором роде — «тезисный», конспект чрезвычайно широкого осмысления мировой культуры (см. помещённую в настоящем номере публикацию «Философия истории и историческое мышление» и предисловие к нему). Кроме того, Эвгемер в отечественной гуманитарной мысли явно обойден исследовательским вниманием, что, между прочим, не отвечает реальному масштабу его влияния на европейскую культуру.

Назирова в публикуемой статье утверждает, что на русском языке вообще нет работ, специально посвященных этому эллинистическому философу. Он не совсем прав: в первых десятилетиях XX века было, как минимум, два соответствующих труда², но затем, по всей видимости, Эвгемер действительно не удостоивался прицельного внимания отечественной науки³ (и это, между прочим, странно, поскольку он же считался одним из первых атеистов в истории культуры и в любой философской энциклопедии трактовался как рационалистический критик мифологии).

На этом фоне статья Назирова об Эвгемере, по сути, предлагающая целостную историко-культурную интерпретацию его учения и его последующей традиции, выглядит и необходимой, и актуальной.

В настоящую публикацию входят также несколько рабочих записей, помещаемых нами в приложения. В первом и втором приложении содержатся тезисные планы большой

1 Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. С. 93.

2 Степанов С. Эвгемер и эвгемеризм // С. Ф. Платонову — ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 103—126; Пригоровский Г. К истории возникновения утопии Эвгемера // Труды РАНИОН. М., 1926. Вып. 1. С. 165—187.

3 Нам известны только статьи, написанные явно позже, чем назировская, и при этом принадлежащие одному автору: Круглов Е. А. К истокам «рационализма» эллинистического учения Эвгемера (культ Аполлона Тельмесского) // Политическая история и историография от античности до современности. 2000. Вып. 3. С. 21—33; Его же. Культ Аполлона Тельмесского (каро-ликийские истоки эллинистического учения Эвгемера) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сб. ст. / Э.Д. Фролов (отв. ред). Вып. 5. СПб., 2006. С. 363—374.

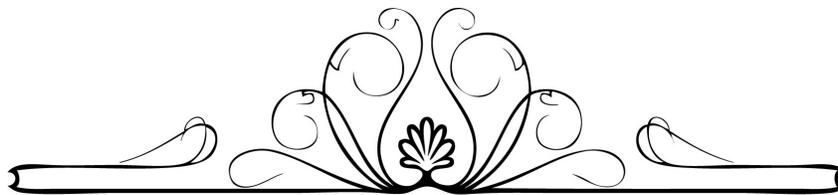

работы, посвященной Эвгемеру и традиции эвгемеризма в истории. Работа эта, судя по всему, написана не была, однако ее замысел вошел в концепцию в «Становления мифов». В частности, очень близка к последней монографии Назирова критика Гегеля.

С другой стороны, «Становление мифов и их историческая жизнь», как теперь ясно, чрезвычайно «плотно» обобщает назировскую мысль. В силу этого многочисленные *дополнительные* повороты мысли из книги просто исчезли. Например, в «Становлении мифов» ничего не говорится о своеобразном гегелевском «эвгемеризме». Между тем, в контексте публикуемой статьи эта мысль формирует незамеченную ранее никем линию философской и — шире — социокультурной традиции.

Не вполне понятна связь между назировским пониманием эвгемеризма и заметкой о ростовщическом капитале, помещенной нами в третьем приложении к статье. Нельзя исключать того, что она чисто случайно попала на оборот листа с предшествующим фрагментом. Однако работа с назировским архивом приучила нас к мысли, что нет вещей, слишком «далековатых» для осмысления в едином концептуальном поле. Возможно, что самому Назирову тезисный набросок об истории ростовщичества был нужен именно для формирования интеллектуальной модели, включающей себя в том числе и эвгемеризм.

Сергей С. Шаулов
Башкирский государственный университет

I.

Около 300 года до н. э. или несколько ранее в Греции появился философский роман «Священная запись», который приписывался Эвгемеру Мессенскому и содержит одну из первых попыток рационального осмысления мифологии; черты социальной утопии в «Священной записи», отмечаемые нашими историками философии¹, скорее всего играли второстепенную роль. Роман Эвгемера имел в античности огромный успех и был переведён на тридцать языков; этот бестселлер эпохи раннего эллинизма нашёл много восторженных читателей в Риме, где его перевёл Энний.

О самом Эвгемере известно очень мало: он был уроженцем Мессены, философом и путешественником; даты его рождения и смерти неизвестны. Признана большинством специалистов близость Эвгемера к школе киренаиков; предполагают, что он жил при дворе Кассандра, одного из диадохов Александра Великого. В 316 г. до н. э. этот диадох завладел Македонией и Грецией, в 306 г. до н. э. принял царский титул; умер в 297 г. до н. э., в возрасте 60 лет. Сама «Священная запись» дошла до нас в кратком изложении Диодора Сицилийского и упоминается нек<ото>рыми др<уги>ми христианскими авторами; полный текст романа Эвгемера не сохранился.

Скудостью фактического материала объясняется ~~нехватка научных~~ малочисленность специальных исследований об Эвгемере²; в нашей стране их не было вообще. Но если суждения об Эвгемере и его книге весьма затруднительны, то мимо самого явления, называемого эвгемеризмом, не может пройти ни одна серьёзная история философии и тем более ни один историк античного материализма и атеизма.

«Священная запись» содержала описание фиктивного путешествия автора из Аравии на побережье Индийского океана и описание социальных порядков трёх вымышленных островов на этом океане. В книге Эвгемера боги трактуются как порождение человека: жители острова Панхей создали

¹ Петров М. Эвгемер. — В кн.: Философская энциклопедия, М., 1970, т. 5, с. 529.

² Библиография дана М. Петровым (там же).

идеальное общественное устройство, а их видные политические деятели либо посмертно возводились в ранг богов, либо же сами создавали культ собственной личности и объявляли себя богами.

Панхейские правители Уран, Кронос, Зевс и др<уг>ие посмертно стали почитаться как боги. Эвгемер поведал поражённым современникам, что своими глазами видел на Панхее золотой столб, на к<ото>ром сам Зевс начертал свою родословную. Таким образом, Эвгемер изложил несколько наивную рационалистическую теорию о том, что боги (все) — это выдающиеся исторические лица, люди, обожествлённые за их заслуги.

Успех книги Эвгемера, вероятно, объяснялся её художественными достоинствами и ловким использованием одного из популярнейших жанров эпохи. Античная география, начиная с Анаксимандра и Гекатея Милетского, бурно развивалась; составлялись уже карты мира, Геродот подробно описал и Скифию, и кушитов; греки перевели отчёт карфагенянина Ганнона о его атлантическом плаванье вдоль берегов Африки, они уже знали о диких волосатых людях, открытых Ганноном и в греческом переводе названных «гориллами»; греки знали также, что к северу от Скифии находятся земли, где люди полгода спят (искажённое представление о полярной ночи). *Перизэгесис* (отчёт о путешествии) стал популярнейшим из документальных жанров эпохи.

Обращает на себя внимание известное сходство «Священной записи» с платоновским мифом об Атлантиде: в обоих случаях описывается идеальное общественное устройство на далёком острове. Но у Платона утопия отнесена в далёкое прошлое и трактована как миф (рассказ Солона со слов египетских жрецов); у Эвгемера его остров отделён от читателей пространственной, а не временной дистанцией и трактован как наличная реальность; Эвгемер якобы сам побывал там. Несомненно, книга Эвгемера воспринималась современниками как отчёт о подлинном путешествии, что и придавало её сенсационный характер. Эвгемер облёк вымысел в документальную форму: то была художественная мистификация, «поддельный» перизэгесис.

Но вся его ловкость не объясняет успеха эвгемеризма в истории мысли. Рационалистическое истолкование богов как обожествлённых людей и мифов как отражения реальных историч<еских> деяний возрождалось вновь и вновь на разных этапах истории философии. Христианские авторы использовали мотивы «Свящ<енной> записи» в борьбе против язычества, рассматривая эвгемеризм как разоблачение тайны античных культов: греко-римские боги — это лишь превознесённые правители. Позднее эвгемеризм был обращён против

христианства и против всякой религии вообще; эвгемерические идеи выражали Вико, Д. Юм, рационалисты XVIII века, и мн. др. Г. Спенсер и др.

Эвгемеризм возник в эпоху кризиса полисной системы и совпавшего с ним кризиса олимпийской религии древних греков, а наиболее активно возродился в эпоху заката западноевропейского феодализма и наступившего в XVIII веке кризиса христианской религии, особенно католической. Эвгемеризм — одна из форм атеизма, неверия, довольно характерная для киренаической философии, к <ото>рая повлияла впоследствии на Эпикура.

Успех эвгемеризма нельзя объяснить только правотой материалистического миропонимания. Ведь в иные эпохи материалистов побивали камнями, безбожников изгоняли или приговаривали к смерти (в Афинах процесс Анаксагора — 430 до н. э., процесс Протагора — 411 до н. э., казнь Сократа, «вводившего новых богов», — 399 до н. э.). Почему же ничего подобного не случилось с Эвгемером и почему эвгемеризм получил широкое распространение?

Следует рассмотреть исторические предпосылки и корни эвгемеризма, его роль в контексте собственного культурного момента и его ближайшую судьбу в непосредственно последующую эпоху. Исторический подход позволит глубже осмыслить это крупное философское явление.

II.

Гипотеза Эвгемера (обожествление выдающихся личностей) не родилась в изобретательном мозгу этого философа-романиста, а явилась обобщением исторического опыта.

Имя Пифагора уже при жизни этого гениального математика, опьянённого собственными открытиями, было окружено легендами. Пифагор якобы называл себя сыном одного из богов, утверждал, что душа его уже прожила в предшествующих воплощениях 207 лет, а в одном из прежних воплощений он был даже павлином. О нём рассказывали, что у него золотое бедро, что во время своих странствий он посетил Аид и что он может одновременно пребывать в двух разных местах.

В то же время все знали, что он жил на земле, вкушал пищу людей, занимался политикой; он основал в Кротоне сильный Пифагорейский союз и выступил как главный инициатор (может быть, и организатор) разгрома

Сибариса. Иными словами, Пифагора считали не полубогом, а ч<елове>ком; в то же время легенда придавала ему черты существа сверхестественного, в каком-то смысле божественного. Пифагореизм — не столько философская школа, ~~но и своего рода~~ сколько «философская религия» со слепым преклонением перед тщательно сберегаемыми принципами, речениями и заветами Великого Учителя.

В спорах этих фанатиков математического мистицизма высшим аргументом и закрытием диспута служило знаменитое: «Сам /Учитель/ сказал!» Знали, что Пифагор — ч<елове>к, но относились к нему как к богу, только что не возводили ему алтарей.

Античные материалисты весьма иронически относились к подобной догматической аргументации и трактовали пифагореизм как нелепейший культ превознесённого ч<елове>ка: весьма талантливого учёного, но в то же время выдающегося шарлатана. Школе киренаиков с её гедонической этикой был глубоко чужд аскетизм Пифагора, как и его вегетарианство.

Если история Пифагора Самосского могла служить примером обожествления учёного, то легенда Эмпедокла Агригентского содержала иной материал: она представляла знаменитого сицилийца гением саморекламы, мифоманом, чарователем толпы. Ярko и пышно одетый, он вещал замирающим массам, что способен исцелять все болезни, укрощать ярость урагана, ниспосылать урожай плодов и вызывать из Аида души умерших. Эмпедокл бросился в кратер Этны в 423 до н. э.: по мнению современников, чтобы доказать свою божественность. Может быть, в жерло вулкана его повлекла просто научная любознательность, и Эмпедокл — вовсе не самоубийца, как сегодня принято считать, а первая жертва вулканологии?

Посмертное превознесение Пифагора и творение мифа о самом себе в случае Эмпедокла соответствует двум моделям генезиса религиозных мифов в «Священной записи» Эвгемера.

Но последний гораздо ближе стоял к другому историческому примеру — к личности и легенде Александра Великого. В этом важнейшем примере сливаются обе вышеуказанных модели.

Принципом политич<еской> стратегии величайшего завоевателя древности было применение к местным условиям. При покорении мятежной Греции он стремился сломить традиционное презрение к македонцам своею эллинистической просвещённостью. При уничтожении Фив он приказал пощадить только храмы и дом великого Пиндара; проявил великодушие и

явную симпатию к научному миру Афин; нанёс исторический визит Диогену Кинику, чрезвычайно популярному среди греческого престолярства.

Как только Александр переправился в Азию, в поведении его наступили перемены. Он попытался развязать Гордиев узел, что ему, как известно, не удалось. В ходе фантастической эпопеи восточных походов Ал<ексан>др из мира антропоморфных богов и утончённых философов перешёл в мир, к<ото>рый ещё мыслил вполне мифологически, иррационально. На Востоке недостаточно было выигрывать битвы; чтобы удержать завоёванное, необходимо было сам факт завоевания объяснить сверхъестественной причиной, ослепить простодушные народы Востока новым мифом, ибо здесь только миф помогает одержать окончательную победу.

Люди Востока не покорятся чужеземному завоевателю, но они покорятся воле богов. Александр изобрёл «божественное право». Он взялся перестраивать свою биографию в мифологическом духе.

Все знали, что его отец — одноглазый Филипп II, а мать — эпирская принцесса Олимпиада, гордая и мстительная красавица с весьма злобной репутацией. И вот в походном стане Александра зародилась идея о пересмотре этих общеизвестных фактов — пересмотре, рассчитанном специально на восточное восприятие, как часть политической стратегии великого завоевателя. ~~Возникла версия, что Олимпиада~~

Историки считают, что идея обожествления Ал<ексан>дра была как бы навязана ему обстоятельствами. В Египте жрецы провозгласили его сыном Зевса-Аммона, и с тех пор Ал<ексан>др стал охотно говорить о своём божественном происхождении: он знал, что обожествление царей — распространённый восточный обычай. Он сам стал употреблять титул «сын Аммона». Он послал в Грецию, наместнику Антипатру, приказ: считать его, Александра, богом.

Греки посмеялись над этим приказом. Миф о том, что Александр родился не от Филиппа, а от бога Зевса, был сочинён на глазах у всех; сама вдовствующая царица Олимпиада негодовала у себя в Македонии и громко сетовала на то, что сын порочит её незапятнанную супружескую честь.

Таким образом, Александр выступил как сознательный творец мифа о себе самом; эта линия поведения была продиктована условиями Азии. в к<ото>рой он начал строить мировую державу.

Культурная и уже довольно скептическая Эллада понимала, что это политика; антимакедонская оппозиция, ещё очень сильная, смеялась над восточным мифотворчеством Александра. Но в его свите начали привыкать к

восточному стилю мышления, и злополучный историограф Каллисфен в своих «Деяниях Александра» уже описывал царя как существо божественное. Уже при жизни Александра стала складываться его легенда, в известной мере двулика: её восточный лик изображал слепое благоговение перед земным богом, а западный лишь размышлял об исключительности, «героичности» этого невиданного человека. «Герой» и означало «полубог».

Смерть Александра привела к фиксации легенды. Тело его набальзамировали и в золотом гробу отвезли из Вавилона в Александрию, где его усыпальница стала объектом своеобразного культа. Начали создаваться полуфантастические повести об усопшем, связанные с «Деяниями Александра» Каллисфена. Для египтян и азиатов Александр представлялся сверхъестественным существом. Персы объявили его законным отпрыском их царской династии (ибо только перс может победить персов!) Александр стремительно превращался в полумифическую, сказочную фигуру.

Не только мифологизация Александра, но даже героико-сказочные повести о нём никак не удовлетворяли интеллектуальную элиту Греции. Между мифом и интеллектом возникло зияние. Между тем, все царства и режимы, возникшие после распада его сверхдержавы, опирались на александровский миф. Поэтому вышеуказанное зияние требовалось заполнить. В частности, это было нужно и властителям Греко-Македонского царства, к<ото>рым в 316 до н. э., через семь лет после смерти Александра, завладел Кассандр, сын умершего Антипатра. В 306 до н. э. Кассандр принял царский титул.

Историки считают, что именно при его дворе жил и работал Эвгемер Мессенский, писатель, близкий к киренаикам, т. е. к гедонической школе, основанный Аристиппом Киренским. Сенсуалисты в теории познания, киренаики склонялись к материализму; в дальнейшем их философия повлияет на Эпикура. считали высшей целью жизни удовольствие и посмеивались над Диогеном; представляли аристократический гедонизм и охотно жили при дворах эллинистических монархов.

Создавая свою гипотезу о том, что все боги суть обожествлённые государственные деятели, а мифы — наивные пересказы подлинных событий, Эвгемер выполнял «социальный заказ» Кассандра и других диадохов: он оправдывал александровский миф, явно неприемлемый для греков, тем, что все мифы, в том числе самые почтенные и привычные мифы греческой религии, имеют происхождение, аналогичное александровскому.

Открытая Александром эпоха эллинизма породила великий культурный синтез Запада и Востока. В этот синтез входило и слияние религиозных

культов, когда восточным богам подыскивались греческие соответствия, а иные синкретические боги специально «сочинялись» (напр<имер>, Серапис). Греки хорошо понимали, что слияние культов производится целенаправленно в интересах новой системы власти. Интеллектуальным затруднением для греков было то, что синкретические культы изобретались правительствами, религиозные синтезы декретировались, мифы сочинялись у всех на глазах путём слияния греческих и восточных мотивов. Происходило расшатывание местных культов, готовившее почву для зарождения универсальных религий.

«Священная запись» Эвгемера давала античным интеллектуалам моральную санкцию на такое расшатывание: святость религиозной традиции оказывалась, по Эвгемеру, весьма относительной; тайной теогонии стала история. Это был решительный шаг.

На глазах Эвгемера Мессенского Александр строил свой миф, а после смерти был вознесён в ранг полубога. В свете этих фактов Эвгемер осмыслил и прошлое религии. Он первым заявил, что религия имеет свою земную (человеческую) историю.

Обожествление великих исторических личностей, подобных Александру, Эвгемер трактовал как извечный и объективный закон мифотворчества, закон религиозного процесса. Тем самым он дал именно правлящим классам эллинистических держав идеологическую основу для их «боготворческой» государственной политики. Необходимо подчеркнуть, что позиция Эвгемера была иронически снисходительной: это атеизм «только для избранных», аристократический атеизм. Почему не обожествить Ал<ексан>дра, если так делалось всегда? Эвгемер понизил серьёзность религии, чтобы сделать новые религиозно-государственные эксперименты философски удобными для Греции.

Этот утончённый интеллектуалист стал западным идейным адвокатом восточной абсолютной монархии. Подрывая абсолютность богов и авторитет мифов, Эвгемер санкционировал государственное управление религией. Подобное управление есть чисто имперская позиция; отсюда такой успех книги Эвгемера у правящих классов эллинистических стран и Рима.

Эвгемеризм не имел ничего общего с насущными интересами и потребностями широких народных масс. Они-то нуждались в идеологическом обосновании сопротивления, в религиях, отрицающих жестокую, сильную государственность: чаяниям народов Ближнего Востока ответят манихеизм и раннее христианство.

Философская гипотеза Эвгемера станет исторической практикой Римской империи с её официальным обожествлением императоров, их жён и

даже фаворитов (напр<имер>, Антиноя). Иными словами, Эвгемер в «Священной записи» описал не прошлое народной религии, а будущее религии государственной.

Если объяснительная внешняя сторона эвгемеризма способствует прогрессу материализма и атеизма, то скрыто заключённый в эвгемеризме религиозно-политический принцип помогает строительству империй.

Приложение 1.

Исторические корни эвгемеризма*

I. Определение эвгемеризма; его высокая оценка в популярной философской литературе как разновидности античного атеизма.

II. Марксистский принцип рассмотрения всех явлений в контексте их среды и эпохи.

III. Аристократический и элитарный характер античного атеизма.

IV. Историч<еский> контекст Эвгемера.

V. Идеологические задачи державостроительства Александра (развитие и дополнение «освободительных» лозунгов Кира Великого). Божественный характер царской власти на Востоке и адаптация Ал<ексан>дра к новым условиям. «Сын Амона».

VI. ~~Эвгемер как эл~~ Ирония и дискомфорт в отношении эллинов к обожествлению Александра.

VII. Эвгемеризм как западное обоснование восточной практики Ал<ексан>дра и диадохов.

VIII. Выход за пределы этих целей и проблема «сверхзадачи» Эвгемера.

IX. Является ли Эвгемер одним из «святых» атеистич<еских> календаря?

Реакционное использование эвгемеризма, христианский эвгемеризм в истолковании ~~древнегреч~~ античных культов.

X. Утрата эвгемеризмом объяснит<ель>ной силы в условиях нашего времени и вульгарный характер эвгемерических тенденций в соврем<енном> атеизме. Универсальные причины возникновения мировых религий.

[оборот листа]

* В правом верхнем углу помета: «В конце Гегеля».

Философия Гегеля маскирует своё сущностное тождество с религией.
Тайна Гегеля — обожествление великих тиранов.

По Марксу, насилие есть повивальная бабка истории.

Революции — локомотивы истории (ускорение). Насильственная борьба против насилия есть может быть и революцией, и контрреволюцией.

Отказ от насилия (всякого) — это Будда, Христос, Торо, Толстой, Ганди. Видимо, Будда, Христос и Ганди исторически очень результативны. Но особенно Христос и Ганди, сокрушители империй.

Итак, эвгемеризм оправдывает сооружение империй, оправдывает насилие.

Противники насилия уничтожают империи.

Эвгемеризм есть признание мифич<еских> существ (богов) реальными людьми прошлого, *разоблачение религии как мистифицированной истории*.

! Гегелизм есть признание реальных людей аватарами единого божественного историч<еского> процесса, т. е. *объяснение истории как религии*. Да, он повлиял на Достоевского, хотел тот этого или не хотел.

И Эвгемер, и Гегель — идеологи империй. А Конфуций? Тоже!

Революционный гегельянец Гейне назвал Наполеона «мирским спасителем ч<еловече>ства».

Т. е. противоположность позиций либерализма и революционности. Все революц<ионе>ры преклоняются перед необх<одимо>стью.

Либерализм отвергает культ истории.

Эвгемер показал, что культ богов есть мистифицированный культ истории.

Гегель скрывает, что его религия (философская система) есть мистифицированный культ истории.

Тертуллиан, враг рационализма, — враг кесарей.

Рационализм Фомы оправдывает Афины, Аристотеля, кесарей...

Приложение 2.

Исторические корни эвгемеризма

I. Эвгемеризм Конфуция и его причины.

II. Ал<ексан>др Великий как творец мифа о самом себе*.

III. Эвгемер как идеолог абсолютной монархии. Обожествление Ал<ексан>дра подаёт как извечный закон мифотворчества, как стихийный признак религии.

IV. На деле Эвг<емер> описывает не прошлое, а будущее религии. Подлинно имперские, универсальные религии эвгемеричны. Речь не идёт о Христе, к<ото>рого сделало Богом фольклорное творч<ест>во масс, всё равно — был он или не был. Речь идёт о «равноапостольном» Константине, жестоком убийце. Объявлен святым за заслуги перед Ц<ерко>вью. Канонизация выдающихся госуд<арственных> деятелей — это «эвгемеризация».*

V. Эвгемеризм и Мохаммед, «князь пророков». Тоже творец мифа о себе, тоже освящён уверовавшими. Таков же путь Али.

VI. Рационализм вообще преклоняется перед насилием в истории и находит ему разумные оправдания. Наполеон и Гегель. М<ада>м де Сталь, просветительница, назвала Наполеона «Робеспьером на коне», отождествляя его диктатуру, с революционной и совпадая в этом с точкой зрения Питта. Гегель: «Мировой Дух на коне» — отождествил Наполеона с Богом (т. к. Бог Гегеля — это исторический процесс, а Нап<олеон> — его ярчайшее проявление). Эвгемеризм вверх ногами.

*В правом верхнем углу помета: «Эвгемеризм — это признание мифических существ (богов) реальными людьми».

*На поле слева запись: «Как только Империя признала христ<ианскую> веру, та обнаружила свой практический эвгемеризм».

Приложение 3.

Непредусмотрительность ростовщического капитала

I. Сенека, заём бриттам и расходы на подавление восстания.

II. Фуггеры, кредиторы пап и Карла V. Огромные прибыли в Америке. Ставка на Испанию и контрреформацию. Банки вынуждены делать политику, коль скоро они не туда вложили. Armada, госуд<арственное> банкротство Испании. Разорение Фуггеров.

III. Крупнейш<ие> операции Ротшильдов (заём Дизраэли на покупку акций у Хедива и миллион Сесилу Родсу).

IV. Предусмотрит<ель>ное изъятие денег из Баку после 1905. Авантюризм Детеринга после 1917.*

V. Сегодняшние кредиторы Латинской Америки. Ростовщики с их кабальн<ыми> процентами вызовут цепную реакцию банкротств и революций.

Суть дела в том, что, истощая своих должников кабальными процентами, заставляя их голодать ради своей сиюминутной выгоды, заимодавцы сами сеют семена бунта и подготавливают революции, тем более успешные и радикальные, чем более привязаны к банкам кредиторам правящие в этих странах режимы.

Латинская Америка ставит на повестку дня вопрос о гигантских долгах и способах их погашения. Кредиторам следовало бы отрешиться от утешительной мысли, будто время социальных революций прошло. Точно так же думали Стюарты, возвращаясь в Англию в 1660, и Бурбоны в 1815.

Банковский капитал дряхлеет: он начинает повторять ошибки Бурбонов.

Сегодня банки правят миром. Завтра им придётся собирать чемоданчики. Только куда они отплывут?

* На левом поле запись: «Царские займы — причина интервенции 14 держав. А внутр<енняя> слабость режима — причина победы революции».

Р. Г. Назиров

«Несколько слов
о знаменитом Набокове».
Из дневников Р. Г. Назирова

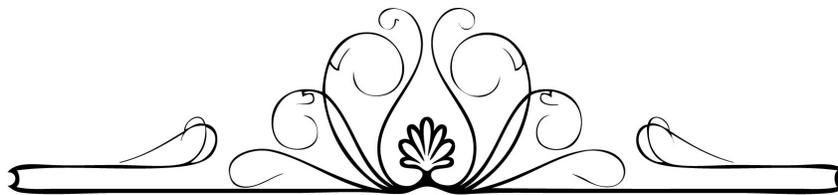

Предисловие к публикации

Избранные места из дневников Ромэна Гафановича Назирова, посвященные жизни и творчеству Владимира Набокова, могут быть интересны с разных сторон. Прежде всего это, разумеется, убедительное свидетельство мозаичного разнообразия интересов молодого ученого; его безудержного стремления жадно впитывать культурную информацию (в публикуемом случае эта жадность подпитывается любопытством к запретному (литературе с «других берегов» в целом и к сенсационной книге, которую слишком многие сочли непристойной). С другой стороны, посвященные Набокову фрагменты назировских дневников любопытны как явление набоковианы: они и эскиз набоковедческих штудий, где пересказ (или — переоткрытие) общих мест раннеэмигрантского набоковедения соседствует с оригинальными умозаключениями), — и отражение вполне типического для советского (и постсоветского) интеллигента восприятия набоковского феномена. Главным образом это восприятие вычитывается из тональности назировских записей о Набокове: здесь слышатся назидательность, ноты презрения и плохо скрываемый восторг.

Первый блок записей относится к 1959 году, когда Назиров не читал еще главного набоковского текста — романа «Лолита» и, по всей видимости, компилирует вторичную информацию из литературно-критических источников. Второй — к 1964 году; важнейшее здесь, разумеется, — оценка уже прочитанной «Лолиты».

Л. А. Каракуц-Бородина
Башкирский государственный университет

<1959>

1 ноября. Воскресенье.

В 10-й книге журнала «Октябрь» за 59 год В. Перцов¹ опубликовал «Ощущение Америки». Там он описывает большой книжный магазин на Бродвее. Магазин, по его словам, специализировался на порнографии: «Страсти тигрицы», «Примитивные страсти», «Половая жизнь в браке» и в центре — «проблемный» роман Владимира Набокова «Лолита», в котором издавшего виды мужчину растлевают двенадцатилетняя девочка. Перцов говорит, что это один из наиболее стойких бестселлеров. «По данным книжного обозрения «Нью-Йорк таймс», во время нашего пребывания, во второй половине августа, пошла 52-я неделя спроса на эту книгу»².

Перцов называет эту книгу «порнографической». Да, конечно, бестселлерами бывали книги и пониже сортом: и рокамболевская серия³, и пинкертоны⁴, и Микки Спиллейн⁵. А что такое «Лолита»? Какова её история? Кто её автор⁶?

¹Виктор Осипович Перцов (1898—1980) — советский литературовед и литературный критик; крупнейший исследователь творчества В.В. Маяковского, автор ряда работ о С.Есенине, благодаря которым его произведения стали доступны широкому читателю.

² Издана в Америке 18 августа 1958 г.

³Рокамболь — персонаж цикла авантюрно-уголовных романов XIX века о похождениях Рокамболя французского писателя П. дю Террая (Террайля). Персонаж Рокамболя — первый литературный супергерой, предвосхитивший Тарзана, Фантомаса, Джеймса Бонда и др.

⁴Очевидно, имеется в виду определенный разряд литературы, получивший у криков презрительное обобщенное название «пинкертоновщина» — по имени главного героя самого известного цикла — «короля сыщиков» Ната Пинкертона, прототипом которого послужил американский сыщик Алан Пинкертон. Помимо Пинкертона, героями таких книг были Ник Картер, Шерлок Холмс и др.

⁵Микки Спиллейн (1918—2006) — американский писатель, автор более 20 романов (изданных общим тиражом более 140 млн экз.) в жанре «крутой детектив». Его герой — частный детектив Майк Хаммер, один из самых популярных персонажей массовой культуры.

⁶ Представить интеллектуальный фон публикуемых записей помогает такое свидетельство: «Благодаря ей <Лолите>Набоков сделался очень популярным в среде диссидентствующей столичной интеллигенции. Каноническая набокowska фотография (а бытование любого классика литературы немислимо без утверждения канонического изображения, закрепляющего его образ) — ироничный наклон головы, лукавый прищур, откровенно декоративное пенсне — очень скоро вытеснила из интеллигентского иконостаса бородатого «старика Хэма», а романы Набокова вошли в «джентльменский список» просвещенной советской элиты» (Мельников Н. [Прембула к подборке

Lolita

Лолита — женское имя. Имя девочки Лолита или Ло — уменьшительное имя от Dolores. Лолита — это «нимфочка», the nymphet. В английском языке существовало прежде только слово the nymph, обозначавшее мифологическую нимфу, а также куколку, нимфу — личинку насекомого. Набоков обогатил английский язык новым существительным, изобретя the nymphet (нимфет) — определение преждевременно созревшей девочки, ныне повсеместно принявшееся в Соединенных Штатах.

Прежде всего об авторе. Владимир Набоков родился в царской России, в семье аристократа и вельможи⁷. Его отец был одним из деятелей партии конституционалистов-демократов (кадет)⁸, англоман, западник Константин⁹ Дмитриевич Набоков. Он описан в романе «Эмигранты» Алексея Толстого¹⁰. Сейчас уже мы забыли ту нашумевшую историю: после революции Набоков был убит за границей представителями враждебной эмигрантской группы¹¹. Кажется, он дал объявление в газете о продаже своего придворного мундира¹², словом демонстративно выступал против великодержавной гордости

рецензий на «Лолиту»] Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 266).

⁷ Отец В. В. Набокова Владимир Дмитриевич Набоков был родовит, но беден (богатство пришло в семью от его супруги, Елены Ивановны Рукавишниковой), так что слово «вельможа» — знатный, родовитый и богатый сановник; важный и знатный человек — вряд ли может здесь считаться уместным.

⁸ В. Д. Набоков являлся одним из учредителей Конституционно-демократической партии. Долгое время занимал пост товарища председателя (заместителя) кадетского ЦК и редактора партийного органа «Вестник партии Народной Свободы».

⁹ Здесь Назиров смешивает биографии двух сыновей Д. Н. Набокова. К. Д. Набоков (1874—1927) — младший брат отца В. В. Набокова, юрист, дипломат; в 1905 году — член русской делегации на мирных переговорах в Портсмуте, с 1906 года — первый секретарь миссии России в Бельгии. С 1910 года — первый секретарь посольства в Вашингтоне. В 1912—1915 годах — генеральный консул России в Калькутте. В 1916 году направлен в Великобританию советником посольства, которым с мая 1917 года временно управлял, оставаясь в должности советника с присвоением ему лично звания чрезвычайного посланника.

Ошибка Назирова порождает коллизию, достойную набоковского новеллистического дара: детей у Константина Набокова не было и быть не могло — как пишет Владимир Набоков в «Других берегах», у отца было три брата: Дмитрий, Сергей (указаны обстоятельства их женитьбы) и Константин, «к женщинам равнодушный» (гл. III, 3).

Полагаем, что для уточнения этой генеалогической информации Р. Г. Назиров мог обращаться к энциклопедическим источникам, но в словаре Брокгауза и Ефрона (1890—1907) содержатся лишь статьи о Д. Н. и В. Д. Набокове, а в советских энциклопедиях, изданных к моменту создания этих записей (Малой и двух изданиях Большой (1926—1947 и 1949—1958) нет упоминаний ни об одном из Набоковых (!).

¹⁰ Из текста дневника как будто можно сделать вывод о том, что В. Д. (К. Д.) Набоков послужил прообразом героя «Эмигрантов» Ардашева, издателя одной из левых эмигрантских газет, убитого шайкой Хаджет Лаше, однако образ Ардашева во всем, кроме гибели от рук террористов, слишком далеко отстоит от фигуры Набокова-старшего. В действительности в романе фигурирует как реальное лицо Константин Дмитриевич Набоков, «изящный и выхолненный» (гл. 6).

¹¹ Погиб во время покушения эмигрантов-монархистов на П.Н. Милюкова.

монархистов. В 20-ые годы убийство Набокова было крупной сенсацией: тогда вообще много убивали, но тут убили своего, русского барина, аристократа. Это случилось где-то в начале 20-х годов.¹³

Владимир Константинович Набоков с семнадцати¹⁴ лет жил во Франции, а также побывал в Англии и Германии. Он издал в эмиграции восемь повестей¹⁵ на русском языке, писал тогда исключительно по-русски. Его фамилия была известна в литературных кругах Европы.

В 1940 году Набоков, вместе с многими французами, бежавшими от войны, одновременно со Стравинским¹⁶, переплыл океан и обосновался в Америке. За годы, прошедшие после этого, Набоков так великолепно овладел английским языком, что теперь его считают одним из выдающихся стилистов этого языка. Сейчас он — профессор европейской литературы в одном из университетов США¹⁷, а кроме того — страстный лепидоптеролог (исследователь мотыльков¹⁸). «Лолита», написанная по-английски, а точнее по-американски¹⁹, принесла ему мировую известность.

¹³В. Д. Набоков отличался сильным характером, умением отстаивать собственное мнение; часто шел против большинства. В 1903 г. он выступил с протестом против кишиневского антисемитского погрома (опубликовал в журнале «Право» статью «Кишиневская кровавая баня»); в 1904 г. во время русско-японской войны он отказался на банкете поднять тост за здоровье царя, а после Кровавого воскресенья опять огласил свой протест и был лишен камер-юнкерского чина. «На этот шаг консервативной бюрократии Владимир Дмитриевич отреагировал с присущим ему сарказмом. Он поместил в газетах объявления о продаже за ненадобностью придворного мундира» (Архипов И. В. Д. Набоков: либерал и патриот // Звезда. 2009. № 7)).

¹⁴28 марта 1922 г.

¹⁵В действительности — с 19 лет и в иной последовательности: в Британии (в Лондоне, затем в Кембридже, будучи студентом Тринити-колледжа), в Берлине (с 1920 г. — наездами из Кембриджа, с 1922 — постоянно), затем в Париже (с 1937).

¹⁶Все же — романов; возможно, это трудности перевода (*novel* в переводе с английского — роман, в русском языке *новелла* — относительный аналог повести).

¹⁷Если быть точным, то на год позже Стравинского (в 1940 г.).

¹⁸На момент создания этих записей, через несколько месяцев после публикации «Лолиты» в Америке, — в Корнеле.

¹⁹Лепидоптерология — раздел энтомологии, изучающий представителей отряда Чешуекрылые насекомые — бабочек, или мотыльков; как энтомологические термины эти слова являются абсолютными синонимами; однако обычно в связи с фигурой Набоковым принято упоминать именно бабочек; именно бабочка обсуждается традиционно как эмблема всего его творчества.

²⁰Нам представляется, что здесь Р. Г. Назиров имеет в виду не американизмы в языке и стиле «Лолиты», не идейный либо содержательный дух американской литературы — так в дневнике молодого ученого (и журналиста!) звучит осуждающая тональность советской прессы. Нечто подобное, только гораздо более мягко, в неожиданно снисходительном тоне пробивается у Б. Носика, автора «Первой русской биографии писателя» (Носик Б. Мир и дар Владимира Набокова. М.: Пенаты, 1995. 552 с.), в главе, которая, между прочим, названа «Жить и работать по-американски»: «Чего больше желать беженцу? Эти люди разных национальностей, приехавшие сюда вчера, позавчера, или, может, чуть раньше, — они все уже были американцы. Что ж, он тоже будет американец. Не житель несуществующего Петербурга, не псевдо-берлинец, не псевдо-парижанин, не дачник-ментонец, не даже европеец. Просто американец. Раз уж так сложилась судьба...» (с. 398).

Повесть «Lolita» издана впервые в 1955 году издательством Olympia Press, на английском языке, но во Франции. Вскоре после этого появились переводы на шведский, немецкий, датский, итальянский, голландский языки. Однако в ближайшее время власти во Франции конфисковали английское издание, вероятно под давлением британских властей, которые жаловались, что книжка в больших количествах переправляется через канал.

Американские издатели три года читали книгу и отвергли ее один за другим. Кажется, с ней ознакомились почти все крупные фирмы. Никто не хотел издавать её: она была слишком цекотливой, слишком дразнящей. Один из крупнейших издателей предложил Набокову, чтобы он заменил Лолиту мальчиком²⁰ и все будет в порядке. Набоков не согласился, он предпочитал ждать.

И он не ошибся. Добрые вести начали поступать сразу, все вместе. Дж. П. Патнэм (J.P. Putnam) решился на американское издание и книга сразу стала бестселлером. Почти одновременно Олимпия Пресс выиграла дело о конфискации. Одна из больших лондонских фирм начала готовить английское издание, вопреки угрозе со стороны лорда-канцлера²¹.

«Лолита», повесть о физической любви двенадцатилетней девочки и пожилого господина Гумберта, стала величайшим литературным успехом последних лет. В Соединенных Штатах уже год она удерживается в списке десяти бестселлеров, а в течение двух месяцев она возглавляла этот список.

В какой-то степени успех книги обусловлен окружившей её атмосферой²² скандала. Тема острая: роман пожилого²³ человека с его падчерицей, двенадцатилетней «нимфочкой», аморальной и несимпатичной²⁴. Вся история

²⁰В тексте дневника после слова «мальчиком» запятая пропущена. Прочитав: “My poor Lolita is having a rough time. The pity is that if I had made her a boy, or a cow, or a bicycle, Philistines might never have flinched” (Моей бедной Лолите приходится нелегко. Самое обидное, что если бы я сделал ее мальчиком, или коровой, или велосипедом, обыватели, скорее всего, и ухом бы не повели (Из письма Набокова Грэму Грину, 1956) (Vladimir Nabokov. Selected letters. 1940—1977. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovic, 1989. P. 197—198).

²¹Запрет действовал в Англии с 1955 по 1959 г.

²²Так в тексте дневника.

²³Гумберту в начале романа — 37 лет; Назирову к моменту создания этих записей — 25.

²⁴Очевидно, здесь автор записей транслирует чужую тенденциозную оценку образа Лолиты; вполне понятно, почему она названа аморальной, но вот необходимость быть симпатичной как будто предполагает уже сама фабула...

Прочитав наиболее известный на сегодняшний день потенциальный источник этих оценок — статью Ю. Чаплыгина «Чары Лолиты», опубликованную за несколько месяцев до того как Назиров напишет эти заметки (Литература и жизнь. 1959. 5 апреля (№ 41)): «Лолита — героиня модной и разрекламированной повести. Маленькая двенадцатилетняя девочка. В повести ее называют нимфой. Прочтя первые страницы, читатель убеждается в том, что ребенок понадобился автору книги для того, чтобы надругаться над ним перед лицом всей Америки. Он растлевает свою героиню, а заодно и молодых читателей — американских юношей и девушек. Сцены растления он

рассказывается от первого лица героем истории. Рассказчик, доктор Гумберт (имя) Гумберт (фамилия) женится на матери этой девочки, чтобы приблизиться к «нимфочке» — Dolores Haze. После смерти матери Лолиты рассказчик реализует свои желания и забирает свою воспитанницу в автомобильное путешествие по Соединенным Штатам.

Лолита — маленькая нимфоманка, удачно попавшая на доктора Гумберта, потому что в области сексуальной он признает только маленьких девочек. Женившись на её матери, герой убивает²⁵ эту женщину, затем похищает Лолиту из школы, и они ездят в автомобиле по всей Америке, задерживаясь в маленьких отелях и мотелях; он всё более зависит от нее, всё более к ней привязывается. Девочка в конце концов убегает от него, Гумберт тщетно ищет её, наконец, находит человека, который помог ей бежать, и убивает его способом жестоким и медленным. Он находит также и Лолиту в счастливом замужестве с каким-то молодым и глупым парнем, ожидающую первого ребенка.

Повесть кончается для Гумберта трагически: он в тюрьме, но, вероятно, суд людской над ним не состоится, так как теперь он смертельно болен²⁶. Однако автор повести не придает этому финалу морализаторского звучания. Напротив, он утверждает, что хотел только рассказать с абсолютной искренностью историю большого, разрушительного увлечения, без какой-либо моральной оценки.

смакует с такими подробностями, какие покорили бы даже профессионального содержателя дома свиданий <...> Журнал «Ньюсуик» <...> напечатал пространное интервью с Набоковым, его портрет, сообщил кстати, с искренней радостью, что растлитель юношества, создатель известной садистской повести, является профессором Корнельского университета и что студенты стоят в очередях за его книгой.

Где выкопали американские издатели такое могучее пополнение для литературы, где отыскали они Набокова? На эмигрантской помойке. Белогвардеец Набоков, до того, как он стал наставником и духовным отцом американского студенчества, промышлял антисоветской стряпней, выступая в пресловутом "Голосе Америки"» (С. 3) (Цит. по: (Мельников Н. [Препамбула к подборке рецензий на «Лолиту»] Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 266). В том же году вышла и другая статья, содержащая упоминание о «Лолите», сообщавшая о безупречном стиле, оформляющем содержание, несовместимое с представлениями о «сегодняшнем дне американской литературы»; именно здесь Гумберт назван «пожилым» мужчиной (Орлова Р. Давайте разберемся? Что нам дорого в американской литературе // Литература и жизнь. 1959. № 109. 11 сентября).

²⁵На самом деле Шарлотта гибнет под колесами случайного автомобиля, выбежав из дома, чтобы вбросить в ящик прощальное письмо Гумберту, которое принялась писать, узнав из его дневника о страсти супруга к падчерице. Так что если Гумберт и выступил причиной смерти Шарлотты, то весьма косвенной.

²⁶Не вполне точно: из предисловия фиктивного доктора Джона Рэя мы узнаем, что «Гумберт Гумберт» умер в тюрьме, от закупорки сердечной аорты, 16-го ноября 1952 г., за несколько дней до начала судебного разбирательства своего дела.

Книга написана сжатым стилем, сохраняет с начала до конца атмосферу напряжённости и драматизма и даёт великолепное описание Америки, через которую Гумберт влечёт свою Лолиту.

Вокруг «Лолиты» развернулась яростная дискуссия и вызвала самые противоречивые оценки: от обвинений в порнографии до восторгов. Интересная деталь: известный английский католический писатель Грэм Грин²⁷ («Тихий американец», «Наш человек в Гаване») высказался положительно о повести Набокова. Даже хулители этой книги высоко оценивают талант Набокова как психолога и художника. Повсеместно считают, что наилучше написанная часть повести — история путешествия доктора Гумберта с Лолитой по всем штатам Америки. И хотя центральная проблема повести достаточно омерзительна для среднего отца семьи (не говоря о матерях), читатели поглощают ее с неким мазохистским наслаждением, оправдываясь фактом, что книга числится в списке бестселлеров и значит, огромное число американцев всё равно прочитают её.

Многие литературные критики, которым книга пришлась по вкусу, пытались найти в ней какие-то моральные ценности, какую-то цель. Однако сам Набоков дезавуировал эти попытки, написавши в связи со своей повестью: «Я не читатель и не писатель дидактических повестей. «Лолита» не включает никакой морали. Лично для меня литературное произведение существует лишь постольку, поскольку даёт мне так сказать, эстетическое наслаждение. Другими словами — если оно переносит меня в другие страны, если вводит меня в эмоциональные состояния, в которых искусство (любопытство, чувствительность, доброта, экстаз) является единственной нормой». Очень плохо зато Набоков отозвался об идейной литературе, называя её «конъюнктурным вздором, отлитым в больших гипсовых блоках, которых с великими осторожностями переносят из эпохи в эпоху. Так что в один

²⁷Ивлин Во — Нэнси Митфорд, 11 января 1956: <...> В «Санди таймс» Грэм Грин рекламировал какую-то порнографическую книгу. Я имею в виду такого сорта книгу, за которую ты готова сажать в тюрьму. <...> The Letters of Nancy Mitford and Evelyn Waugh / Ed. by Charlotte Mosley. Boston, N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1996. P. 384; цит. по: «Я не понимаю, из чего сотворен его мир...»: Владимир Набоков в переписке и дневниках современников/ сост., пер., вступ., примеч. Н. Мельникова // Иностранная литература. 2009. № 4. С. 209—266. (К 110-летию Владимира Набокова).

прекрасный день появляется кто-нибудь с молотком в руке и бьёт как следует по Бальзаку, по Горькому, по Манну²⁸. Довольно самоуверенная декларация!²⁹

Во Франкфурте на Майне, на родине Гёте, состоялся международный съезд издателей. Наряду со своими делами участники съезда не забывали и о развлечениях. Снискал, между прочим, известность званый обед, данный для «Lolita-boys», «мальчиков Лолиты» — издателей книги Набокова в разных странах. На обеде подавали «салат а ля нимфет» и «мороженое Лолиты»³⁰.

²⁸Очевидно, закрывающая кавычка утрачена.

В оригинале так: «I am neither a reader nor a writer of didactic fiction, and, despite John Ray's assertion, *Lolita* has no moral in tow. For me a work of fiction exists only in so far as it affords me what I shall bluntly call aesthetic bliss, that is a sense of being somehow, somewhere, connected with other states of being where art (curiosity, tenderness, kindness, ecstasy) is the norm. There are not many such books. All the rest is either topical trash or what some call the Literature of Ideas, which very often is topical trash coming in huge blocks of plaster that are carefully transmitted from age to age until somebody comes along with a hammer and takes a good crack at Balzac, at Gorki, at Mann.

Я не читаю и не произвожу дидактической беллетристики, и, чего бы ни плел милый Джон Рэй, "Лолита" вовсе не буксир, тащащий за собой барку морали. Для меня рассказ или роман существует, только постольку он доставляет мне то, что попросту назову эстетическим наслаждением, а это, в свой черед, я понимаю как особое состояние, при котором чувствуешь себя — как-то, где-то, чем-то — связанным с другими формами бытия, где искусство (т. е. любознательность, нежность, доброта, случайность, восторг) есть норма. Все остальное — это либо журналистическая дребедень, либо, так сказать, Литература Больших Идей, которая, впрочем, часто ничем не отличается от дребедени обычной, но зато подается в виде громадных гипсовых кубов, которые со всеми предостережениями переносятся из века в век, пока не явится смельчак с молотком и хорошенько не трахнет по Бальзаку, Горькому, Томасу Манну. (О книге, озаглавленной «Лолита» (Послесловие к американскому изданию 1958-го года)).

Таким образом, в дневнике Назиров приводит либо собственный перевод, либо перевод, опубликованный в советской прессе.

²⁹ Ср. буническое: «Этот мальчишка выхватил пистолет и одним выстрелом уложил всех стариков, в том числе и меня...»

³⁰ К сожалению, нам не удастся обнаружить других сообщений об этом обеде.

<1964>

Несколько слов о знаменитом³¹ Набокове. Блестящее исключение в русской эмигрантской литературе, он писал под псевдонимом Сирина³². Эмигрант уже младшего поколения, он не брался изображать русскую жизнь и русский быт, ему неведомые. Его психология была уже чисто западной. Он великолепно знал западную литературу: в романе «Камер-обскура³³» он дал искусную вводную пародию на Пруста, на прустовскую манеру бесконечного нанизывания мелких жизненных деталей на один и тот же длиннейший невидимый стержень. Но у Пруста за внешней утомительностью манеры кроется искренность: он изобразил самого себя, свой характер³⁴. Сирин себя не рассказывал, он был застѣгнут на все пуговицы. Но одет и причѣсан помодному. Как же³⁵! В юности он надышался воздухом английской культуры,

³¹ Слово «знаменитый» здесь есьма многозначительно; см. сс. 6.

³² Возможно, основой приводимого Назировым обзора романов Набокова-Сирина послужили мемуары Л. Любимова «На чужбине», опубликованные в журнале «Новый мир» в 1957 году: «В отличие от многих других, Любимов по возвращении в СССР не был сослан в Сибирь, а стал «обличать» своих собратьев по эмиграции в советской прессе. В его мемуарах русский писатель Сирин, «любопытное явление» без «подлинного дыхания жизни», «мастер литературной формы», который «так и не завоевал у американцев настоящего признания» и жил благополучно лишь благодаря знанию бабочек, появился последний раз» ([Шеховцова](#) О. Ночь с «Лолитой». Роман Владимира Набокова в СССР // «Вопросы литературы» 2005, №4).

³³ «Камера обскура».

³⁴ Подробнее и тоньше, но в том же ключе об этом пишет З. Шаховская: Время и Память - два главных персонажа Пруста и Набокова: для Пруста истина познается не только умом, но и сердцем; «персонажи Пруста обладают свободой, незнакомой персонажам Набокова, который движет ими, как шахматными фигурами» (Шаховская З. В поисках Набокова. М.: Книга, 1991. С. 80—81).

Сравним здесь (имея в виду, что, разумеется, и в этом случае Набоков мог (как он это часто делал) искусно путать своего читателя или просто искренне приписывать другому писателю свои творческие принципы): «Книга, которую будто бы пишет рассказчик в книге Пруста, все-таки остается книгой в книге и не вполне совпадает с «Поисками утраченного времени», равно как и рассказчик не вполне Пруст. Здесь фокус смещается так, чтобы возникла радуга на гранях—на гранях того собственно прустовского кристалла, сквозь который мы читаем книгу. Она не зеркало нравов не автобиография, не исторический очерк. Это чистая выдумка Пруста, как Анна Каренина Толстого или «превращение» Кафки, и как Корнеллский университет превратится в выдумку, случись мне когда-нибудь описать его» (Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая газета, 2000. С. 278). Заметим также, что в своих поздних лекциях (1994—95 уч. год) Назиров настоятельно предостерегал студентов от прямого отождествления автора художественного произведения с исторической личностью.

³⁵ Похожая тональность звучит в письме Юрия Терапиано Владимиру Маркову (20 апреля 1958): <...> Мне кажется, лучшее, что случилось в эмигрантской литературе, — это как раз наше «неумение» и «нежелание» писать на чужих языках и для иностранцев. Один Сирин — не в счет. Он ведь чувствовал себя англичанином в Кембридже и в то время, когда его сверстники (среди которых были люди породитее Набоковых и побогаче их) умирали на фронте Добровольческой армии, а затем — дробили камни и работали на заводах в Европе. <...>

окончил Оксфорд³⁶, стал учёным, исследователем жизни насекомых. Впоследствии он впитал немало иных влияний...

Наиболее яркие и удачны были у Сирина женские типы³⁷, в которых он подчеркивал ненасытный и беспощадный женский эгоизм. В романе «Король — Дама — Валет» центральная карта, «дама», разрисована и отделана с безупречной тщательностью. В «Камер-Обскуре» женский тип в основе тот же, но яркость его доведена уже до крайнего, чудовищного, кинематографического³⁸ предела.

Эти два романа — лучшие у Сирина³⁹. «Камер-Обскура» сгущённое, сильнее — и безобразнее (замечательное описание болезни и смерти покинутой отцом девочки). В романе «Король — Дама — Валет» Сирин достиг равновесия. Роман искусно открывается изображением поезда, отходящего от платформы; в этом изображении полный реализм намеренно, но без всякой натянутости сочетается с символизмом. Такое же мастерское сочетание в конце романа, в развязке, где бред незаметно переходит в смерть.

³⁶ Кембридж.

³⁷ Похоже, Назиров уловил одну из сверхзадач набоковского метатекста. Так, Б. Бойд пишет: «Его особенно огорчало, каким неубедительным и неудовлетворительным получился образ матери <в рассказе «Волшебник»> — никакой индивидуальности, одна болезнь и предсмертные переживания. Зато ее приемница — одна из безусловных удач «Лолиты» («Американские годы»).

³⁸ Эпитет «кинематографический» здесь вполне ожидаем: «... время создания «Камеры обскуры»... — период наибольшего сближения эпической музыки В. Набокова с кинематографом» (*Мельников Н.* [Преамбула к подборке рецензий на «Камеру обскуру»] *Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова.* М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 97); организующим функциям киноприемов в «Камере обскуры» посвящен целый ряд работ; детально разобраны они в кн.: Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце: О русских романах В. Набокова. М.: Новое лит. обозрение, 1998 (гл. IV «Волшебный фонарь, или «Камера обскуры»). Однако по смыслу записей можно предположить, что (по всей видимости, в перелагаемом Назировым первоисточнике — думается, что о несамостоятельности назировских оценок свидетельствует уже отсутствие в тексте дневника имен персонажей Набокова) имеется в виду лишь условность, ходульность образа <Марты>. Однако именно в образе Марты, как показывает Н. Букс, эффектно реализуется сложный прием наложения ракурсов как визуальных восприятий не только видимого, но и видящего (так, в ракурсе Кречмара Магда — девушка с полотен старых мастеров, в собственном ракурсе — заурядная практичная мещанка).

³⁹ «Сам Набоков довольно быстро охладел к своему «кинематографическому» роману. Уже в письме от 24 января 1941 г. американскому издателю Джеймсу Лафлину он не побоялся назвать это произведение самым слабым своим романом... В более поздние годы писатель неоднократно подтверждал негативное отношение к собственному детищу в беседах и интервью: «Это мой худший роман. Персонажи — безнадежные клише» ...» (*Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова.* М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 100).

По всей видимости, критика «Дара», несомненно, вершинного произведения русскоязычного Набокова, и без того достаточно скудная, оказалась Р.Г. Назирову недоступна, а «Краткая литературная энциклопедия» со статьей О. Михайлова и Л. Черткова (М., 1968. Т. 5. Стлб. 60—61), где говорится, что «в романе «Дар» дается «тенденциозно искаженный образ Н. Г. Чернышевского», выйдет в свет лишь четыре года спустя.

Роман «Защита Лужина» изображает безумие гениального шахматиста. Жизненные ткани повествования однообразно-тощи; правда, в соответствии с темой. Остроуму, блестяще-равнодушному дарованию автора грозит опасность высыхания⁴⁰. Сирин — формалист, он пристрастен к методу остранения.

Одна из последних вещей Сирина, т.е. его русского периода, называлась «Приглашение на казнь»: там главное действующее лицо только «переплетено в человеческую кожу»⁴¹, но не живёт.

Несмотря на весь талант Сирина, его искусство начинало клониться к закату. Как быть русским писателем вне России? Кому он нужен, кому известен?

Он стал писать на английском языке. Набоков переехал в Америку, и последовавшие его произведения выходили в свет уже под его настоящим именем. Среди героев уже не было больше русских. Роман «Лолита», где малолетняя нимфоманка соблазняет пожилого⁴² мужчину, вызвал сенсацию во всем мире. Из него был сделан фильм (правда, плохой)⁴³. В ряде мест роман отличается высокими художественными достоинствами: пейзажи Америки во время автомобильных скитаний необычной четы. Все прежние произведения Набокова были переизданы⁴⁴. В дальнейшем он уже писал только на английском языке, и англо-саксонская критика признала его одним из лучших стилистов в литературе на английском языке.

<...>Перед самым приездом Тома я прочёл роман Набокова «Лолита» на английском языке⁴⁵. Изумительный стиль, многое очень правдиво

⁴⁰Высказывание вполне в духе Г. Иванова, Ю. Терапиано — наиболее желчных критиков Набокова; однако подобные прогнозы делались в связи с предыдущими романами Набокова; «Защиту Лужина», эмигрантская критика как раз приветствовала наиболее благосклонно («Классик без ретуши»)

⁴¹Это точная цитата из текста, однако, ошибочно отнесенная к главному герою, Цинциннату: это он говорит библиотекарю (одному из «винтиков» неумолимой тюремной системы): «Постойте, не уходите еще. Я хоть и знаю, что вы только так — переплетены в человечью кожу, все же... довольствуюсь малым... Послезавтра...».

⁴²И снова уточним: Гумберту к началу повествования 37 лет; Назирову в момент создания этих записей — 30.

⁴³Стенли Кубрик считал фильм «Лолита» (1962) «своим единственным явным провалом» (Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы. М.: Симпозиум, 2010. С. 1013).

⁴⁴В переводах, следовало бы уточнить.

⁴⁵Возможно, получил книгу Назиров на следующих условиях: «Эмигрантские современники недооценили возможности самиздата и развитой сети распространения подпольной литературы в СССР. Уже в 1969 году в Ленинграде тариф за ночь с Лолитой был установлен в размере 6 рублей — при условии, что читатель обязуется не делать копий с одолженного экземпляра, и 10 — за разрешение на фотокопирование» (Левинг Ю. Гипс, мрамор, канон: реабилитация Набокова // Империя Н. Набоков и наследники: сб. ст. / ред.-сост. Ю. Левинг, Е. Сошкин. М.: Новое лит. обозрение, 2006. С. 126.)

психологически, многое поражает. Это вовсе не порнография, это искусство⁴⁶. Но сцена убийства того эротомана до того правдива, что даже внушает омерзение. Набоков — блестящий талант. Есть страницы, где синтез русского живописного стиля старой школы и англо-саксонской повествовательной традиции дает потрясающий эффект. Я бы хотел перечитать «Лолиту» еще раз, если удастся.

По сути дела, «Лолита» есть перенесение в плоскость тонкого, культурного модернизма двух тем Достоевского⁴⁷: темы патологической любви к незрелой девочке и темы убийства⁴⁸. Но с изысканным стилем и с полным раскрытием всех факторов; полное отсутствие тайны, необъяснимости, символа. По сравнению с Достоевским это выглядит игрой. Да, обточка уже чересчур хороша⁴⁹. Это значит, что силы мало⁵⁰.

Красивый стиль свидетельствует о слабости духа. Кому нужно много сказать, тот не шлифует своих алмазов, а бросает их негранёными, полная горсть за горстью. Некоторая дикость всегда присуща гениальному стилю

О способах и порядке проникновения в СССР набоковских произведений подробно рассказывается в статье: [Шеховцова](#) О. Ночь с «Лолитой». Роман Владимира Набокова в СССР// Вопросы литературы. 2005. № 4.

⁴⁶Скрупулезному и весьма убедительному доказательству этого тезиса посвящена вышедшая за два года до этой записи статья Станислава Лема «Лолита, или Ставрогин и Беатриче».

⁴⁷Назирова оказывается среди тех, кто пронзительно заметил литературное родство Достоевского и Набокова (от чего Набоков всю жизнь яростно открещивался).

⁴⁸О том же пишет С. Лем: «И, наконец, встречаются индивиды высокого умственного уровня, которые способны самостоятельно анализировать существующие в обществе нормы и запреты, психопаты высокоинтеллигентные, часто наделенные талантом, которые, опираясь на самоанализ, приписывают себе право ломать обязательные нормы. Такой узурпацией был порожден поступок Раскольников».

⁴⁹Ср.: «...веет впечатлением такой талантливости, которая слишком заметна, которая переходит в нарядность» (Ю. Айхенвальд в рецензии на роман «Король, дама, валет» (1928)).

⁵⁰Здесь Назирова — кроме резюмирующей оценки, разумеется, — созвучен любимому критику Набокова — Вл. Ходасевичу (рец. на роман «Камера обскура» (1934)): «В заключение скажу лишь несколько слов об очаровательном, порой как бы даже пресыщающем мастерстве, с которым роман написан. Свою изобретательность Сирин на этот раз доводит до дерзости, можно сказать, равной той, с которой Горн издевается над Кречмаром. Приходится удивляться, с какой безошибочной точностью Сирин пользуется самыми острыми и рискованными приемами. Я бы даже решился сказать, что именно точность и безошибочность работы на сей раз доведена Сириним почти до излишества. Может быть, было бы лучше, если бы хоть что-нибудь было в этом романе написано немножко «спустя рукава». Но, разумеется, если об авторе говорят, что он пишет «слишком хорошо», то это еще не большой упрек».

(Шекспир, Толстой, Достоевский)⁵¹. — И все же Набоков неплох. А Лолиты существуют и у нас в Союзе. В Москве их полно!

19 мая. Вторник.

Владимир Владимирович Набоков принадлежит к дворянской фамилии, восходящей к XV веку. Он родился в Санкт-Петербурге в 1899 г.

Его отец — Владимир Дмитриевич Набоков (1870—1922) был юрист, член первой Думы и один из трёх издателей большой либеральной газеты «Речь». Он был убит в Берлине русскими крайними монархистами. Он — один из лидеров кадетов.

Его дед, Дмитрий Николаевич Набоков (1827—1904) — министр юстиции при Александре II и Александре III.

Прадед писателя, Николай Александрович Набоков, был морской офицер. В 1817 г. он участвовал в экспедиции, которая исследовала Новую Зеландию — одна река там носит его имя⁵².

У Владимира Набокова есть брат Кирилл и сестры Ольга и Елена. Другой его брат — Сергей — умер в гитлеровском концлагере около Гамбурга в 1942⁵³ г.

⁵¹Сущность этого виртуального проигрыша Набокова Достоевскому вновь раскрывает С. Лем: «Акт убийства, так же как и половой, содержит в себе — ничего не поделаешь! — что-то от банальности (в художественном отношении, прошу понять!), а Набоков боится банальности как огня. Достоевский не сделал бы такой ошибки, потому что ничего не боялся. Он сам был себе миром, сам устанавливал законы своих произведений, и никакое внешнее влияние не трогало его. В конечном счете оказывается, что из двух писателей, из которых один не хочет считаться с условностями, а другой попросту их игнорирует, — первый слабее: он действует против чего-то, как человек, а другой просто действует, как демиург. Еще секунда, и я сказал бы: "как стихия"».

⁵²Николай Александрович Набоков (1795—1873) молодым флотским офицером участвовал в 1817 году картографической экспедиции на Новую Землю. Граф Ф. П. Литке во время руководимой им экспедиции на Новую Землю назвал именем своего друга «реку Набокова» на одном из островов. По воле небрежного автора источника (самому Назирову небрежность присуща не была) автор дневника разрушает эффектную коллизию, перенося набоковскую реку из северного полушария в южное. Младший сын Александра, Николай (1795—1873), — прадед писателя. В 1959 году Владимир Набоков испытал суеверный восторг, когда ему сказали, что его прадед был первопроходцем. За два года до этого он начал обдумывать роман «Бледный огонь», который в своем первоначальном варианте начинается дворцовой интригой на Ultima Thule, перерастающей, благодаря тайной помощи Новой Зембли, в революцию. И вот его двоюродный брат Сергей сообщает ему о своей последней находке: их прадед, очевидно, участвовал в картографической экспедиции на принадлежавшую России Новую Землю и одна из рек там носит его имя. Набоков ошеломлен: «Когда я думаю о том, что мой сын — альпинист (и первым покорила какой-то пик в Британской Колумбии) и что сам я открыл и назвал несколько видов бабочек (а несколько были названы моим именем — одна, очень редкая, — в Аляске, другая — в Юте), набоковская река на Новой Земле приобретает почти мистическое значение» <Из письма В.В. Набокова к С.С. Набокову (двоюродному брату)>. Не склонный говорить о своих неоконченных произведениях, он умолчал о том, что другая Новая Земля уже была нанесена на карту его воображения (Бойд Б. Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы. М.: Симпозиум, 2010. С. 27).

⁵³В действительности в 1945 г.

Набоков в 1925 г. женился на Вере Евсеевне Слоним. У них есть один сын — Дмитрий (родился в 1934).

Французский журнал «L'Arc» посвятил Набокову целый номер весной 1964 г. (№ 24). Там, на стр. 98, напечатана следующая «политическая декларация» Набокова:

«Je me moque de la politique comme telle. Je méprise toute force qui atteint la liberté de pensée. Je suis contre toute dictature, de droite ou de gauche, terrestre ou céleste, blanche, grise ou noire, rose, rouge ou pourpre, Jean le Terrible ou Hitler, Staline ou Khrouchtchev, Trujillo ou Castro. Je ne reconnais que les gouvernements qui laissent l'individu dire ce qui lui plaît.⁵⁴»

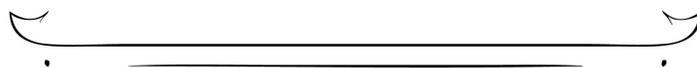
⁵⁴ В начале декабря Набоков послал <издателю журнала «Арк»> Рене Миша письмо для публикации в посвященном ему выпуске «Арка»: «Не моя привычка выставлять напоказ свое политическое кредо. Тем не менее определенная симпатия к Кастро, которую я, как мне кажется, обнаружил в посвященном Кубе выпуске «Арка», заставляет меня дать краткое разъяснение моих принципов. Мне наплевать на политику как таковую. Но я ненавижу, когда сила ущемляет свободу мысли. Я против любой диктатуры, правой или левой, земной или небесной, белой, серой или черной, розовой, красной или пурпурной, Ивана Грозного или Гитлера, Ленина, Сталина или Хрущева, Трухилло или Кастро. Я приемлю только правительства, которые позволяют человеку говорить то, что он хочет».

Рене и Жизлен Миша очень расстроились. Они считали «Арк» культурным обзорением, не имеющим отношения к политике, и боялись, что набоковский манифест превратит его в политическое издание. <...> В качестве компромисса он предложил убрать первые два предложения своего письма, и они согласились (Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы. М.: Независимая газета; Спб.: Симпозиум, 2001. С. 1044).

Биографический отдел

С. В. Белов
Российская национальная библиотека

Одна, единственная встреча

В моей книге «Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844—2004 гг.» перечислены практически все работы Р. Г. Назирова. Многие из них я знал, например, «Диккенс, Бодлер, Достоевский. К истории одного литературного мотива», «Трагедийное начало в романе Достоевского “Униженные и оскорбленные”», «Герои романа “Идиот” и их прототипы», «Петр Верховенский как эстет», «Об этической проблематике повести “Записки из подполья”» и целый ряд других прекрасных работ Назирова о Достоевском, свидетельствующих о том, что их автор замечательный литературовед.

Но с Назириным я никогда не встречался. И вдруг И. Волгин проводит в 2001 году первую трехдневную конференцию достоевистов в Москве, в гостинице «Россия»^{1*}, и я встречаюсь с Назириным.

Не помню, кто к кому первый подошел. Кажется, я. Оказалось, что Назиринов прекрасно знает и мои работы о Достоевском. Особенно его потряс мой двухтомный Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение».

Мы как-то незаметно сблизились, тем более, что мы на многие вещи смотрели одинаково. Так мы оба с Назириным считали, что при Ельцине было порядка меньше, но больше свободы (напомню, что это был декабрь 2001 года), мы приветствовали введение Ельциным капитализма в России, хотя сделано это было не так, как надо (погибли все наши сбережения), одобряли попытки Ельцина потеснить КПСС и КГБ.

Мы с Назириным сидели в кафе гостиницы «Россия», пили водку (в меру, конечно) и провели вместе часа три.

Помню, что Назиринов страшно не любил священников, не Бога, а именно священников. Он говорил, что если раньше Достоевского считали чуть ли не атеистом, то теперь делают его иконой, все научные конференции по Достоевскому открывают священники. Конечно, Достоевский был верующий человек, говорил Назиринов, но ведь забывают слова Достоевского: «Через большое горнило сомнений моя осанна прошла».

Назиринов считал, что за последние десять лет, когда уже стали свободно говорить о Боге, произошел уже явный перекоc в сторону изучения христианства Достоевского, хотя это можно и понять: в России был семидесятилетний запрет на эту тему.

¹ * С. В. Белов имеет в виду Международный симпозиум «Достоевский в современном мире. 1821—2001» (17—20 декабря 2001, Москва). Прим. ред.

Все три часа, пока мы беседовали с Назировым, я задавал ему шесть вопросов по Достоевскому, которые уже давно задавал известным деятелям русской и зарубежной культуры (см. мою книгу «Полвека с Достоевским. Воспоминания». СПб., 2007. С. 74—81).

Вот какие это были вопросы: 1. Когда Вы впервые познакомились с Достоевским? Какое это было произведение и сколько Вам было тогда лет? 2. Какое влияние оказал на Вас Достоевский? 3. Какое произведение Достоевского Вы считаете наиболее выдающимся? 4. Какой герой Достоевского Вам ближе всего? 5. В чем, на Ваш взгляд, значение Достоевского для современности? 6. Назовите трех самых выдающихся писателей за всю историю человечества.

Вот что ответил мне Назиров: 1. Мне было восемь лет, когда я впервые познакомился с Достоевским: прочел «Мальчик у Христа на ёлке». 2. Достоевский научил меня состраданию и милосердию ко всем униженным и оскорбленным. 3. Роман «Бесы» считаю наиболее выдающимся. 4. Мне ближе всего Степан Трофимович Верховенский. 5. Достоевский предсказывал и осуждал политическую тиранию двадцатого века, будь то коммунизм или фашизм. 6. Шекспир, Сервантес, Достоевский.

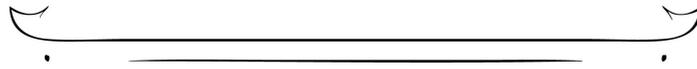
Мы долго с Назировым обсуждали роман «Бесы» и не только потому, что это был его любимый роман, а прежде всего потому, что отсутствие свободы — вот главное, что роднило бесов с тоталитарными государствами двадцатого века.

Мы говорили и о российских достоевистах. У Назирова было несколько скептическое отношение к Г. Фридендеру за его марксистско-ленинское мировоззрение, хотя он и признавал его величайшей заслугой издание академического полного собрания сочинений Достоевского в тридцати томах. Очень уважал Назиров И. Волгина, считал талантливыми его книги, но никак не мог принять его утверждение в монографии «Последний год Достоевского» о том, что во второй, ненаписанной книге «Братья Карамазовы» Алеша Карамазов должен был стать революционером и цареубийцей.

После этой нашей встречи и разговора с Назировым в гостинице «Россия» я хотел начать с ним переписываться, но жена моя заболела раком. Несколько лет я не отходил от нее, а когда она умерла, оказалось, что и Назиров умер.

Пусть земля Назирову будет пухом! Он был замечательным литературоведом и выдающимся исследователем творчества Федора Михайловича Достоевского.

От редакции

С. В. Белов — ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки, один из ныне здравствующих достоевсковедов назировского поколения. Автор ряда научных трудов, пособий и библиографических справочников. Важнейший из этих справочников упомянут в начале заметки^{*}. Назировские труды там действительно присутствуют почти полностью^{**}

Словарь, упомянутый мемуаристом^{***}, в библиотеке Назирова не обнаружен, что не отменяет, разумеется, сказанного Беловым.

* Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844-2004 гг. Санкт-Петербург, 2011.

* Отсутствует запись о статье «Направленность трансформации в романе “Игрок”» (Dostoevsky studies. 2004. № 8. Р. 130—139). Скорее всего, потому, что номер издания, вышедший в конце года, просто не успел дойти в Россию. Также в справочнике по вполне понятным причинам учтены не все газетные кино- и театральные рецензии Назирова, касающиеся Достоевского.

* ** Белов С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь. В 2 тт. СПб.: Алетей; Российская национальная библиотека, 2001.

Автограф Р. Г. Назирова

Дорогим Лине и Саше

от автора

с искренней дружбой и благодарностью.

Уфа, 1977, январь.

НАЗИРОВ Р. Г.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛЕГЕНДА И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

В современном литературоведении понятие «петербургская легенда» воспринимается как определение литературной традиции, связанной с созданием яркого художественного образа великого города. Старая литературоведческая школа, справедливо и обоснованно отвергнутая современной советской наукой, связывала эту традицию с влиянием древней, в частности христианской мифологии. Между тем, петербургская легенда возникла из позднефольклорных источников, из специфического петербургского фольклора. Настоящая статья (часть более обширной работы) содержит попытку новой постановки этой проблемы.

Исток легенды о Петербурге — предсказание его скорой и неминуемой гибели, исходившее из кругов антипетровской оппозиции. М. И. Семевский относит к 1722 году слухи о зловещих знаменениях в петербургском Троицком соборе, возникшие среди духовенства и быстро охватившие весь город: «Петербургу быть пусты!» Дьякон от Троицы, который первым разнес слух о грозящем запустении Петербурга, был осужден на три года каторги¹.

Идейные тенденции этих предсказаний, сильно волновавших народ, совпадали с известной традицией русского клерикализма, с пророчеством о всемирно-исторической миссии Москвы: «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Своевольное возвеличение Петром его невской столицы, названной именем св. Петра, первого епископа Рима, ассоциировалось во многих русских умах с понятием «четвертого Рима»: в свете учения старца Филофея это должно было представляться консервативным

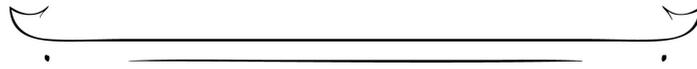
¹ М. И. Семевский. Слово и дело: 1700—1725. Изд. 3-е, СПб, 1886, стр. 95.

В прошлом номере журнала нами было опубликовано интервью с А. Л. Осповатом, который ссылался на подаренный ему Р. Г. Назировым экземпляр статьи как на основание для датирование их встречи. Александр Львович любезно предоставил нам копию этого документа из личного архива.

Исследования

Сергей С. Шаулов
Башкирский государственный университет

Черты утопии и дистопии
в рассказе Р. Г. Назирова
«Утро в городе Солнца»

Художественная проза Назирова, занимавшая, очевидно, в системе его творческих приоритетов весьма важное место, до сих пор исследована недостаточно¹.

При этом изучать её можно и нужно в двух направлениях. С одной стороны, необходимо понять и оценить собственно литературные качества этих текстов. Если их судьба сложилась так, что они входят в культурный процесс только сейчас, то и надо осмыслить их в контексте актуальной для нас словесности, а также (что с научной точки зрения даже более важно) в контексте актуальных для нас представлений об истории этой словесности.

Это, в числе других задач, означает и необходимость качественного анализа назировского художественного наследия (при признании неизбежной субъективности такой подхода) на фоне литературной ситуации начала 1960-х (в том виде, в каком она сохраняет свою эстетическую ценность для нашего времени) и вместе с тем — необходимость измерения гипотетической ценности прозы Назирова для современного читателя.

В достаточном объёме эту задачу мы пока решить не можем, хотя бы потому, что до сих пор не имеем окончательного представления о полном корпусе назировской прозы, её временных границах и т. д. Архивные находки, существенно меняющие образ целого, ещё не кончились (из последних нужно упомянуть недавно обнаруженный роман «Звезда и совесть», представляющий собой, ни много ни мало, художественную реконструкцию возможной исторической биографии Иисуса Христа). Длинный ряд других больших и малых прозаических опытов Назирова до сих пор ждет чтения, текстологического изучения и, разумеется, издания.

На этом фоне посмертная эдиционная судьба ранней малой прозы выглядит более удачной. Стараниями Б. В. Орехова опубликовано изрядное (хотя и не исчерпывающее) число этих текстов:

— циклы «Институтские рассказы» (видимо, след замысла «университетского романа») и «Уфимские рассказы» (приближающиеся к лирической прозе миниатюрные очерки об Уфе)²;

— «Старик», «После выставки», «Человек без особых примет» (интересные попытки социально-психологических рассказов, иногда сближающиеся с журналистским очерком)³;

¹ Единственная обзорная работа: Орехов, Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова // Назировский сборник: исследования и материалы. Уфа: Издательство БГПУ, 2011. С. 25—42. Кроме того, Б. В. Орехов — автор предисловий публикациям рассказов Назирова (см. следующие сноски).

² Назиров Р. Г. Институтские рассказы // Бельские просторы. 2011. № 11. С. 9—27; Назиров Р. Г. Уфимские рассказы // Бельские просторы. 2011. № 4. С. 3—18.

³ Назиров, Р. Г. Старик. Железнодорожное происшествие // Истоки. 2011. 16 марта. № 11 (727). С. 8—9;

⌢
—————
⌣

— «Закат Батюшкова» (образец назировской «историко-литературной» прозы)⁴ и др.

Однако рассказ «Утро в городе Солнца» в сравнении с другими текстами явно необычен.

Эта небольшая (две журнальных страницы) публикация представляет собой бессюжетный утопический очерк (утопия, разумеется, коммунистическая). Текст сыграл весьма важную роль в биографии Назирова. Он был опубликован 19 августа 1961 года в газете «Ленинец»⁵ (ныне «Молодежная газета») в составе подготовленной Назировым подборки материалов, посвященной советскому проекту будущего и объединенной общим заглавием «Мечта мобилизует на подвиг и песню. Об этом говорит программа». Естественно, имелась в виду программа КПСС, так называемая Третья программа (одобрена Президиумом ЦК КПСС 26 июля 1961 г., опубликована в газетах «Правда» и «Известия» 30 июля того же года), прямо провозгласившая построение коммунизма как неизбежную *ближайшую* цель партийной и государственной работы. Именно в докладе об этой программе на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущёв дал знаменитое обещание, определив тем самым идеологический и — что для нас более важно — стилистический вектор общественного обсуждения программы: «Не только наши потомки, а мы с вами, товарищи, наше поколение советских людей будет жить при коммунизме! Сознание этого окрыляет каждого советского человека, порождает в нем желание жить и работать с невиданным энтузиазмом»⁶.

В тематическую подборку также входили другие, уже не художественные, а журналистские и публицистические материалы, также подготовленные Назировым. Для нашей статьи эти тексты не существенны, но при попытке описания социально-политического контекста «Утра в городе Солнца» их необходимо будет «поднять».

Выйдя из печати, полоса вызвала большое недовольство не только редакционного, но и комсомольского начальства (причем, не местного, а российского). В дневниковой записи Назирова за 19 сентября 1961 года содержится подробное изложение этой «проработки» и откровенная реакция молодого журналиста, в двух более поздних — описание последствий случившегося:

<I.>

Совершенно дикая неожиданность случилась в моей жизни. Редактора

Назирова Р. Г. После выставки // Назировский архив. 2013. № 1. С. 106—112; Назирова Р. Г. Два лица города: Человек без особых примет // Назировский архив. 2013. № 2. С. 96—104; 105—111.

⁴ Назирова Р. Г. Закат Батюшкова // Назировский архив. 2013. № 3. С. 85—93.

⁵ Назирова Р. Г. Утро в городе солнца. Фантастическая новелла // «Ленинец», 19 августа, 1961. Републикация: Назирова Р. Г. Утро в городе солнца. Фантастическая новелла // Назировский архив. 2013. № 2. С. 95-96. Все ссылки на рассказ в настоящей статье даются по републикации.

⁶ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1962. С. 257.

⤿
⤿

Дашкина вызвали в Москву, в ЦК комсомола. Причиной тревоги оказалась моя статья от 19 августа «Об этом говорит программа». Я писал её с самыми лучшими чувствами. Правда, кое-какие ошибки в ней проскочили, но самое интересное — как их расценили товарищи из ЦК: вульгаризация марксизма, буржуазный объективизм и т. д. Ну, а в целом: «Удивительно, что эту статью до сих не перепечатали наши враги на Западе!» А что касается «фантастической новеллы» «Утро в городе Солнца», то Карпинский («самый умный человек в комсомоле») сказал, что «не мог читать её без отвращения». Словом, всю полосу под шапкой «Мечта мобилизует на подвиг и песню», которую делал я, в ЦК комсомола разгромили вдребезги.

Ещё не знаю, чем это кончится: может быть, меня уволят с работы. Хотя это ещё не вполне достоверно. Скорее нет. А вот выговор по партийной линии мне гарантирован. Хорошо, если без занесения в учётную карточку.

Опять меня сделали «антисоветским элементом», а между тем я за Советский Союз, за коммунизм, за Хрущёва. Только я плохо укладываюсь в строгие линии диктатуры: фантазирую, рассуждаю, а рассуждать-то не положено.

Видимо, международное обострение потребовало укрепления режима внутри страны. Не время для фантазий! Готовьтесь к бою на всякий случай! Надо строже судить хулиганов, расстреливать бандитов и обуздывать болтливых журналистов.

Ладно. Не возражаю. Наказывайте. Рассуждения буду оставлять при себе.⁷

<II.>

30 сентября октября. Суббота.

В четверг на открытом партсобрании разбирали меня за полосу. Ну, что ж, правильно всыпали. Не возражаю. Только грязный человек Г-н⁸ решил свести счёты и внёс в чистую атмосферу коммунистической ругани, товарищеского суда, свою личную злобишку и мелкие выпады. <...> В наше время быть искусным интриганом недостаточно, нужно уметь делать завтра. Он живёт интересами своего «текущего момента», а я работаю на коммунизм.⁹

<III.>

8 января 1962 года.

⁷ АРГН, оп. 4, д. 5, л. 0043—0044. Подчеркивания в этой и последующих цитатах — назировские, если не оговорено другое.

⁸ Полная фамилия этого «персонажа» дневников Назирова скрыта нами по этическим соображениям.

⁹ АРГН, оп. 4, д. 5, л. 0051.

Понедельник.

Ну, вот, снова я взялся за эту тетрадь. Произошли большие изменения. Я уволился из «Ленинца» (Д. С. Г-н добился своего) и поступил на работу в уфимскую районную газету «Колхозная правда» — ответственным секретарём. Готовлюсь в аспирантуру. Буду работать по Достоевскому. Реферат будет, видимо, называться «К вопросу об автобиографичности романа Ф. М. Достоевского “Игрок”».¹⁰

Таким образом, с позиций изучения биографии Р. Г. Назирова история с его полосой «Мечта мобилизует на подвиг и песню» — один из ключевых моментов его творческой и интеллектуальной жизни. По крайней мере, это — одна из причин неудачи его журналистской карьеры, фактически заставившая его искать другой путь творческой самореализации. Именно в этом месте в его дневниках впервые появляется Достоевский как особая тема научных занятий.

Кроме того, в связи с этими записями, дающими представление об историческом контексте анализируемого рассказа, можно сформулировать второе направление изучения прозы Назирова — исследование ее места в региональной и общероссийской истории литературы и общественной истории.

С этой точки зрения именно «Утро в городе Солнца» провоцирует целый ряд вопросов.

Во-первых, современному читателю не вполне и не сразу понятно, что именно в рассказе вызвало такую реакцию сверху. Масштаб скандала удивляет, удивляет и ремарка о «пригодности» материалов подборки для западной антисоветской печати. Первое же впечатление таково: назировская «футурологическая» модель образца 1961 года вполне лояльна советскому культурно-политическому проекту и его литературным воплощениям. Много общего она имеет, к примеру, с утопической фантастикой ранних братьев Стругацких (см. об этом ниже), хотя, к сожалению, не настолько эпически развернута. Ещё больше сходства она обнаруживает с предшествующей стадией советского утопического творчества (с И. А. Ефремовым, например). Ничего оппозиционного Назиров, журналист комсомольской газеты, себе не позволил и не хотел позволять — по дневниковым записям это отчетливо видно. Что же стало причиной такой редакционного и комсомольского «разбора полетов»?

Вполне возможно, что Назиров со своей полосой о будущем, попал под какую-либо кампанию или случайно затесался в жернова некой идеологической борьбы внутри партии и комсомола. В этом смысле некоторое значение может иметь тот факт, что полоса, посвящённая новой программе, вышла после опубликования программы в центральной прессе, но до съезда, на котором был представлен доклад Н. С. Хрущёва, в котором содержалась утверждённая трактовка положений этого документа. То есть Назиров мог, сам того не желая, отклониться от «генеральной

¹⁰ АРГН, оп. 4, д. 5, л. 0076.

линии». Проверить это предположение возможно только с привлечением специального материала по истории советской партийной и комсомольской организаций, к чему мы, «по гамбургскому счету», не готовы.

К тому же, первая гипотеза не отрицает другой, эвристически более богатой: может быть, «Утро в городе Солнца» действительно содержит в себе нечто, ускользающее от нашего первого впечатления, но не избегшее тренированного глаза комсомольского цензора?

Ответ на этот вопрос прямо связан с исследованием поэтики и структуры рассказа, и с прояснением динамики и направленности интеллектуальной эволюции Назирова.

Итак, первое же знакомство с рассказом «Утро в городе Солнца» обнаруживает явное родство с типичными образцами советской утопии 1940 — 1960-х годов. Это видно в массе характерных деталей.

Например, людям будущего оказывается полностью незнаком алкоголь: в новостном сообщении, которое слушает героиня рассказа упоминаются «следы малоизвестных соединений этилового спирта», обнаруженные во вскрытом археологами старинном бункере. Тема побежденного в коммунистическом будущем пьянства (и вообще любых социальных пороков) — сквозная для советской фантастико-утопической литературы. Она присутствует у Ефремова в «Туманности Андромеды», где спиртное заменено «подбодряющими напитками»¹¹, а пьяных не бывает даже на Острове Забвения, где намерено сохранена «простая, монотонная деятельность древнего земледельца»¹².

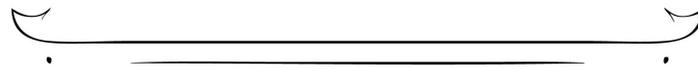
Социальные пороки побеждены (хотя вино всё-таки встречается в быту) и в утопическом мире братьев Стругацких. К примеру, житель коммунистического XXII века, герой романа «Обитаемый остров», попав на отсталую планету, впервые знакомится с курением: «Красноглазый как будто удивился еще больше, полез в карман, вытащил плоскую коробочку, набитую длинными белыми палочками, одну палочку сунул себе в рот, а остальные предложил Максиму. Максим из вежливости принял коробочку и стал ее рассматривать. Коробочка была картонная, от нее остро пахло какими-то сухими растениями. Максим взял одну из палочек, откусил и сплюнул. Это была не еда. <...> Он понял, что это за палочки. В вагоне, где они ехали с Гаем, почти все мужчины отравляли воздух точно таким же дымом, но для этого они пользовались не белыми палочками, а короткими длинными деревянными предметами, похожими на детские свистульки древних времен»¹³.

Восходят эти подробности идеального будущего к советской культурной политике ещё 1920-х годов, попыткам строить новый быт и их литературным отображениям. Ср. у В. В. Маяковского в поэме «Летающий пролетарий»:

¹¹ Например: «Эвда Наль протянула Чаре бокал с опалесцировавшим в нем подбодряющим напитком “Лино”» (Ефремов И. А. Туманность Андромеды. М., 1960. С. 291).

¹² Там же. С. 248.

¹³ Стругацкие А. Н. и Б. Н. Обитаемый остров // Стругацкие А. Н. и Б. Н. Собрание соч. в 11 тт. Т. 5. М., 2000. С. 352.

Безалкогольное.

От сапожника

и до портного —

никто

не выносит

и запаха спиртного.

Больному —

рюмка норма,

и то

принимает

под хлороформом.¹⁴

В этой связи выходит на поверхность восприятия проблема соотношения утопической мысли и фантастической литературы, особенно актуальная именно для середины века, когда их взаимопроникновение становится обычным для литературного процесса явлением. В годы журналистской молодости Назирова синтез утопии и фантастической литературы, заметный с начала XX века, вышел на качественно новый уровень: «Туманность Андромеды» И. А. Ефремова, с именем которого и связывают отечественные ученые новый этап истории утопической фантастики¹⁵, опубликована в 1957 году, «Страна багровых туч» А. Н и Б. Н. Стругацких — в 1959, в 1962 вышел в свет их же роман «Полдень. XXII век», в целом же специалисты в этой теме (см. ссылку выше) называют десятки имен писателей-фантастов новой волны. Неслучайно, именно в начале 1960-х фантастика была даже официально легитимизирована на поле общественной мысли о развитии страны и человечества¹⁶. Забегая вперед, скажем, что Назиров занимает в этой ситуации особую позицию.

Характерные детали описанной в его рассказе бытовой и социальной жизни (всеобщие занятия спортом, свободный труд и освобождение от быта и пр.) дают читателю традиционный, даже банализованный образ идеального коммунистического «завтра». Незначительно варьируясь, аналогичные картинки расплзлись по всей советской фантастико-утопической традиции, на позднем этапе, в 1970-е и последующие годы, проникнув даже и в детскую фантастику (см. цикл романов и повестей Кира Булычева о «девочке с Земли» — Алисе Селезнёвой).

Есть и конкретные текстуальные доказательства этой связи: в свою «фантастическую новеллу» Назиров вставляет прямое заимствование из дебютного

¹⁴ Маяковский В. В. Летающий пролетарий // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 6. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. С. 358.

¹⁵ См. о новом этапе развития советской фантастики и о роли Ефремова в ее обновлении: Бритиков А. Ф. Отечественная научно-фантастическая литература (1917—1991). Кн. 1. Научная фантастика — особый род искусства. СПб., 2005. С. 188—225 (глава «Великое кольцо»). Кроме всего прочего, книга ценна тем, что показывает читателю прочтение, хронологически относительно близкое ко времени «Утра в городе солнца», поскольку была впервые опубликована в 1970-м году.

¹⁶ Собственно, эта легитимация — главный посыл статьи советского литературоведа К. Зелинского «Литература и человек будущего» (ВЛ, 1962. № 2. С. 21-49).

романа братьев Стругацких «Страна багровых туч».

Сравним. У Назирова: «На больших стенных экранах и на тысячах маленьких телеприёмников появляются приветливые лица дикторов последних известий. Создание искусственной климата в Антарктике... Лунные гастролы всемирного театра... Проходка Большого Гималайского тоннеля...»

Аналогичный пассаж в романе Стругацких значительно многословнее:

В этот вечер Быков долго не мог уснуть.

Он встал, зажег свет и сел за стол, уставясь на лампочку, и так сидел долго. Взгляд его упал на газету, которую он так и не удосужился просмотреть сегодня.

«Смелее внедрять высокочастотную вспашку» — передовая.

«Исландские школьники на каникулах в Крыму», «Дальневосточные подводные совхозы дадут государству сверх плана 30 миллионов тонн планктона», «Запуск новой ТЯЭС мощностью в полтора миллиона киловатт в Верхоянске», «Гонки микровертолетов. Победитель — 15-летний школьник Вася Птицын», «На беговой дорожке 100-летние конькобежцы».

Быков листал газету, шелестя бумагой.

«Фестиваль стереофильмов стран Латинской Америки», «Строительство Англо-Китайско-Советской астрофизической обсерватории на Луне», «С Марса сообщают...».

Быков просмотрел газету, подумал и, сложив, сунул в карман куртки.

Это надо взять с собой. Это дыхание Земли, могучий пульс родной планеты, который хочется ощущать и в далеком рейсе. Символ... Алексей вздохнул и погасил свет¹⁷.

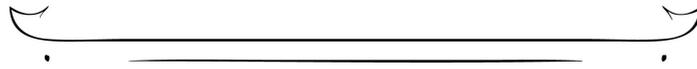
Интересно, что, несмотря на все совпадения, Назиров на этом фоне выглядит архаичнее современников: научно-фантастический аспект будущего в его романе дается только как антураж. Из арсенала фантастики в его рассказе присутствует только отнесение действия в будущее и указанный выше ряд бытовых деталей. При этом нельзя сказать, что современная Назирову фантастическая литература не входила в круг его интересов (по крайней мере, читательских — это видно по приведенному выше примеру).

Кроме того, именно в начале 1960-х годов (то есть в ту пору, когда он как раз и мыслил себя в первую очередь писателем) он в дневниках декларировал необходимость чуда и остросюжетной занимательности для современной прозы: «Цель романа — расколоть толстую скорлупу повседневности и достать из неё зрелое ядро чуда. Современный роман должен быть философским, волшебным и авантюрным. Только так он сможет передать ощущение нашей стремительной жизни»¹⁸.

Прямых свидетельств о чтении им кого-либо из советских фантастов мы в

¹⁷ Стругацкие А. Н. и Б. Н. Страна багровых туч. М., 1959. С. 100.

¹⁸ АРГН, оп. 4, д. 6, л. 0120.

архиве Назирова не нашли (во всяком случае, пока), но собрание сочинений С. Лема в его библиотеке имеется. Встречаются в его наследии и ссылки на эссеистику польского писателя. В юности его волновала характерная проблематика утопической фантастики: «Постойте же, через 100 лет коммунизм полностью воцарится на всей земле и человечество освободит головы и руки, чтобы овладеть вселенной. Весь вопрос в том, успеет ли беспредельный человеческий гений создать себе резервную площадку для жизни, космическую станцию, к тому времени, когда остынет солнце. Я верю — успеет. Как бесконечна вселенная, так бесконечна будет борьба людей за жизнь против слепой природы. История ещё не начиналась по-настоящему»¹⁹. Позднее он вполне мог считать научную фантастику «низким» жанром, однако, конечно, не терял ее из виду, более того, осмыслял эту проблематику в широком историческом контексте²⁰.

Так что «афантастичность» рассказа представляется нам сознательным художественным «акцентом»: Назиров возвращается к исходной проблематике утопии, что подчеркивается и сознательной аллюзией в заголовке на ренессансную утопию Т. Кампанеллы. Тем самым его рассказ помещается как бы на границе утопии «классического типа» и утопии XX века, синтезированной с фантастикой²¹.

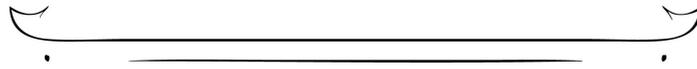
Один из важнейших смыслов традиционной утопии, помимо демонстрации устройства идеального общества, — указание на ущербность общества существующего, моральная, социальная, политическая скрытая или явная критика и противопоставление настоящему умозрительного будущего. Собственно, это качество определяло частый для классической утопии оппозиционный характер (особенно, конечно, для социалистических утопий XIX века).

Советская утопия на этом фоне предстает как попытка реформировать традицию, построить модель будущего, не конфликтующую с настоящим. Рискнем высказать предположение, что степень литературной самобытности советской утопической фантастики зависит от присутствия в её структуре частного авторского несогласия с коллективным представлением о настоящем или о будущем. Во первом случае мы имеем дело именно с утопической мыслью в её традиционном виде (настоящему противопоставляется *свое* будущее), во втором — с тем, что современная гуманитарная наука определяет как дистопию (*общей* картине будущего противостоит *индивидуальная*). При этом внутренний конфликт дистопии гораздо драматичнее (по крайней мере в потенции), поскольку антиутопия, акцентируя негативные тенденции

¹⁹ Дневниковая запись от 16 февраля 1952 (АРГН, оп. 4., д. 2, л. 301). Кстати, эта запись как раз и может свидетельствовать о чтении Назировым советских фантастов. Упомянутая «станция» могла в его сознании появиться, например, из повести А. Беляева «Звезда КЭЦ».

²⁰ См., например, его статью «Сюжет как компромисс» (Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. № 1—2 (43—44). С. 61—69), в которой он бегло прослеживает истоки характерной для фантастики (он прямо использует в данном месте термин *science fiction*) темы дегуманизации человека и его подмены.

²¹ См. о разграничении классической утопии «сохраняющей традиционную структуру социологического трактата, оживленного элементами беллетристики» и утопии как разновидности социальной фантастики: Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М.: МГУ, 1999. С. 72 и далее.

общественного развития, апеллирует все-таки к идеалу (то есть к некоему *общему* смыслу)²². В дистопическом же столкновении идеалов побеждает обычно именно массовое представление, но сама эта победа в литературном изображении обретает зловещие, если не трагические черты²³.

Нужно также подчеркнуть, что такое несогласие индивидуума с коллективным сознанием и/или с законами истории вовсе не обязательно приводит к политической нелояльности. Мы имеем в виду более глубокое явление, относящееся, скорее, к сфере антропологии, чем политики.

Вопрос в том, как проявляется (и проявляется ли вообще) оно в рассказе Назирова.

Отчасти это проясняется при анализе одной интересной интертекстуальной параллели, которую мы обнаруживаем в следующем фрагменте рассказа:

Девушка в саду срезает влажные розы. Она рассеянно слушает известия и напевает песенку, которую только что придумала. Маленькая лакированная коробка телеприёмника стоит на песке дорожки.

Внезапно девушка перестает петь. В недоумении наморщив лоб, она склоняется к телеприёмнику. Диктор рассказывает странные вещи.

— В Центральной Европе при закладке нового города экскаваторы задели сооружение из грубого металла эпохи угольной металлургии. Робот-инженер сигнализировал начальнику строительства и археологам. Последние установили, что сооружение относится к двадцатому столетию, — диктор сделал небольшую, но эффектную паузу. — Когда перекрытие разрезали, под ним нашли лежащие в различных положениях скелеты людей с остатками истлевшей одежды, ремней и старинной кожаной обуви до колен. Пол помещения усыпан продолговатыми стеклянными сосудами, металлическими значками в виде своеобразных крестов и старинными орудиями убийства. Спектральный анализ показал, что продолговатые сосуды служили для хранения малоизвестных соединений этилового спирта. Мнения исследователей разделились: одни утверждают, что открыто групповое захоронение, другие — что это варварское жилище, в результате землетрясения лишённое выхода на поверхность земли. В том и другом случае находка представляет несомненный...

Девушка выключила телеприёмник и пожала плечами. Чем только не увлекаются люди! Камнями, поднятыми с океанского дна, кусочками холста, покрытыми масляной краской, книгами, отпечатанными на листах прессованной древесины, и даже центральноевропейскими захоронениями!

²² См. об этом у С. Лема, в рамках концепции которого полюсом утопии служит именно дистопия (а не антиутопия, как в привычном понимании проблемы): Лем. Фантастика и футурология. Кн. 2. М., 2008. С. 485—492.

²³ Показателен в этом контексте пример братьев Стругацких и их творческой эволюции от утопии «Страны багровых туч» и «Стажеров» (где эта утопия уже подвергается сомнению) до антиутопии «Обитаемого острова» и более поздних дистопий («Града обречённого», в меньше степени — «Волны гасят ветер»).

⌒
⌒

Основной функциональный смысл этого фрагмента — резкий контраст описываемого будущего и хорошо знакомого читателю и автору настоящего (или недавнего прошлого? Не нацистские ли «своеобразные кресты» имеются у Назирова в виду?) Однако нам более интересна собственно идеологическое наполнение рассказа, которое проявляется при анализе диалогической связи этого эпизода с его претекстом — романом И. А. Ефремова «Туманность Андромеды».

В главе «Стальная дверь» Ефремов подробно описывает открытие и изучение огромного подземного «Убежища культуры», относящегося к концу так называемой «Эры разобщенного мира», в футурологической концепции писателя непосредственно предшествовавшей эпохе социальных потрясений и установлению нового социального порядка. По контексту понятно, что убежище было построено какой-либо «капиталистической страной». Ефремову этот эпизод служит для развернутой политической критики. При этом автор «Туманности Андромеды» избегает слишком резких деталей: трупов и «малоизвестных соединений этилового спирта» в его описании нет. Оружие, впрочем, упоминается:

— В первом зале — образцы машин, во втором — техническая документация к ним, в третьем — как бы это сказать... ценности эпохи, когда еще существовали деньги. Что ж, соответствует схемам.

— Где же ценности в нашем смысле? Высшие достижения духовного развития человечества: науки, искусства, литературы? — воскликнула Миико.
— Надеюсь, что они за дверью, — спокойно ответила Веда, — но не буду удивлена, если там окажется оружие.

— Что, что такое?

— Вооружение, средства массового и быстрого истребления.²⁴

У Ефремова смысл эпизода — именно контрастное сопоставление утопической «Эры кольца» и «Эры разобщенного мира» (собственно, несовершенного настоящего времени автора). Большой сюжетной роли у этой главы нет, по сути, это — иллюстрация авторской мысли.

У Назирова археологическая находка будит спящую историческую память, в итоге заставляя героиню обратиться с вопросом к свидетелю прошлого — Последнему Командору:

Девушка была очень молода. Больше всяких изысканий и памятников старины её интересовали проблемы мирового языка и скоростные соревнования по замкнутому экваториальному маршруту. И всё же диковинный рассказ диктора оставил в её памяти крохотное зёрнышко раздумья.

Обратим внимание на интересное противоречие: в рассказе говорится, что именно молодежь активно интересуется историей (см. цитату ниже), однако героине незнакомы даже теоретически ни быт прошлого, ни сама история становления (sic!) того будущего, в котором она живет. В финале назировской зарисовки как раз и

²⁴ Ефремов И. А. Туманность Андромеды. С. 325—326.

описывается рождение ее интереса к этой проблеме:

Мужчина с розами и его спутница уселись на солнечной стороне. Девушка наклонилась к его уху:

— Расскажи мне, что происходило в мире перед основанием Города Солнца?

Стальные глаза мужчины тотчас потемнели. На мгновение в них мелькнули ярость и боль. Он машинально поднёс руку к щеке, и кончики пальцев коснулись рубца. Странные размышления отражались на его лице, словно блики невидимого пламени. В этот момент стал явственным его возраст — возраст последнего из основателей Города.

— Это очень длинная и скверная история, если рассказывать подробно, — вполголоса ответил он.

Девушка вздохнула. Последний Командор принадлежал к тому исчезающему типу людей, которые не любят говорить о прошлом. Молодые рассуждали на исторические темы охотно и многословно. Девушка колебалась. Мужчина ждал. Наконец, настойчиво глядя на него она задала второй вопрос:

— ПРОСТИ МЕНЯ, ДЕДУШКА, НО Я ХОЧУ ЗНАТЬ, ЧТО ТАКОЕ «ОРУДИЯ УБИЙСТВА».

Обратим внимание на то, что предполагаемая революция (при этом, видимо, весьма кровавая; см.: детали — «скверная» история, «рубец», «ярость и боль») произошла сравнительно недавно: её свидетель — всего лишь *дедушка* героини.

Для сравнения: Ефремов первоначально отнёс своё идеальное будущее на тысячи лет вперёд, а в итоге — сделал свой прогноз просто неопределенно оптимистическим: «Еще в процессе писания я изменял время действия в сторону его приближения к нашей эпохе. Сначала мне казалось, что гигантские преобразования планеты и жизни, описанные в романе, не могут быть осуществлены ранее чем через три тысячи лет. <...> При доработке романа я сократил намеченный сначала срок на тысячелетие. <...> все определенные даты в «Туманности Андромеды» изменены на такие, в которые сам читатель вложит свое понимание и предчувствие времени»²⁵.

Потому в «Туманности Андромеды» совершенно органично выглядит незнание героев о прошлом, а совершившийся разрыв с этим прошлым — радостен. У Назирова же разрыв с прошлым, внезапно осознанный героиней, как раз и нарушает утопическую безмятежность ее мировоззрения. Подспудная тема забвения прошлого трактуется в рассказе «Утро в городе Солнца» полемически по отношению к Ефремову.

Возникает многозначительная коллизия: молодежь интересуется историей при полном её незнании. При этом Командор, последний свидетель прошлого, *не хочет* об этом прошлом говорить (обратим внимание, что рассказ кончается вопросом, а не ответом)

²⁵ Ефремов И. А. Туманность Андромеды. С. 3—4.

⌒
⌒

Обратим внимание на это определение — «скверная» история. Для самого Назирова в контекст «скверной» истории прошлого, без сомнения, входит и трагическая коллизия семьи родителей, попавших в жернова поддержанной ими революции. Через несколько лет после этого рассказа он в письме (черновик сохранился в архиве) югославскому диссиденту Михаилу Михайлову напишет (декларируя при этом лояльность советскому строю!):

Заметьте, что я не анализирую всю последующую историю. Кровь моего отца не остынет, я помню всё. Но для начала я считаю революцию и Ленина величайшими положительными явлениями в истории этой страны. Да, это была трагедия. Да, многие тогда погибли безвинно, многие были выброшены из своего дома. Расстреливали заложников, судили ускоренным судом и т. д. А когда в России не убивали, когда не расстреливали? В историях великих народов (всех!) скользко от крови. Может, права Марина Цветаева, что ещё Пётр Алексеевич, ревнитель ассамблей, был родоначальником Советов?²⁶ Интересно, как Вы относитесь к Петру? Я считаю, что он был положительным явлением.²⁷

Примерно тогда же тема исторической памяти в его сознании приобретает помимо биографического, ещё и культурологическое измерение: «Нужна традиция, русская традиция, из нее невозможно вычеркнуть Гумилева, Ахматову, Пастернака, Мандельштама, Цветаеву. Это мост со старой культурой, необходимая связь. Белла Ахмадулина — тоже на этом мосту».

Совершенно очевидно, что в художественном мире «Утра в городе Солнца» таких «мостов» нет, и Назиров это отсутствие, конечно, оценивает негативно. Так эксплицируется итоговая мысль: наступающее утопическое будущее, в которое Назиров в пору «оттепели», несомненно, верил и с которым соглашался как с исторической необходимостью (лейтмотив его переписки с Михайловым), вступало в противоречие с его собственным, частным видением общественного и культурного идеала.

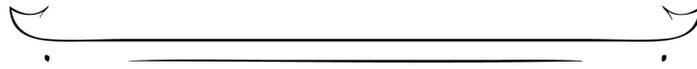
Таким образом, в рассказе «Утро в городе Солнца» присутствует несвойственный утопии элемент сомнения в собственном идеале. Если добавить к этому уверенность в неизбежности этого идеала, то становится очевидной присутствующая в рассказе дистопическая тенденция.

Это в значительной степени проясняет динамику интеллектуальной и культурно-политической эволюции Назирова. Становится, например, ясно, что ещё до трехлетнего пребывания в аспирантуре МГУ, он уже был вовлечён (по крайней мере, на уровне внутренней творческой лаборатории) в процесс переосмысления культурно-политических ориентиров советского общества.

Кроме того, совмещение элементов утопии и дистопии в рамках одного текста ставит рассказ Назирова в контекст характерных для оттепельной литературы

²⁶ Сноска Р. Г. Назирова: «Лебединый стан». Все подчеркивания в цитате также принадлежат Назирову.

²⁷ АРГН, оп. 4., д. 8 «Дневник 1965 г.», л. 0135.

размышлений и попыток скорректировать искомый общественный идеал. Если уж Назиров определил свой рассказ как «фантастическую новеллу» уместно выбрать из многих подобных вариаций принадлежащую к фантастическому же контексту.

Ключевая тема «Утра в городе Солнца» — тема забвения прошлого в утопическом будущем — находит в этом контексте свою параллель. В знаменитом романе уже упоминавшихся братьев Стругацких «Трудно быть богом», главный герой, рожденный в утопическом мире коммунизма, сталкиваясь со средневековым чужой планеты, размышляет: «А как пахли горящие трупы на столбах, вы знаете? А вы видели когда-нибудь голую женщину со вспоротым животом, лежащую в уличной пыли? А вы видели города, в которых люди молчат и кричат только вороны? Вы, еще не родившиеся мальчики и девочки перед учебным стереовизором в школах Арканарской Коммунистической Республики?»²⁸ Заметим, что у Стругацких тема получает дополнительное сюжетное и идеологическое развитие: забвение прошлого и новое, тяжелое знакомство с ним приводит героя романа к душевной и жизненной катастрофе. В прозаической миниатюре молодого советского журналиста Назирова такого развития, видимо, не могло быть. Но оно, без сомнения, есть в «сюжете» биографии (а возможно, и в неисследованных еще глубинах архива) Назирова — историка культуры, автора «Становления мифов...»

²⁸ Стругацкие А. Н. и Б. Н. Трудно быть богом // Далекая радуга. Фантастические повести. М., 1964. С. 282.

Рецензии

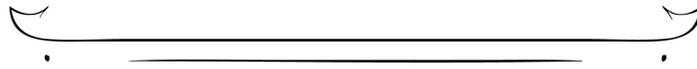
Уляшев О.И.

Институт языка, литературы и истории Коми
НЦ УрО РАН

Самообманы цивилизации или
самоосмысление культур?

(Рецензия на монографию:

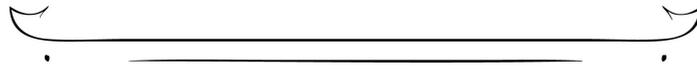
«Назиров Р.Г. Становление мифов
и их историческая жизнь. Уфа, 2014»)

Коллективом исследователей (Б. В. Ореховым, М. С. Рыбиной, С. С. Шауловым) по архивным вариантам авторской рукописи Ромэна Гафановича Назирова (1934—2004 гг.), литературоведа и фольклориста, в научных кругах известного преимущественно работами по творчеству Ф. М. Достоевского, подготовлена к изданию монография «**Становление мифов и их историческая жизнь**». Редакторы и составители монографии с сожалением отмечают, что шестнадцать статей Р. Г. Назирова, опубликованные в 1980—1990-х годах и посвящённые генезису и трансформациям фольклорных сюжетов и мотивов¹, широкого распространения среди специалистов не получили. Если рассматривать научную ценность работ этого автора с точки зрения популярного ныне «индекса цитируемости», составители всецело правы: ссылок на указанные статьи в работах литературоведов, фольклористов, этнографов, а тем более, представителей других гуманитарных дисциплин, крайне мало.

Очевидно, что этому есть несколько причин, и первой из них является форма авторского изложения материала, с её упрощённостью обобщений и логических переходов, с тезисностью и аксиоматичностью, которые более свойственны устной речи (сообщение, доклад, лекция, диспут). Эти лексико-стилистические особенности не совсем соответствуют общепринятому научному стилю, с характерным «коллегиальным» авторством, отстранённостью от объекта исследования («нами изучено», «нами исследовано», «в ходе нашего анализа выявились» и т.д.), с обилием специфических научных оборотов и терминов (не всегда уместных, а иногда избыточных). Разумеется, на фоне «академической стилистики» внешняя простота

¹ «Наглядная дипломатия» и предметное иносказание в фольклоре и литературе (к постановке вопроса) // Фольклор народов РСФСР. Вып. 7. Уфа, 1980. С. 66—74; Яблоко и гранат в мифах и сказках разных народов // Фольклор народов РСФСР. Вып. 8. Уфа, 1981. С. 17—23; Череп на шесте. Международные параллели к одному русскому сказочному мотиву // Фольклор народов РСФСР. Вып. 9. Уфа, 1982. С. 33—43; Шаманский бубен и запертое горе // Фольклор народов РСФСР. Вып. 10. Уфа, 1983. С. 11—18; Сказочные талисманы невидимости // Фольклор народов РСФСР. Вып. 11. Уфа, 1984. С. 19—33; Нарисованная лодка (к вопросу о происхождении одного фантастического мотива) // Фольклор народов РСФСР. Вып. 12. Уфа, 1985. С. 19—23; Возрождение из костей в мифах и сказках // Фольклор народов РСФСР. Вып. 13. Уфа, 1986. С. 28—35; Запрет оглядываться (к происхождению фольклорного мотива) // Фольклор народов РСФСР. Вып. 14. Уфа, 1987. С. 31—38; Бесценная уздечка (об одном неясном мотиве в исторической песне «Щелкан») // Фольклор народов РСФСР. Вып. 15. Уфа, 1988. С. 18—23; Истоки сюжета «Кашеева смерть в яйце» // Фольклор народов РСФСР. Вып. 16. Уфа, 1989. С. 31—40; Избушка на курьих ножках // Фольклор народов РСФСР. Вып. 17. Уфа, 1990. С. 5—12; Сюжет об оживающей статуе // Фольклор народов РСФСР. Вып. 18. Уфа, 1991. С. 24—37; Хрустальный гроб // Фольклор народов РСФСР. Вып. 19. Уфа, 1992. С. 83—89; Генезис и пути развития мифологических сюжетов // Фольклор народов России. Вып. 21. Уфа, 1995. С. 138—166; Средневековое мифотворчество // Фольклор народов России. Вып. 22. Уфа, 1997. С. 65—74; Специфика художественного мифотворчества Достоевского: сравнительно-исторический подход // *Dostoevsky Studies. The Journal of the International Dostoevsky Society. New Series. V. III. Tübingen, 1999. P. 87—98.*

изложения может восприниматься несколько примитивистской или компиляторской, что вполне могло вызвать некоторое предубеждение к работам Р. Г. Назирова, к их недооценке, отразившейся в слабой цитируемости. Между тем, ознакомившись с трудами коллеги настоятельно советовал своим аспирантам исследователь фольклора народа коми, эпосовед Анатолий Константинович Микушев. В 1988 году, рекомендуя мне обязательный к изучению список исследований по фольклору и мифологии, А.К. Микушев отдельно остановился на статьях Р. Г. Назирова в «Фольклоре народов РСФСР», дав краткую характеристику:

«Назирова пишет просто о сложном. Вам будет полезно. В дальнейшем, после Назирова, встречаясь со сложноизложенными теориями, вы не будете блуждать в терминологических хитросплетениях и словесных лабиринтах. Статьи Ромэна Гафановича написаны как лекции, в них всё предельно ясно разложено по полочкам».

Действительно, что касается ясности и простоты, то они проявляются и в общей структуре рецензируемой монографии (разделы, представляя собой развёрнутые самостоятельные статьи, в то же время логично связаны между собой), и в кратких, неосложнённых предложениях, и в изначальных опорных теоретических моментах, уже рассмотренных российскими мифологами и эпосоведами: Е. А. Костюхиным, Е. М. Мелетинским, В. Я. Проппом, В. Н. Путиловым, В. Н. Топоровым и т. д. Исследователи и до Р. Г. Назирова много писали об этиологичности, антропоцентризме, реалистичности мифа, о его основной функции (пространственно-временной, эстетической, этической и т.д.) космоизации человеческого мира². А потому, в исходных своих позициях автор «**Становления мифов...**» не совсем оригинален и даже в своей краткости несколько реферативен.

Впрочем, в такой организации научного исследования нет ничего предосудительного или странного. Культуролог и психоаналитик П. Рикёр различал два способа понимания текста: *понимание, как способ познания, и понимание как способ бытия*, которое он называл путём **онтологии понимания** здесь и далее, жирным шрифтом выделено мной — О. У. или «коротким путём», поскольку исследователь, придерживающийся «короткого пути», *«отказываясь от дебатов о методе, сразу переносится в план онтологии конечного бытия»*³. Этот

² Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976; Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986; Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избр. ст. М., 1976; Путилов В. Н. Проблемы типологии этнографических связей фольклора // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977; Путилов В. Н. Фольклор и народная культура: IN MEMORIAM / Сост. Е. О. Путилова. СПб: Петербургское Востоковедение. (Ethnografica Petropolitana. IX). 2003; Топоров В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов (Палеолитическая эпоха) // Ранние формы искусства. М.: Искусство. 1972. С.77–103; Топоров В. Н. Миф, ритуал, символ, образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

³ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995. С. 7.

хайдеггеровский способ **онтологического понимания** во многом характерен и для Р. Г. Назирова:

«Первобытный миф принципиально этиологичен и принципиально повествователен. Однако в людском первобытном стаде, на низкой стадии языкового развития, мифу предшествовали эмоции и представления. Они выражались в языке, но вербализация была минимальной» (С. 13).

Никаких доказательств, никаких промежуточных рассуждений. Автор аксиоматически выдвигает некие общие положения как данное (подразумевая их общеизвестными и вполне доказанными предшественниками), чтобы далее решать собственные задачи. За отправную точку в исследовании мифа Р. Г. Назиров берёт теорию единства мышления и речи В. Гумбольдта о том, что процесс словотворчества является одновременно мифотворчеством, которое в свою очередь представляется **первичной формой мышления**. Затем автор поступательно разворачивает этот тезис, вовлекая в орбиту анализа труды исследователей и мыслителей, так или иначе связанных с мифом, мифологией и мифологическим мышлением. При этом он пользуется доступным (даже для неспециалистов) научным языком и минимально необходимыми терминами.

Оттолкнувшись от критики Э. Ренана⁴, который не дифференцировал, по мнению Р. Г. Назирова, *«начало языка и его постепенное развитие»*, автор выходит в область рефлексов, эмоций и «рефлекторной памяти», как базовых для генезиса и трансформации языка и культуры феноменов:

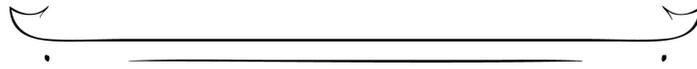
«Становление языка, взаимопорождение языка и культуры — очень длительный, многоступенчатый процесс.

Память старше языка: феномены памяти, ещё на рефлекторной основе, формируются у животных. Британский антрополог Гарри Джонсон, подчёркивая физический контраст между неандертальцами и кроманьонцами, высказал ошеломляющее предположение, что смутное расовое припоминание (*the remembrance*) о гориллоподобных каннибалах-неандертальцах могло быть зерном фольклорного представления о великане-людоеде (*the ogre*). Некоторые представления вида *Homo Sapiens* оформились в процессе вербализации биологических инстинктов и эмоций.

Эмоции изначальны». (С. 13)

Неоспоримо то, что такие проявления высшей психической деятельности человека, как язык, речь, мышление (и их продукт — творчество во всех своих проявлениях), генетически восходят к первичным эмоциональным, инстинктивным и рефлекторным процессам. Однако же, в работе Назирова привлекает внимание любопытное словосочетание **«рефлекторная память»**, частично раскрытое через последующую ссылку на предположение Г. Джонсона о происхождении мифических образов великанов-людоедов, в которых якобы сохранилась *рефлекторная память* о

⁴ Ренан Э. Сочинения. Т. 6. Киев, 1902. С. 31.

неандертальцах. Понятие «рефлекторная память», на которой, по Назирову, основаны мифологические представления и мифологическое мышление⁵, с одной стороны, сближается с юнговскими «архетипом» и «коллективным бессознательным»⁶, а с другой стороны, принципиально синонимично термину «глубинное коллективное сознание», которым оперирует математик и философ В. В. Налимов, определяя культуру, как «единое поле сознания, общее для этносов и этнических групп, включённых в единую среду обитания и непрерывно взаимодействующих с данной средой»⁷. В. В. Налимов описывает культуру и мифологические представления в параметрах и терминах математической науки:

«Культура — глубинное коллективное сознание, уходящее своими корнями в необозримо далёкое прошлое, — образует размытую мозаику представлений, над которыми задана функция распределения вероятностей»⁸.

Р. Г. Назиров то же самое выражает проще, но и детальнее, включая в понятие **рефлекторной памяти** ещё и **эмоциональную** составляющую, поскольку формирование образов и представлений происходит в рамках эмоционально-чувственного освоения действительности, в результате которого возникает мифическая действительность, не осознающаяся самим мифологическим сознанием вторичной или ирреальной.

«Представления обогащались и дополнялись путём распространения эмоций; развитие языка совершалось в форме мифов, но, по-видимому, крайне элементарных. Фраза — протоформа сюжета». (С. 13)

Определяя «элементарно-ядерный» характер первичных мифов, далее автор декларирует их структурирующее, организующее значение в любом культурном деянии (творчестве, творении) человека:

«Любое человеческое творчество начинается с мифологизации желания. Само по себе желание — это ещё не активность, оно может излиться в мечту, депрессию, фрустрацию. Миф переводит желание в план воли, служа самопрограммированию человечества в его культурной деятельности. Миф нацеливает и организует» (С. 25).

Несмотря на возникающую иллюзию о жёстко-программирующей функции мифологии, сама она, по Назирову, не является совокупностью сюжетно

⁵ Возможно, понятийное поле этого термина частично перекрывается полем более современного термина «генетическая память», однако же, последний ближе к **бессознательно-телесному**, нежели к **бессознательному уровню интеллекта** (= **коллективное бессознательное** или *Unbewust*).

⁶ Jung C. G. Man and his Symbols. New York: A Windfall Book, 1983.

⁷ Налимов В. В. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993.; Налимов В. В. Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989.

⁸ Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М.: Мир идей, 1995.

структурированных текстов, поскольку изначально мифы представляют собой метафорические, краткие (в первую очередь, этиологические) мотивы, эмоционально окрашенные и придающие смысл и направление отдельным феноменам окружающего мира.

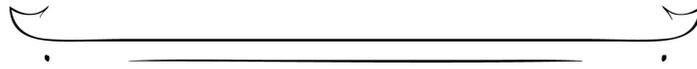
«Рождение мифа загадочно. Сюжетность не возникла вместе с языком. Первобытное общение людей не знало вымысла; сообщения о происхождении мира и его элементов мыслились как безусловно достоверные. Архаический миф был правдой, «изначальной, более великой и более важной действительностью». Первые мифы были краткими и не строились в причинно-следственном порядке: значит, к ним не применимо понятие сюжета. Уже поэтому в истории мифа необходимы качественные различия» (С. 12).

Вероятно, в этом заключается вторая серьёзная причина слабой популярности работ Р. Г. Назирова. В советской фольклористике, в дискуссиях 1930—40-х годов между сторонниками двух противоположных взглядов на фольклор, верх одержала теория Н. П. Андреева и Ю. М. Соколова, которая ограничивала фольклор рамками устнопоэтических художественных текстов⁹. В русле соколовской теории единственно возможным представляется изучение развёрнутых мифологических нарративов, связанных друг с другом тематически, сюжетно и композиционно, в которых действия и функции персонажей непротиворечивы и художественно логичны, а отдельные мифологические рассказы циклично связаны друг с другом, как главы одного романа. Даже такой крупный теоретик, как Е. М. Мелетинский, далеко не всегда учитывал изначальную бессюжетность мифологии, обращая внимание преимущественно на текстологические особенности мифов.

Р. Г. Назиров, будучи не только замечательным литературоведом, но и человеком обширных энциклопедических взглядов, видит огромную разницу между литературными формами и фольклорными явлениями, выходящими далеко за пределы *«изустной народной литературы»*, поэтому в изучении фольклорно-мифологических мотивов он следует за сторонниками теории *«фольклора как традиционной культуры»*: М. К. Азадовским, А. М. Астаховой, П. Г. Богатырёвым, В. Я. Проппом¹⁰. Именно по этой причине исследователя мало

⁹ Андреев Н. П. Великая Октябрьская революция и народное творчество // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. № 6. / Отв. ред. М. К. Азадовский. М.-Л., 1939; Соколов Ю. М. Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор: Орган фольклорной подсекции литературной секции Государственной академии художественных наук. Вып. 1. М., 1926; Соколов Ю. М. Фольклористика и литературоведение // Памяти П. Н. Сакулина: Сб. статей. М., 1931.

¹⁰ Азадовский М. К. Место и роль фольклора в организации краеведческих исследований // Тр. Первого (Сибирского) краевого научно-исследовательского съезда. Т.5. Новосибирск, 1928; Азадовский М. К. Советская фольклористика за 20 лет // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. Т.6 / Отв. ред. М. К. Азадовский. М.-Л., 1939; Астахова А. М. Дискуссия о

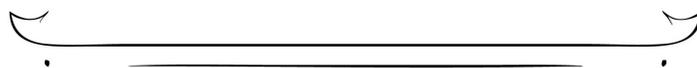
интересуют структурно и композиционно сложившиеся устнопоэтические или литературные формы вроде классической античной мифологии, или мифологически подпитываемой литературы европейского классицизма. Только в осмыслении мифа, как формы мышления и как вектора культурно-исторических процессов, можно понять и осмыслить миф в самом себе, миф как данное, а не как корпус отшлифованных и отредактированных художественных текстов.

Подобный расширенный подход к мифологии не даёт Р. Г. Назирову ограничить её рамками и доисторического прошлого человечества, мифы которого он считает первичными (ядерными) формами онтологического сознания и процесса познания (миф как **метафора** и как **фраза**), но не застывшими, а развивающимися формами. Стадиальность и поэтапность развития мифологического мышления и мировой культуры, целиком основанной на мифологических представлениях, оказываются весьма условными, поскольку миф, будучи основным способом самоосмысления, самоосознания и самоопределения людей в окружающем мире, адаптируется к изменяющимся природно-историческим условиям человеческого существования избирательно спонтанно, а не каузально (т.е. не повинаясь строгой причинности). В сохранившихся древних мифологиях (угро-самодийцев, палеоазиат, тюрков, американских индейцев и т.д.) не наблюдается той строгой логической связности текстов и жёсткой функциональной привязки персонажей, которая существует, например, в классической античной мифологии, структурированной поздними литературно-художественными, театральными и живописно-аллегорическими трактовками и переработками.

В архаичных мифах каждый образ в тех или иных ситуативно-текстовых вариантах может проявиться могущественным божеством, демиургом, трикстером, эпическим героем, а в сказочных реализациях — и вовсе *«слюнявым-сопливым мальчиком»*, *«паршивым юношей»* или *«дурачком»*. У упомянутых народов существуют тексты, в которых происходит постоянная метаморфоза образов: в одном и том же сюжете персонаж может обретать и мифологическое величие, и героическую эпичность, и заниженность сказочного дурачка¹¹. Достаточно сослаться на некоторые сказочно-мифологические тексты и традиции их сказывания у обских угров (манси и ханты). Угорские сказки, с присущей им фантастичностью и формульностью, могут неожиданно перемежаться или завершаться фрагментами сугубо мифологическими, этиологическими, поясняющими появление тех или иных явлений, объясняющими, отчего в тех или иных местах стали почитать то или иное божество. Иногда сказочник прерывает свою речь и просит удалиться из помещения женщин или детей, поскольку

сущности и задачах фольклора в Ленинградском институте речевой культуры (ИРК) 11 июля 1931 г. // Советская этнография. № 3—4. 1931; Богатырёв П. Г. Вопросы теории народного искусства. М: Искусство, 1971; Пропп В. Я. Морфология сказки // Вопросы поэтики. Государственный институт истории искусств, Вып. 12. Л., 1928.

¹¹ Именно метаморфозу Р. Г. Назиров считает ядром мифологии: *«Заклинание или загадка — обычный центр сказки, как метаморфоза — царица мифологии»* (С. 28).

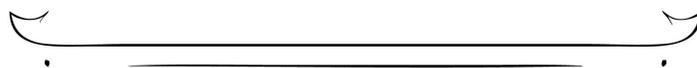
отдельные части сказки являются сакрализованными и табуированными для определённой части сообщества. В фольклорах европейских народов сказочная и несказочная проза, сказка и миф уже не существуют в таком едином формате. Европейские сказочные герои настолько демифологизированы, что требуются сложные реконструкции и проведение широких параллелей для выявления сюжетов и мотивов, формально единых и для сказок, и для мифов.

В названиях статей Назирова 1980—1990-х годов, послуживших фундаментом для разделов «**Становления мифов...**», явственно просматривается их тесная связь со сказочным фольклором. И действительно, статьи посвящены не столько мифологическим текстам, сколько реконструкциям мифологических представлений на материале сказочных мотивов и сюжетов. Р. Г. Назиров, опираясь на выводы Е. М. Мелетинского о трудноустановимом различии между мифом и сказкой в архаичном фольклоре (С. 20), разворачивает мотивы и действия сказочных персонажей, доходя до первоисточков, мифических протообразов и протомотивов. Анализируя работы предшественников, изучавших взаимосвязи между мифом и сказкой, исследователь кратко знакомит читателя с историей сказковедения, начиная от идей братьев Гримм о сказке, как «деградировавшем мифе»¹², и «позднего» А. Н. Веселовского о том, что «сказка древнее мифа» (С. 36). В попытке примирить два противоположных вывода, свести их воедино или хотя бы найти точки соприкосновений и расхождений автор обращается к различиям между «первобытным мифом» и «тотемической сказкой», «этиологическим мифом» и «этиологической сказкой» и приходит к нескольким важным выводам:

1. «родовая общность формируется мифом»;
2. «древнейшая сказка — это разновидность мифа»;
3. «сказки о животных и обманутых демонах отражают эру тотемизма и стадильно предшествуют развитой мифологии»;
4. «сюжеты древнейших сказок связаны с охотничьими наблюдениями, они далеки от позднейшей развлекательной сказки»;
5. «многие сказки были этиологичны, как и мифы, но их этиология была фрагментарной, она давала не объяснение мира в целом, а объяснение самых простых и привычных вещей»;
6. «с другой стороны, сказка может происходить от мифа».

В качестве примера к последнему выводу автор анализирует происхождение сказочного сюжета «Спящая красавица» (АТ 140) от мифологического мотива

¹² Мысль о том, что сказка отражает обряд посвящения и рождается из мифа, высказывалась Дж. Дж. Фрэйзером, П. Сентивом, С. Я. Лурье, Б. В. Казанским, В. П. Аникиным, А. А. Потебнёй. В частности, см.: Аникин В. П. Русская народная сказка. М., 1977; Потебня А. А. Эстетика и поэтика / Сост. И. В. Иванько, А. Н. Колодной. М., 1976 и др. Подобные предположения высказывались и упомянутым здесь А. Н. Веселовским: Веселовский А. Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // Соб. соч. Т. 16. (Статьи о сказке). М.-Л., 1938.

«пробуждение валькирии» и обрядовых «прыжков через купальские костры» (С.37). Здесь же Р. Г. Назиров пишет о двух важнейших отличиях между архаичными сказками о животных, для которых характерны **открытый финал** и **доморальность**, и позднейшими волшебными сказками с **циклически закрытым финалом** и **назидательностью**. Затем, сославшись на труды В. Я. Проппа и О. М. Фрейденберг¹³ о происхождении некоторых сказочных сюжетов и мотивов из обрядово-ритуальных практик (календарных, инициальных, брачных, погребальных) с их мифологическим обоснованием, автор возвращается к выводу о несводимости мифа ни к сложноструктурированному вербальному тексту, ни к обряду, несмотря на тесную связь с ними:

«Возражения против обрядовой теории мифа сводятся к проблеме точного определения. Миф — всеобъемлющая система миропонимания. Но сначала это понимание было фрагментарным; цельная мифологическая система — это результат долгой культурной эволюции. Да, первобытное мышление мифологично, человек осмысляет мир через собственную телесность и слабо отличает себя от «не себя» (диффузия субъекта и объекта). Но если миф есть этиологический рассказ, то нет оснований считать, будто он появился раньше некоего действия, действия, обряда». (С. 29)

Общие выводы Назирова близки выводам К. Леви-Стросса:

*«мифы и сказки существуют бок о бок, один жанр не может считаться пережитком другого, ... миф и сказка преобразуют одну и ту же субстанцию, но делают это каждый по своему ... Отношение между мифом и сказкой — это отношение дополнительности».*¹⁴

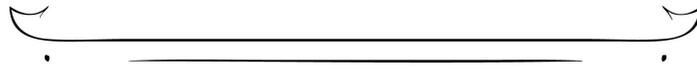
В целом же для автора монографии каждый отдельный мифологический текст, мотив, образ представляется относительно автономным пучком смыслов, проясняющим определённый момент действительности, конкретный феномен бытия или «квант» человеческого существования в контексте целостной картины мира. Отсюда акцентирование Р. Г. Назировым внимания не на стабильных (волновых) этапах исторического развития, а на переломных (узловых) моментах, в которых как раз и происходит качественное переосмысление и спонтанное изменение историко-культурных векторов.

Речь идёт именно о «волновых этапах», а не совсем о «неподвижных моделях», как пишут составители в предисловии («Сумма мифологии. Предисловие», С. 7), поскольку ход культурной истории человечества априори не может быть статичным.¹⁵ Мифология, как познавательная база культуры, подобно свету, обладает волново-

¹³ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Л., 1978. С. 96.

¹⁴ Леви-Стросс К. Структура и форма (Размышления над одной работой Владимира Проппа) // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985. С. 21.

¹⁵ Термины «мифологическая модель», «моделирование и реконструкция мифа» вполне допустимы, когда речь идёт об анализе мифологических текстов, о семантике образов, функциях мифологических персонажей, но не в данном случае, когда миф анализируется как процесс.

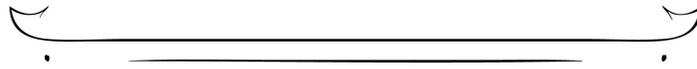

корпускулярными свойствами: в ходе культурно-исторического развития мифологические представления ситуативно реализуются в изменяющихся условиях (природно-климатических или историко-социальных) в разных вариантах. Миф, проявляя волновые свойства, может стабилизироваться и структурироваться в стабильно развивающемся обществе, но во времена кризисов и катастроф спонтанно меняет парадигмы, проявляя в эти моменты корпускулярные свойства. Именно в этой идее Р. Г. Назирова созвучны с концепциями А. В. Михайлова о «конфликтно-динамическом» и В. Б. Шкловского о «возвратно-прерывистом» развитии культуры, на что обращают внимание составители (С. 7). Здесь же происходит некоторое сближение и с теоретическими исследованиями А. Ф. Лосева, (С. 9) в которых через объективно-идеалистический анализ мифологических представлений вскрываются их базовый для культуры характер и их самостоятельность существования в качестве параллельной реальности¹⁶.

Таким образом, отказ автора от идеи стадийно-поступательного развития мифа не означает абсолютного отказа от проведения корреляций между мифологией, этапами развития культуры и сменами исторических эпох. Монография Назирова выстроена строго по хронологическому принципу, только исследование движется от одного «исторического узла» к последующему, минуя длительные периоды стабильности. Причём, «узловые моменты» автор выбирает согласно собственным представлениям о мифологическом сознании и его влиянии на культуру, на этико-эстетические и философские учения, на литературные процессы, на смену идеологических парадигм. Согласно исследователю, миф и культура, мифологическое и философское мышление, мифологемы и исторические периоды взаимосвязаны и находятся в состоянии постоянной взаимокорректировки. Оттого каждый историко-культурный экскурс автора связывает мифологию с философскими концепциями конкретного исторического периода. Так формируется многоплановый подход к предмету исследования и возникает объёмное видение проблемы. Миф, по мере своего развития и усложнения, формирует мировоззрение. Наиболее древняя, этиологическая функция мифа направлена на поиск **Предка всех вещей**, которая в культуре постепенно приобретает форму поисков **Первопричины** (Бога-создателя — в религиозных учениях, Логоса — в философских).

Завершение ледникового периода, по Назирову, породило астральные мифы (о «небесной охоте», «о небесной хозяйке»), в которых практические (эмпирические) знания о земных направлениях закрепились в «небесном компасе» (С. 15). Для евразийцев «миром мёртвых и злых духов» стал безжизненный север, для египтян — запад, с его мертвенно-сухой Ливийской пустыней. И в этом исследователь видит

¹⁶ Лосев А. Ф. 1991. Диалектика мифа // Философия, мифология, культура. М.: ИПЛ. С.44 —62. (Любопытно, что Р. Г. Назиров, отрицательно отзываясь о диалектике Гегеля, довольно терпимо относится к Лосеву, диалектика которого, особенно «раннего», абсолютно «гегельянская»).

самые архаичные, дофилософские, понятийно не оформленные, но «эмоционально окрашенные», попытки осмысления пространства-времени в их многомерности.

«Согласно Эрнесту Кассиреру («Философская антропология»), для мифологического мышления пространство и время были не чистыми и безразличными к содержанию формами, но «великими таинственными силами», которые властвуют над миром» (С. 16).

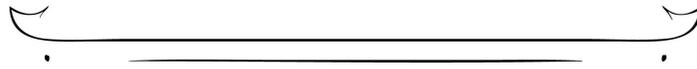
Вначале натурфилософские представления, а потом и философские понятия пространства-времени развиваются, по Назирову, одновременно как мифический символ и как математическое число.

«Бахофен сказал, что миф — истолкование метафоры. Полнее говоря, миф есть объяснительное развёртывание исходного антропоморфного символа. Противоположный процесс — свёртывание символа — превращает его в число. Мифология и математика — противоположные пути эволюции общеисходного символа» (С. 19).

Достаточно убедительно возникновение числовой символики рассматривается в главе «I. Миф как наивный реализм». Автор не только и не столько объясняет происхождение числовой символики¹⁷ и символизацию мифологического пространства, сколько демонстрирует сам процесс логизации (*мифо-логизации*) мира от антропоморфности до космологичности, от событийности до бытийности. Развитие мифа, согласно Назирову, есть постепенный переход от антропоморфного (психофизиологически обоснованного) объяснения происхождения мира к поиску Первопричины и Логике Бытия. Так, Назиров намечает метафорический и числовой пути познания мира, одинаково представляющие собой высокую степень абстрагизации мыслительного процесса и одинаково связанные с мифологией, как качественное и количественное измерение мифа. Точно так же «*Метафора*» и «*Число*» формируют все пять форм сознания: эстетическое, этическое, религиозно-мистическое, научное, мировоззренческое. «Число» порождает нумерологию, математику и через категории «пространства-времени» и «меры» подводит культуру к философии. «Метафора» порождает представления о красоте (через образ), о нравственности (через табуирование), и опять же через категории «пространства-времени» и «причинности» подводит к философии.

Отсюда повышенное внимание Р. Г. Назирова к философским теориям. Причём, на философское осмысление мифа автор выходит через исследования психоаналитиков (Ж. Лакана, З. Фрейда, К. Юнга и др.), соединивших психофизиологическое восприятие мира человеком (*антропоморфизм* мифологического сознания) через понятия «коллективное бессознательное» и

¹⁷ В тексте автор ссылается на Б. А. Фролова без указания конкретных работ. Связь сакральных чисел, цветов и форм, в частности, хорошо рассмотрена в объёмной статье [Фролов Б. А. Познавательное начало в изобразительной деятельности палеолитического человека // Первобытное искусство. Новосибирск, 1971].

«подсознательное» к архетипическому пониманию истоков культуры. Собственно, то, что называется психоаналитиками «архетипом», согласно логике исследований Р. Г. Назирова, вполне сопоставимо с первичными «архаическими мифами», слабо вербализованными порождениями «рефлекторной памяти». Связав психологию с социальной историей и сменой экономических формаций, автор исследует формирование таких глобальных культурных феноменов, как собственность, нравственность, религия. Причём, все стороны человеческой культуры, как материальной, так и духовной, рассматриваются в тесной связи, в сети взаимовлияний. Так, по Р. Г. Назирову, переход на оседлость и земледелие порождает не только частную собственность и социально-имущественную дифференциацию, но и тотем возвышает вначале до уровня культуртрегера, божественного родового покровителя, а затем и до Бога-создателя:

«...утвердилось право собственности, и началась этизация мифов — первое условие религии. Племенные боги-покровители защищают собственность, их значение растёт, и они начинают теснить культурных героев. Понятие «бог» связано с новой социальной структурой, с дифференциацией внутри племени, что выражено однокоренными русскими словами противоположного значения: «богатый» ↔ «убогий». Богу сначала приписывалось создание нового социального порядка, позже — сотворение мира. Бог — охранитель собственности» (С. 48).

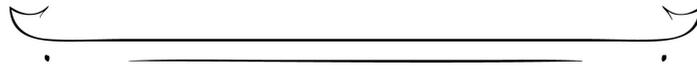
Образ «Праздного бога» (*Deus odiosis*) исследователь считает промежуточным между «культурным героем» и «инициативным создателем», поскольку праздные боги случайно <т.е. спонтанно — О. У.> творят, а затем удаляются от суеты человеческой жизни.

«Праздные боги» африканских мифологий после создания мира утрачивают интерес и к нему, и к людям. В мифологиях американских индейцев образ бога-творца не играет особой роли или полностью отсутствует» (С. 47).

Размышляя о формировании образа Бога-творца, Назиров дискутирует с Е. М. Мелетинским, подчёркивая важность дифференциации раннего мифа от позднего и, косвенно, — отличие мифологического объяснения мира от религиозного:

«Творение мира сначала выглядело забавной случайностью и совершалось как бы мимоходом. Акты первотворения могут быть результатом спонтанного превращения одних существ или предметов в другие, побочным плодом жизнедеятельности мифологических героев. Только в более развитых мифологиях утверждается инициативное созидание мира; тогда-то «превращение Хаоса в космос» и становится основным смыслом мифологии, как утверждает Мелетинский обо всей мифологии, противореча самому себе» (С. 48).

Для автора «**Становления мифов...**» этот момент очень важен, поскольку его главной задачей является анализ именно становления мифов, разворачивания из

первичного «мифологического ядра» текстуально оформленной мифологии и развития на почве мифологических представлений и исторического развития человечества культуры в целом, включая науку, религию, мировоззрение и философию, как вершину обобщающей человеческой мысли.

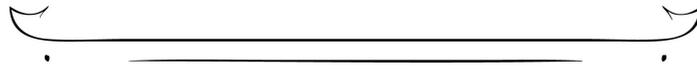
В данной рецензии не имеет смысла (да и невозможно) проводить детальный анализ философских учений, на которые ссылается и о которых упоминает Р. Г. Назиров. Важно отметить только, что автор применяет в своём исследовании своеобразный художественный приём «обратной перспективы». С одной стороны, ссылки на философов (наряду со ссылками на мифологов, психологов, культурологов, социологов и др.) подкрепляют авторские идеи, иллюстрируют и подтверждают истинность авторских доводов и выводов. С другой стороны, привлечение к исследованию мифа в конкретный исторический период философов той эпохи (или приближённых к той эпохе) позволяет изучить некие скрытые механизмы формирования «взглядом изнутри», дать «ситуативную» оценку переформатированным мифологическим представлениям в контексте той культурно-социальной жизни.¹⁸ С третьей стороны, параллельное и взаимопроницаемое развитие мифологических и философских представлений позволяет автору прийти к выводу об ослаблении собственно мифологического мышления и усилении роли научно-философского постижения социальных и природных процессов в развивающемся человеческом обществе.

Причём, по Р. Г. Назирову, миф не замещается полностью ни наукой, ни философией. Отказ от мифа приводит к фрустрации и социальным потрясениям, о чём он с достаточной убедительностью пишет в разделе «XIX. Самообманы цивилизации», посвящённом иллюзиям эпохи Просвещения и контианской попытке радикальной замены позитивистской парадигмой мифологического познания мира.

«Бодрая философия позитивизма обернулась суеверным страхом агностиков. Повторилась эллинистическая ситуация: триумфы знания, умаляя значение веры, порождают взрыв суеверия. Несущественно, что оно порою принимает наукообразную форму» (С. 210).

Отказываясь от сохраняемой в религиозных институтах метафизики, человечество периодически отбрасывает вместе с ненужным (часто только на первый взгляд) «культурным мусором» мифологические составляющие сознания, ценные для воспроизводства культуры и для самосохранения человека, как «человека эмоционального». Автор, в размышлениях о том, что религия позитивизма, лишённая мифологии, скучна, снова возвращается к идее необходимости сосуществования «Метафоры» и «Числа». Тем самым, Р. Г. Назиров предвосхищает состояние человеческой мысли и кризисы общества (политические, экономические, социальные,

¹⁸ Собственно, вся античная философия — это попытка переложения мифологемы творения и мифические образы на философские категории, которая только с Аристотеля приобретает логически формализованный научно-схоластический вид.

научные) начала двадцать первого века, рождённые эйфорией от научно-технических достижений двадцатого столетия. Социальные фрустрации и фобии (параноидальные страхи перед неизлечимыми болезнями, мировым экономическим кризисом, всемирным потеплением, ядерной войной, международным терроризмом и т.д.), сомнения в возможности решения этих глобальных проблем — всё это порождает самые тёмные суеверия, фаталистическое отношение к действительности и необузданный мистицизм и в наши дни. Архетипическое (от природы *мифо-логичное*) сознание пытается создать противовес грубому позитивизму и немифологическому, эгоистическому антропоцентризму, основанному на растущих технологических возможностях человеческой цивилизации. Однако же смыслы, вырванные из контекста цельного мифологического восприятия мира, приобретают чудовищные формы неомифологизированной истории. Над этим размышляет Р. Г. Назиров в XV, XVIII, XIX, XXI разделах, а последний раздел «XXII. Революционная мифология и её перерождение» практически весь посвящен проблеме политической мифологизации. Полагаю, эта глава стала третьей серьёзной причиной, по которой его монография не была издана в безвременье 1990—2000 годов. Слишком сильны были ещё идеи «социализма с человеческим лицом» и слишком большим разочарование «диким капитализмом», пришедшим на смену стагнированному, устаревшему, но всё же социально упорядоченному советскому строю.

Вообще, насколько можно судить по оценкам автора, отношение его ко многим философам, попутно обосновывавшим и рождавшим политические идеи, не просто критичное, а отрицательно-критическое. Хотя он довольно точно описывает «метаморфозы» Платона из *поэта* в *философа* и из *философа* в «*тоталитарного утописта*» (с отходом от сократовских идей), достаточно здраво излагает суть теории Фихте в разделе «XVIII. Четыре немецких философа», однако же, Ромэн Гафанович не совсем справедлив к диалектике Гегеля, к мрачному жизнеутверждению Шопенгауэра, да и к Марксу, в котором видит, прежде всего, «бастарда гегельянства» и «предтечу пролетарской диктатуры». Очевидно, что на подобные оценки повлияли и социально-экономический кризис конца второго тысячелетия, и резко критичное отношение общества к своему недавнему советскому прошлому (пресловутое гегельянское «отрицание отрицания»), и, разумеется, фокусировка автора на исследуемой проблеме, которую можно обозначить как «идеологические мифы новейшего времени». Монография писалась в тот самый «узловой момент истории», когда старые мифы облекаются в новые одежды, меняются мифологические смыслы и возникают новые парадигмы.

«Действительно, реактивации мифов всякий раз происходят в обновлённой, порою даже эксцентричной форме. Старые мифы «маскируются» под самоновейшую современность. Поэтому их часто не распознают наблюдатели. Однако даже позднесоветские философы признали мифологизм массового сознания: «Перед социальной стихией

⤿
⤿

человек современного антагонистического общества нередко столь же бессилён, как дикарь перед лицом природы. И, как дикарь, он может не осознавать это. Быть рабом и считать себя господином. Здесь-то и кроется главная причина существования мифологического мышления в наши дни. И не только в виде пережитков старой, традиционной мифологии, но и в форме заново рождённых мифов» (С. 221).¹⁹

Двадцатый век, по Назирову, — век европейской катастрофы, «кровавый сумрак европейской души, захлебнувшейся в болоте своих мифологий» (С. 222). Бессознательные страхи, воплотившиеся в ужасных образах европейского искусства, он называет симптомом «специфической культурной шизофрении Западной Европы, шизофрении, которая в то же время была мазохизмом и подготовила капитуляцию Европы перед Гитлером» (С. 221). Для двадцатого века характерна не только реактивация мифов «рефлекторной памятью» народов, но и сознательное манипулирование бессознательной экзальтированной массой с помощью архетипических образов, включаемых в идеологические клише. Потому автор завершающий раздел монографии целиком посвящает исследованию механизмов формирования мифо-социальных образов «Великого Отца», «Бога-творца», «Потерянного рая» и возрождённым в контексте политических движений эсхатологическим и космогоническим идеям. Автор «**Становления мифов...**» пишет о европейской культуре и европейской цивилизации, но в разделе XXII преимущественно опирается на отечественный материал, как наиболее близкий, понятный и выразительный для потенциального читателя.

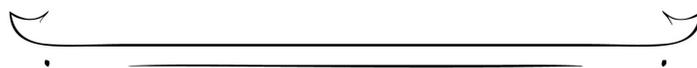
Развенчивание «дедушки-Ленина» можно, конечно, воспринимать и в сугубо узкополитическом аспекте, однако, автор монографии — не политолог, им исследуется мифология во всех её проявлениях, а потому последний раздел следует воспринимать как логический, но открытый, финал всего исследования. Р. Г. Назиров, как исследователь, глубже и шире политических разбирательств и политических памфлетов. Оттого его выводы о перспективах политического мифотворчества и столь неутешительны:

«Нет, нам, пережившим XX век, никак не поверить, что мифотворчества больше не существует. Напротив, стало ясно, что при всех качественных изменениях мифологический процесс никогда не прекращался.

Современное человечество в основном мыслит мифологически и во всех кризисах ищет суррогат Бога — «мирского спасителя». Мы живём в эру деградированных мифологий. Старые мифы великих религий утрачивают действенность, а тоска по мифам остаётся» (С. 245).

К сожалению, политическое мифотворчество продолжается и в нашем веке, оно вместе с нашим мифологическим мышлением перешло в третье тысячелетие, рождая новые мифы и конструируя новых Франкенштейнов. Автор «**Становления**

¹⁹ Гулыга А. Искусство в век науки. М., 1978. С. 52.

мифов...», конечно, выражал надежду на то, что наступит время, когда мифологического и научное сознание будут взаимодополнять друг друга. Однако, в свете современных мировых событий, думается, такое время наступит не скоро, и нам, мыслящим людям начала двадцать первого века, начала третьего тысячелетия, пока тоже остаётся только надеяться. Одним из проявлений надежды на лучшее будущее можно считать и издание рецензируемой монографии. Далекое не всегда бесспорное, не во всём «причёмсанный», но дающее достаточно полное представление об истории человечества, о неровностях культурного развития, о великой человеческой способности мыслить и творчески развязывать узлы мифических противоречий.

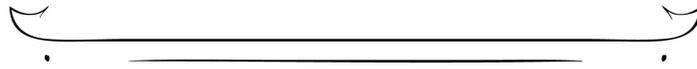
Полагаю, книга найдёт своих читателей. Хотелось бы лишь, чтобы их круг не ограничивался специалистами-гуманитариями, поскольку Ромэн Гафарович Назиров — не только учёный-энциклопедист, но и человек, посвятивший жизнь просвещению молодого поколения. Особенно важно донести книгу до современной молодёжи, во многом оторванной от реальной истории, от понимания культуры, чтобы предостеречь её от созидания новых мифов чудовищной разрушающей силы. Разве не об этом пишет Р. Г. Назиров с первых же страниц своей монографии?

«Не менее важна профилактическая ценность мифа. Речь не идёт о плоской дидактике, мифы не дидактичны, не учительны. Тем не менее, миф может служить предостережением» (С. 25)

Остаётся только присоединиться к словам автора и добавить, что только через осознание природы мифического, через осмысление роли мифологии и «мифологий» в культуре можно противостоять самообманам цивилизации и остаться человеком мыслящим, человеком думающим, человеком созидующим.

Библиография

Дополнения к библиографии
Р. Г. Назирова

Труды Р. Г. Назирова

1. Назиров, Р. Г. Гоголевская традиция и «Скверный анекдот» Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. — № 32. — Спб.: 2014. — С. 181—196 [подготовка текста С. С. Шаулов].

О Р. Г. Назирове

1. Шаулов С. С. Паралипомены к статье Р. Г. Назирова «Гоголевская традиция и “Скверный анекдот” Ф. М. Достоевского» // Достоевский и мировая культура: альманах. — № 32. — Спб.: 2014. — С. 197—211.

Правила для авторов

Рукописи в машиночитаемом виде представляются в редакцию по электронной почте nevmenandr@gmail.com. Во избежание недоразумений авторам предварительно следует ознакомиться со статьёй о принципах и целях издания (2013 № 1) до того, как посылать текст на рассмотрение редакции. Непрофильные статьи приняты к публикации не будут.

Ссылки на литературу оформляются в виде постраничных сносок. Фамилия автора цитируемой работы выделяется курсивом. Между названием работы и местом издания, а также между годом издания и страницами тире не ставится.

Вместе с представляемым в редакцию текстом следует прислать и сведения об авторе, включающие фамилию, имя, отчество, аффилиацию.

Вопрос о публикации в журнале будет рассмотрен после внутриредакционного рецензирования.

Публикация в журнале бесплатная.

НАЗИРОВСКИЙ
АРХИВ

Цена: 14 руб. 50 коп.